

И. КОТЛЯРЕВСКИЙ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

И. КОТЛЯРЕВСКИЙ

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА МАКСИМОМ ГОРЬКИМ В 1931 ГОДУ

БОЛЬШАЯ СЕРИЯ

ИЗДАНИЕ

ТРЕТЬЕ

С О В Е Т С К И Й П И С А Т Е Л Ъ

И. КОТЛЯРЕВСКИЙ

СОЧИНЕНИЯ

ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ • 1986

Редакционная коллегия

Ю. А. Андреев (главный редактор),
И. В. Абашидзе, Г. П. Бердников, А. Н. Болдырев,
Р. Г. Гамзатов, Н. М. Грибачев, М. А. Дудин, А. В. Западов,
Е. А. Исаев, М. К. Каноат, Д. С. Лихачев, Э. Б. Межелайтис,
А. А. Михайлов, Л. М. Мкртчян, Д. М. Мулдагалев, Б. И. Олейник,
А. И. Павловский, С. А. Рустам, Н. Н. Скотов, М. Танк

Вступительная статья

М. Т. ЯЦЕНКО

Составление и примечания

М. Т. МАКСИМЕНКО

Редактор Д. М. Климова

ТВОРЧЕСТВО И. П. КОТЛЯРЕВСКОГО В ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Черты новой украинской литературы прослеживаются с конца XV — первой половины XVI века, когда, как и во всех новоевропейских литературах, в процессе гуманизации общественной жизни на основе усвоения традиций античности и средневековой народной культуры складывается новая концепция бытия и личности, формируются иные, нежели в средние века, идейно-эстетические принципы художественного познания мира, новая жанрово-стилевая система. XVI — XVII века на Украине, связанные, с одной стороны, с острой борьбой за независимость, а с другой — с социальными учениями и художественной культурой Возрождения, характеризуются обращением к объективно-историческим факторам национального развития, отходом от художественной условности и универсализма.

Выступая как явление светской жизни, литература все сильнее вовлекается в сферу социальной борьбы, способствует развитию национального самосознания. Она отходит от традиционных форм старого книжного языка, рассчитанного на обслуживание образованных слоев общества, все более активно обращается к народной разговорной речи и народному мировосприятию. Изменяется и ее авторский состав — на первое место выдвигаются выходцы из казацкого сословия, канцеляристы, представители просвещенных кругов дворянства и низшего духовенства. Значительно ослабевает связь с канонами школьных поэтик.

Ренессансное восприятие действительности проявилось в украинском искусстве и литературе того времени в реабилитации земного чувственного мира, центральное место в котором занимает как мера всех вещей человек, познающий через овладение знаниями окружающую его действительность. Утверждение самоценности человеческого бытия, свободного от противопоставления его (как низшей субстан-

ции) божественной сущности, содержало в себе те антиклерикальные тенденции, борьбу с духовным диктатом церкви, которые позже были развиты Просвещением. Вера в разумные начала и законы природы, включающей в себя и человека, осознание единства природы и человека, гармония «естественного» и социального, вера в безграничные силы разума и врожденную доброту человека, характерные для Возрождения и получившие яркое развитие в Просвещении, не только послужили исходными идейно-художественными началами рождающейся новой украинской литературы, не только способствовали развитию реалистических тенденций, но и расширяли ее нравственно-воспитательную функцию.

Усвоение ренессансного сознания общественной и, в частности, художественной мыслью на Украине способствовало развитию идеи «природного» равенства людей, разрушению сословных барьеров и появлению внесословного гражданского сознания как одного из факторов возникновения сознания национального, социально еще слабо дифференцированного на первых этапах его формирования.

В силу исторических условий во всех проявлениях ренессансного художественного сознания, тесно связанного на Украине в XVI—XVII веках с идеями Реформации и реформационной литературой, синтез античности и средневековья отмечен ведущей ролью национальной традиции, народного элемента культуры, преобладанием жанров и форм фольклорного происхождения. Это проявляется в обращении к материально-чувственному миру как главному объекту художественного отражения и эстетического переживания, в преобладании в художественной структуре принципа сказочного построения («принцип дополнения»), когда на общий стержень нанизываются все новые и новые эпизоды, в обилии орнаментально-метафорических элементов, что, в частности, нашло отражение как в полемической, так и в пародийно-комической литературе.

С середины XVII века формирование новой жанрово-стилевой системы украинской литературы происходит уже за пределами эпохи Возрождения и попадает в сферу воздействия барочного художественного сознания, возникшего на Украине на рубеже XVI—XVII веков. Барокко охватывает не только «низкие» комедийно-пародийные жанры (вертепная драма, «рождественские» и «пасхальные» вирши-травестии), но и «средние» и «высокие» стилиевые уровни. В православнославянских странах, в том числе и на Украине, барокко «приняло на себя такие важные ренессансные функции, как секуляризация и гуманизация духовной культуры, в частности литературы».¹ Хотя и в

¹ Наливайко Д. С., Крекотень В. І. Українська література XVI—XVIII століть у слов'янському і європейському контексті // IX Міжнародний з'їзд славістів. Слов'янські літератури. Доповіді. Київ, 1983. С. 57.

разной мере, в барокко отразились идеи и средневековья, и Ренессанса, и Просвещения. Так, в частности, мотив противоречия между человеком и его социальным окружением, появившийся еще в средневеково-религиозном неприятии бренного, «грешного» мира и получивший как главная антиномия бытия философско-мировоззренческое обоснование в барокко, выступает в творчестве Г. Сковороды как просветительское понимание неразумной действительности, отклонившейся от «естественных» начал.

Наиболее ярким выражением этих определяющих развитие украинской литературы культурно-политических тенденций эпохи, переходной от феодализма к капитализму, от старого идейно-художественного мышления к новому, и является творчество И. П. Котляревского — первого классика новой украинской литературы. Говоря об украинской литературе переходного периода, И. Франко отмечал, что еще и до Котляревского «у нас была литература и были писатели, была духовная жизнь, были люди, так или иначе выходящие мыслью за тесный круг обыденных, материальных интересов, так или иначе ищущие каких-то идеалов и путей для их осуществления». ¹ Одним из таких писателей, «предтечей новой эпохи», по словам И. Франко, был Г. Сковорода, в творчестве которого отразились «новые идеи европейской философии и этики, те самые идеи равенства людей, простоты и естественности их взаимоотношений, которые во Франции проповедовал Руссо». ² Но только начиная с Котляревского украинская литература окончательно «принимает характер литературы нового времени, становится все ближе к реальной жизни, все больше отвечает ее потребностям. И по языку, и по характеру выражения она все больше приближается к живому народу, охватывает все его слои, входит все глубже в душу народа, движет мысль, поднимает идеалы, умножает средства духовной силы для борьбы за те идеалы». ³

Значение для украинской литературы творчества Котляревского и, в частности, его «Энеиды», знаменовавшей собой открытие нового национального мира с его неповторимым комплексом социально-исторического и нравственно-эстетического сознания, несущей в себе новые принципы художественного познания мира, мощный заряд народного гуманизма и просветительских идей нового времени, можно в известной мере сравнить со значением «Божественной комедии» Данте — для итальянской, «Кентерберийских рассказов» Чосера — для английской, «Гаргантюа и Пантагрюэля» Рабле — для французской, «Дон Кихота» Сервантеса — для испанской, «Дочери Славы» Коллара — для чешской и словацкой. Творчество Котляревского при-

¹ Франко І. Зібр. творів: В 50-ти т. Київ, 1983. Т. 38. С. 7.

² Там же. 1984. Т. 41. С. 44.

³ Там же. Т. 38. С. 7.

надлежит к тем вечно живым и движущимся во времени явлениям, о которых, как сказал В. Белинский о Пушкине, каждая эпоха составляет свое суждение, не исчерпывая при этом всей глубины их содержания.

1

Иван Петрович Котляревский родился 9 сентября 1769 года в Полтаве в семье канцеляриста городского магистрата, которая в 1789 году была внесена в список дворян. Дом Котляревских стоял в живописном уголке Полтавы, напоминавшей в то время скорее большое село, чем город. С высокого холма открывалась широкая панорама лесов и лугов, среди которых серебрилась воспетая украинскими поэтами Ворскла. Здесь в кругу босоногих сверстников и прошло детство будущего писателя.

Получив начальное образование, как и водилось тогда, у местного дьяка, Котляревский в десятилетнем возрасте поступил в Екатеринославскую (по названию епархии) семинарию в Полтаве. Обучение здесь обычно продолжалось 10—13 лет и начиналось с чтения и письма, а затем постепенно включало русский и латинский языки и литературу, поэтику, риторику, философию и богословие. Изучение поэтики и риторики сопровождалось практическими занятиями по переводу и подражанию, главными объектами которых были произведения Вергилия, Овидия, Горация. На годы обучения Котляревского в семинарии приходится государственная реформа школьного образования, вследствие чего он получил возможность изучать еще и французский язык, с которого впоследствии свободно переводил. Первый биограф Котляревского С. Стеблин-Каминский указывает: «Еще на семинарской скамье он писал стихи и за искусство подбирать рифмы прозван был *рифмачом*».¹

В 1789 году Котляревский, не доучившись, оставляет семинарию и поступает на службу в Новороссийскую канцелярию, находившуюся тогда в Полтаве. В 1793 году он начинает учительствовать в помещичьих семьях на Полтавщине. «В эту эпоху своей жизни, — свидетельствует биограф писателя, — по словам современников его, он наблюдал нравы, обычаи, поверья и предания украинцев, бывал на сходбищах и играх простолюдинов и сам, переодетый, участвовал в них, прилежно вслушивался и записывал слова малороссийского наречия».² Тогда же, в 1794 году, Котляревский начинает работу над поэмой «Энеида».

¹ Стеблин-Каминский С. Иван Петрович Котляревский // «Основа». 1861, февраль. С. 164.

² С [теблин] — К [аминский] С. Биография поэта Котляревского // «Северная пчела». 1839, 4 июля.

С 1796 по 1808 год Котляревский находится на военной службе. Поскольку Сиверский карабинерный полк, где служил он, квартирован был на Полтавщине, Котляревский имел возможность принимать участие в местной жизни. Не прекращая работы над «Энеидой», он в 1804 году пишет «Песню на Новый год пану нашему и отцу князю Алексею Борисовичу Куракину» (в 1802—1807 годах Куракин был генерал-губернатором Полтавской и Черниговской губерний).

В 1798 году в Петербурге на средства коллежского асессора М. И. Парпуры были напечатаны первые три части поэмы «„Энеида“, на малороссийский язык перелицованная И. Котляревским» (без ведома автора, по списку, содержащему много ошибок). В 1806—1807 годах Котляревский принимал участие в русско-турецкой войне, а в начале 1808 года в чине капитана уходит в отставку. В это время появляется второе издание первых трех частей «Энеиды». В 1809 году, находясь в Петербурге, поэт осуществляет первое авторское издание «Энеиды» (первые четыре части).

После неудачной попытки поступить на гражданскую службу в Петербурге Котляревский возвращается в Полтаву, где в середине 1810 года получает должность смотрителя Дома воспитания детей бедных дворян.

В 1812 году Котляревский, уже зарекомендовавший себя как энергичный и гуманный педагог (педагогическая деятельность писателя получила отражение, в частности, в повести Т. Шевченко «Близнецы»), получает задание генерал-губернатора Я. Лобанова-Ростовского сформировать казачий полк. Сформировав в течение семнадцати дней полк, Котляревский (не оставляя должности смотрителя Дома воспитания) в 1813—1814 годах выполняет отдельные поручения губернатора в Дрездене и Петербурге. В это время он работает над пятой частью «Энеиды». В 1817 году он осуществляет русский перепев «Оды Сафо».

В 1816 году генерал-губернатором Полтавской и Черниговской губерний был назначен Н. Г. Репин (родной брат декабриста С. Г. Волконского). Управителем его канцелярии был М. Н. Новиков — член декабристского «Союза спасения», а позже — «Союза благоденствия», — который в 1818 году основывает в Полтаве масонскую ложу «Любовь к истине». Одним из ее членов становится Котляревский. Тогда же писатель был избран членом Харьковского общества любителей изящной словесности, а в 1821 году — почетным членом петербургского Вольного общества любителей российской словесности, находившегося под влиянием декабристских идей. На заседаниях общества в 1821—1823 годах читали отрывки из пятой части «Энеиды» (в 1822—1823 годах они были опубликованы в журнале общества «Соревнователь просвещения и благотворения»).

Хотя Котляревский, имя которого внесено в «Алфавит» декабристов, и поддерживал тесные связи с М. Н. Новиковым — автором первого республиканского проекта конституции, одним из деятельных участников декабристского движения, — убедительных данных о близости писателя к тайным политическим обществам нет. Состав полтавской масонской ложи «Любовь к истине», в которой Котляревский исполнял обязанности витии, одновременно будучи активным членом полтавского отделения Библейского общества, социально и идеологически был весьма неоднороден. «Масонство, — как справедливо отмечает Д. И. Багалей, — не было ни революционным, ни даже ярко оппозиционным движением, хотя возникло отчасти тоже на почве недовольства в обществе, — это было выражение в коллективной форме самоусовершенствования человека». ¹ Эти идеи нашли отражение и в творчестве Котляревского, в то время как влияние революционной идеологии декабризма в нем отсутствует.

В 1818 — 1821 годах Котляревский состоял одним из двух директоров недавно открытого Полтавского театра. Он прилагал много усилий для подготовки репертуара (нередко сам переделывал тексты пьес), постоянно бывал на репетициях и представлениях, осуществлял большую организационную работу. Можно думать, что сама атмосфера театральной жизни Полтавы (с 1818 года в театре работала часть харьковской труппы И. Ф. Штейна), критическое отношение Котляревского к таким псевдонародным пьесам из украинской жизни, как «Казак-стихотворец» А. Шаховского, настоятельная потребность в подлинном украинском репертуаре, дружба писателя с М. С. Щепкиным способствовали обращению его к драматургии. Так в 1818 — 1819 годы были написаны пьесы «Наталка Полтавка» и «Солдат-чародей», получившие задолго до их публикации активную театральную жизнь и популярность не только в Полтаве, но и за пределами Украины. «Наталка Полтавка», по свидетельству одного из биографов Котляревского, «была принята с громким одобрением, а имя сочинителя повторялось с любовью не только во всей Малороссии, но и во многих местах Великодержавии и в обеих столицах. Чрез несколько времени на Полтавском же театре показался «Москаль-чарівник», также принятый с общою похвалою. Этот «Чарівник» замечателен еще как пьеса, в которой с полным блеском проявился талант народного артиста М. С. Щепкина... Раскрытием своих дарований в выполнении ролей из народной жизни он обязан Котляревскому, который видел в нем первоклассного артиста...» ² К этому следует добавить, что еще в 30-е годы XIX века «Наталка Полтавка» стала из-

¹ Багалей Д. М. Декабристи на Україні. Харків, 1926. С. 19.

² Науменко В. Иван Петрович Котляревский // «Основа», 1861, февраль. С. 168.

вестна в Западной Европе (так, Ф. Л. Челаковский перевел из нее песню; после публикации пьесы в 1838 году в чешской прессе появились рецензии на нее и статьи о творчестве Котляревского); в 1846 году, после создания в Тифлисе русско-украинской театральной труппы, «Наталка Полтавка» была одним из первых спектаклей в ее репертуаре.

В начале 20-х годов имя Котляревского как украинского писателя и общественно-культурного деятеля пользовалось большой популярностью не только на Украине, но было хорошо известно и в России, в частности в художественных кругах Петербурга. Печатаемый из пятой части «Энеиды», журнал «Соревнователь просвещения и благотворения» дал следующее примечание: «Сообщаем его читателям журнала, надеясь, что доставим удовольствие любителям сего произведения, исполненного необыкновенной веселости, остроумия и во многих отношениях весьма оригинального».¹

Занимая в 1827 — 1835 годах должность попечителя Полтавского благотворительно-лечебного заведения (одновременно с исполнением обязанностей смотрителя полтавского Дома воспитания детей бедных дворян), Котляревский, как всегда, помогал бедным и социально униженным; дом его был известен каждому малоимущему челобитчику. В памяти современников он остался приветливым, добрым человеком, пользующимся симпатией и любовью всех, кто с ним общался. С. Стеблин-Каминский, знавший писателя лично, вспоминает, что он был душой общества, прекрасным рассказчиком, умел говорить о серьезных вещах весело, шутить добродушно; речь его была яркой, насыщенной пословицами и поговорками.

В последние годы жизни Котляревский поддерживал связи со многими деятелями культуры и учеными, в частности с Н. Гнедичем, О. Сомовым, М. Максимовичем, Д. Бантыш-Каменским и др. В течение 1829 — 1838 годов у него в Полтаве бывали Н. Гоголь, П. Свиньин, М. Погодин, В. Пассек, И. Срезневский и др. Последнему Котляревский передал в 1837 году для опубликования «Наталку Полтавку» (напечатана в первой книге «Украинского сборника» в 1838 году) и «Солдата-чародея» (напечатан во второй книге этого альманаха в 1841 году). Был подготовлен к печати и полный текст «Энеиды», но напечатан (в 1842 году), как и пьесы, уже после смерти автора.

Все, кому приходилось общаться в эти годы с Котляревским, отмечают его глубокие знания украинской истории, народного быта и поэзии. Знание Котляревским истории Украины, народного быта было, как говорит С. Стеблин-Каминский, весьма широким; многие русские писатели, создавая произведения, относящиеся к Украине,

¹ «Соревнователь просвещения и благотворения». 1822, ч. 17. С. 98—99.

переписывались с Котляревским и получали от него исчерпывающие и убедительные ответы на свои вопросы. Об этом, в частности, упоминал Д. Бантыш-Каменский в предисловии к первому изданию своей «Истории Малой России».¹

В 1835 году Котляревский оставляет службу. Умер писатель 29 октября 1838 года и похоронен в Полтаве.

2

В мировосприятии и творчестве Котляревского нашла отражение атмосфера переходной эпохи конца XVIII — начала XIX века. Это было время, когда старый уклад «казацкой» Украины бесповоротно уходил в прошлое. Во второй половине XVIII века феодально-крепостнический гнет и национальное угнетение приобрели на Украине особенно тяжелые формы. На Левобережной и Слободской Украине были аннулированы остатки государственной автономии (1764); ликвидирована Запорожская Сечь (1775), законодательно введено крепостное право (1783). На Правобережной Украине, находящейся во власти шляхетской Польши, наступает экономическая разруха, приходит в упадок городская жизнь и торговля. Восточная Галиция, Северная Буковина и Закарпатская Украина оказываются в составе Австрии.

Усиление крепостнического гнета вызывает крестьянские восстания (1750, 1754, 1757, 1761, 1764-й годы; поддержка на Украине в 1773 — 1774 годах восстания Емельяна Пугачева; в 1769 году — восстание в с. Турбаях на Полтавщине; в 1768-м — восстание на Правобережной Украине, известное под названием Коливищины).

Хотя стихийный протест народных масс и приводил к подрыву экономической и политической основы самодержавного строя, к расшатыванию религиозной идеологии, развитие капиталистических отношений на Украине и формирование буржуазной нации проходили в крайне неблагоприятных условиях. Разобщенность экономической, политической и в значительной мере культурной жизни, засилие феодальных пережитков во всех сферах хозяйственной и духовной деятельности, интенсивное наступление крепостничества, орудием которого выступало в своей массе культурно отчужденное от народа и в большой степени денационализированное украинское дворянство, тормозили развитие национального самосознания народа, его культуры.

Вместе с тем интенсивное расширение связей Украины с центрами политической и культурной жизни России способствовало распростра-

¹ См.: И. П. Котляревський у критиці та документах. Київ, 1959, с. 64—65.

нению на Украине передовых общественных плем и взаимобмену культурными достижениями. В общественном сознании, формирующемся под влиянием успехов в познании объективных законов природы и общественного развития, распространения новых общеевропейских философско-политических идей и прогрессивных социологических учений, в частности под влиянием идей Французской буржуазно-демократической революции 1789 года, возникают демократические и материалистические тенденции, развивается дух вольнодумства и критицизма, сочетающиеся с антимонархическими, антикрепостническими настроениями, с острой критикой духовенства. На повестку дня выдвигается вопрос об изменении самого принципа государственного правления, о его решительной (вплоть до насильственного свержения самодержавия) демократизации.

Острый кризис феодально-абсолютистского строя получил свое яркое выражение в движении XVIII века — Просвещении, охватившем все европейские страны. Отличительной чертой этой новой идеологии была безграничная вера в преобразующую силу разума и просвещения. «Религия, понимание природы, общество, государственный строй — все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него. Мыслящий рассудок стал единственным мерилем всего существующего». ¹ Речь шла не просто о распространении просвещения, образования как таковых, но о «просвещении умов», об утверждении нового мировоззрения, «истинных» представлений о мире, обществе и человеке. В этих условиях идеология Просвещения «сама становилась активным фактором, помогавшим расшатывать старый порядок, ускорявшим ход исторического развития». ²

С разложением феодального общества связан был и распад «универсализма» в области художественного мышления. Многие философы докапиталистического времени понимали жизнь конкретной исторической эпохи, определенного общества, отдельного народа лишь как частную модификацию извечно повторяющейся единой сущности, которая в их сознании не имела значительного собственного содержания. Исходя из этого складывались и ведущие принципы художественного отражения действительности как вечные и неизменные для всех времен и народов. Однако, как уже упоминалось, в недрах этого художественного «универсализма» возникает движение, направленное на созидание самобытного национального искусства, свободного от пут нормативности, утверждающего многообра-

¹ Энгельс Ф. Введение к «Анти-Дюрингу» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 16.

² Проблемы просвещения в мировой литературе. М., 1970. С. 15.

ние художественных форм и средств, появляется понимание индивидуального творчества как свободного самовыражения творческих возможностей художника, его собственных эстетических представлений, связанных с национальными художественными традициями и потребностями нового времени. Этот процесс в украинской литературе начался, как было сказано, еще в XVI веке. В конце XVIII — в 30-е годы XIX века, в период, когда жил и творил Котляревский, несмотря на живучесть рационалистических правил классицизма, идея национального своеобразия искусства и литературы, свободного проявления творческих способностей художника получает не только воплощение в писательской практике, но и теоретическое обоснование.

Это новое понимание самой природы художественного творчества, так же как и новое, просветительское видение действительности, выразившееся в новой концепции общества и личности, нашло яркое отражение в творчестве Котляревского.

Хотя фабульной основой поэмы Котляревского «Энеида» стала героическая эпopeя Вергилия — произведение в полном смысле классическое, — украинский поэт идет своим путем. В третьей, пятой и шестой частях поэмы он дает понять, что его остранинное повествование (он называет свое произведение сказкой) не является сугубо художественным вымыслом, созданным по правилам классицистической поэтики, а основывается на национальной украинской действительности и ведется с точки зрения национальных представлений о ней.

Писатель говорит о своем стремлении быть правдивым не только при описании битвы между рутульцами и троянцами, но даже самого ада. Правдивость художественного произведения, по его мнению, может быть достигнута не подражанием Вергилию, поэтическое мышление которого сформировалось в далекие времена, а путем следования представлениям, сложившимся на собственной почве, народной. Исходным материалом для него является отечественная история, что обеспечивает собственную точку зрения при изображении событий.

Оппозиционное отношение к старым музам, которыми, по выражению автора, можно было покрыть доверху Парнас, следует понимать как отрицание доминирующей тогда в отечественном искусстве классицистической поэтики. Он призывает себе на помощь новую музу — «веселую и молодую». Следование правде при изображении исторических событий и национальных обычаев выдвигается и в «Наталке Полтавке» в суждениях действующих лиц о пьесе А. Шаховского «Козак-стихотворец», ибо то «некрасиво, что москаль взялся по-нашему и про нас писать, не выдавши нашего края, не зная обычаев и поверий наших». «Большая неправда, — резюмирует возный общее мнение, — выведена перед взорами публичности. За сие малороссийская история вправе призвать сочинителя к ответу». Таким образом, у

Котляревского появляется мысль об общественной ответственности писателя.

Предания, песни, народные представления о жизни являются для Котляревского тем исходным материалом, который гарантирует непогрешимость писателя при воссоздании национальной жизни. Он наполняет «Наталку Полтавку» украинскими народными песнями и собственными стилизациями народной песни. В противовес модным «светским» романсам, которыми так восхищается Финтик, писатель в водевиле «Солдат-чародей» выдвигает художественную ценность народной песни, органически связанной с жизненными идеалами и чувствами народа. И в «Энеиде», и в пьесах главным объектом художественного изображения является народная жизнь, а персонажами, олицетворяющими богатырскую удаль, исторический оптимизм, отвагу, верность долгу, богатство и незлобивость души, честность и доброту, — представители простого народа. Так требование правдивости искусства сочетается у Котляревского с принципом народности, который, по словам Белниского, стал «альфой и омегой нового периода литературы».

Прямая публицистическая критика феодальных порядков объединяет всех просветителей. Это проявляется не только в морально-рационалистическом осуждении действительности, но и в философско-мировоззренческом обобщении ее сущности, в критике общества, отклонившегося от «естественного» миропорядка и стремящегося только к обогащению одних за счет других. Рассматривая общество как социально неоднородное, Котляревский прежде всего представляет самосознание эксплуатируемых слоев, сформировавшееся на протяжении длительного исторического времени и воспринимаемое уже как обобщенная самооценка не только их жизненной судьбы, но и исторической судьбы всей народности: «Беда беду с собой приводит, — Она — устав судьбы людской».

Социально несправедливое общество порождает и антигуманную общественную мораль; в человеческих отношениях нет ничего святого даже в сфере семейной жизни:

У нас дурак лишь не берет.
А кто умней, тот — загребуший,
Умеет жить по правде сущей,
С отца родимого сдерет.

Если в «Энеиде» нравственное сознание членов общества выступает еще в целом классово нейтральным, то в «Наталке Полтавке» уже четко проявляется его классовый характер:

Всякий, кто выше, тот низшего гнет,
Сильный бессильного давит и жмет.

Бедный богатому верный слуга,
Корчится, гнется пред ним, как дуга.

Красочная картина ада в «Энеиде» свидетельствует об упадке морали среди всех слоев общества — от господ до слуг. Таким образом, требование правдивости у Котляревского неотделимо от критической концепции действительности. В обрисовке обобщающей картины состояния общества он по-своему продолжает традиции украинской и русской сатирической литературы XVIII века и Г. Сковороды, который говорил о современном ему мире: «Мыр же есть море потопляючихся, страна моровою язвою прокаженных, ограда лютых львов, острог плененных, торжище блудников, удица сластолюбная, пещь, распалюющая похоти, пир беснующихся, лик и хоровад пияносумасбродных...»¹ По сравнению с Г. Сковородой, обличающего мир с позиции почти средневекового христианского аскетизма, Котляревский делает заметный шаг вперед к прояснению взаимосвязи между общим состоянием общества и личностью.

Древняя и старая украинская литература общественную среду и человека показывала еще как параллельные и, по существу, независимые друг от друга явления. Так, у Сковороды арсенал нравственных понятий индивидуума формируется не исторически, как результат общественной практики, а является неизменным, поскольку определяется той или иной врожденной «природой» человека. Этическая норма выступает автономной как форма личного поведения, которая может быть, по его мнению, реализована независимо от состояния морального сознания общества. (Этот принцип, кстати, Сковорода пытался воплотить в своей жизненной судьбе.) Между тем личный моральный идеал в действительности тесно связан со структурой морального сознания общества, поскольку индивид объективно включен в общественный организм. «...Сущность человека, — указывает К. Маркс в «Тезисах о Фейербахе», — не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений».² Исходя из просветительского представления о природной доброте человека, Котляревский в своих произведениях показывает, однако, что реальное поведение, проявление тех или иных качеств личности зависят от характера воспитания, влияния среды, от социальной роли и общественного положения индивида.

В пьесе «Наталка Полтавка» Тетерваковский заявляет: «Я хоть и возный, а признаюсь, что от рождения моего расположен к доб-

¹ Сковорода Г. Повне зібр. творів: У 2-х т. Київ, 1973. Т. 2. С. 108.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 3.

рым делам. Но за недосугом по должности и другими заботами доселе ни единого не сделал». Это заявление персонажа, в сущности, характеризует антигуманный облик всего общественного организма. Оказывается, что в обязанность возного, как одного из мелких функционеров государственного аппарата, не входит делать людям добро. Напротив, социальная роль Тетерваковского как раз и дает ему возможность пренебрегать интересами других, в частности добиваться насильственного брака с Наталкой, угрожать старой Терпилихе судом, штрафом и даже тюрьмой. И это становится возможным только потому, что девушка со своей матерью стоят ниже возного в социальной иерархии. Вместе с выборным Тетерваковский требует, чтобы Петро вопреки своим чувствам отступился от Наталки и немедленно убирался из села: «Вон, разбойник, из нашего села! Чтосы и духу твоего здесь не было! А коли своей волей не пойдешь, отправим тебя туда, куда и Макар телят не гонял!»

Общество, основанное на неправде и насилии над личностью, способствует, таким образом, формированию эгоистических, противных «доброй природе» человека черт характера. «Возный, видишь ли, вот и задирает нос, что паном считается, — говорит о Тетерваковском Микола. — Судейский, самый настоящий. И такой хапуга, что с родного отца готов шкуру содрать» (вспомним в «Энеиде» уже обобщающее: каждый, живя «по правде сущей», «с отца родимого сдерет»).

Возный хорошо знает, что добиться в жизни чего-нибудь можно только при помощи подкупа и обмана:

Тот, кто не смажет, тот возом скрипнит,
Кто не словчился, тот сзади сидит.

Социальная предопределенность нравственных представлений Тетерваковского не является исключением из правил. Напротив, возный находит основание и оправдание своего небескорыстного плутовства и обмана в общем «противоестественном» состоянии общества. В ответ на реплику выборного, что врать и обманывать других «перед богом грех, да и перед людьми совестию», он заявляет: «Ох, простота! Кто же теперь — того, как его — не врет, кто не обманывает? Поверь мне: если бы здесь собралось много народу, а с неба вдруг ангел с огненной розгой слетел и воскликнул: «А ну, лгуны и обманщики, прячьтесь, не то накажу вас!» — ей-богу, все присели бы к земле — потому что совесть нечиста».

Лжец и панский блюдолиз Финтик («Солдат-чародей»), который стыдится своей матери из-за того, что она одета не «по-городскому», тоже теряет совесть и отрекается от «природных» чувств под влиянием среды — своего чиновничьего окружения. Этот представитель крючкотворного «крапивного семени», у которого «совесть купоро-

сом подправлена», не боится никакого осуждения за неуважение к своей матери. Такое отношение к ней вытекает из моральных принципов общества, что и является для Финтика определяющим: «Надобно сообразоваться со временем и по оному поступки и чувства свои располагать».

Поскольку общество основано не на просветительских принципах естественного равенства людей и справедливости, а на «праве» сильного, который, руководствуясь своими эгоистическими интересами, заботится не о всеобщем благе, а только о собственном обогащении и власти, социальная несправедливость и зло у Котляревского сосредоточены преимущественно в панско-чиновничьей среде. Не случайно, таким образом, среди грешников, тяжкими муками искупающих свои грехи,

И тьма начальников-пиявок,
Десятских, сотских — злобных шавок
И распроклятых писарей;
Толпа исправников заштатных,
Судей и стряпчих беспонятных,
Поверенных, секретарей.

.

Панов за то и мордовали,
И припекали в свой черед,
Что людям льготы не давали,
На них смотрели, как на скот.

В то же время праведники в раю «не толстосумы» и «не чиновные», «не те, что в дорогих жупанах, и в кармазинах, и сафьянах». «То — бедняки, хромцы, уроды», «Все те, что летом и зимою Голодные, с пустой сумою Дразнили по дворам собак». Господам «не сродно» вести «праведную жизнь», потому-то в раю «не больно много старшин». Тенденция к сосредоточению пороков среди господ, которая все четче проявляется в творчестве последователей Котляревского (П. Гулак-Артемовского, Г. Квитки-Основьяненко и др.), — пока не выльется у Шевченко в гневную и бескомпромиссную инвективу, направленную против народных угнетателей, — уже присутствует в «Энеиде», хотя и не стала еще определяющим идейно-художественным принципом.

Характер взаимосвязи, зависимости и противоположности между персонажами в произведениях Котляревского в большой мере, однако, еще имеет форму чувственно-индивидуальных, а не сословно-классовых отношений. Моральные нормы в «Энеиде» раскрываются главным образом как совокупность поведения представителей единого человеческого рода, а не как представителей определенных клас-

сов. Поэтому представители одних и тех же классов и сословий находятся и в раю, и в аду. В аду — не все паны и старшина, не все судьи, а только те из них, которые «людям льготы не давали» или «денежки с людей лупили», творя неправый суд. Точно так же и духовенство, попы и «крутопопы» отбывают наказание за персональные грехи, за то, что пренебрегали своими обязанностями и не подавали примера в соблюдении норм христианской морали. Большинство грешников — это люди с общечеловеческими морально-этическими недостатками: злые мачехи и свекрови, отчимы и скупые тести, сердитые шурины и сварливые золовки, пьяницы, бродяги, легкомысленные барышни, «мужья, что женам потакали», и пр. В огненной смоле кипели целые цеха: скорняжный, шерстобитный и портняжный. О неотвратимости наказания за нравственные прегрешения независимо от социального положения, веры, возраста и т. п. свидетельствует обобщающее перечисление грешников в аду:

Была здесь шляхта и мещане,
Паны здесь были, мужики,
Неверные и христиане,
И молодежь, и старнки;
Здесь был богатый и убогий,
Здесь был прямой и колченогий,
Здесь были зрячие, слепцы...

Вместе с тем переход конфликта непосредственно в общественную среду, в сферу обыденных человеческих взаимоотношений (это лучше всего удалось Котляревскому в «Наталке Полтавке») объективно приблизил писателя к пониманию причинных связей между личностью и средой, к изображению индивида как общественного типа. Поскольку личность и общественная среда противоположны как стороны единства, которые постоянно переходят друг в друга, тип личности должен раскрывать характер общественных отношений, их наиболее существенные черты. Важно, подчеркивал Ф. Энгельс в письме к М. Гаркиес по поводу ее романа «Городская девушка», показать не просто все разнообразные обстоятельства, влияющие на человека в процессе его жизнедеятельности, но прежде всего те основные социально-исторические условия, влияние которых является определяющим для формирования каждого человеческого характера, те материальные условия общественной жизни, которые складываются независимо от воли и сознания людей.¹

Нельзя сказать, что в «Наталке Полтавке» Котляревский не говорит о материальных условиях жизни персонажей. Напротив, ему-

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37. С. 35—37.

щественное неравенство собственно и становится причиной драматических переживаний Наталки и Петра. И Терпилиха, и ее дочь хорошо знают по собственному жизненному опыту, что такое бедность, однако как раз социальные причины неравенства и не объясняются в пьесе. По мнению Наталки, «бедность ли, богатство — на все божья воля». Противоположность человека и среды, вытекающая в то время из непримиримости классовых интересов господствующих слоев и крепостных крестьян, не попадает в пьесе в поле зрения автора и присутствует в произведениях Котляревского в виде отдельных упоминаний, так сказать, «в снятом виде». Сущность конфликта, таким образом, состоит в нарушении индивидуумами главным образом всеобщих гуманистических морально-этических принципов.

Можно сказать, что Котляревский уже подошел близко к пониманию единства типических обстоятельств и типических характеров, однако о типических реалистических характерах говорить еще нельзя. Логика их нарушается вследствие просветительской установки на примат в общественных отношениях «естественного» (возный, как и Эней, «к добру с рождения склонный») и рационалистического начал (влияние воспитания, нравственного урока), абстрактных морально-этических ценностей. И Тетерваковский, и Финтик в финале лишаются своих типических социальных черт, «перевоспитываются». Однако сущность вопроса не только в этом. У Котляревского, прежде всего в сфере создания характеров, нет еще органического сочетания типического с индивидуальным, выражения типического через индивидуальное. Это, в частности, ярко проявляется в образах персонажей, представляющих в тех или иных ситуациях положительное начало. Так, положительные черты Энея, Дидоны, Лавинии, Наталки, Петра, Миколы, Тетины и матери Финтика варьируются в одном кругу синонимических признаков: бедовый, проворный, пригожий, задорный, хоть куда казак (Эней); ладный, проворный, крепкий, работающий, добрый (Петро); красива, весела, разумна, трудолюбива, домовита (Дидона); красива, стройна, проворна, не спесива, добра (Лавиния); красива, бойка, ловка, умна, ко всякому делу способна, добра, не спесива (Наталка); добрая, разумная, почтенная (мать Финтика).

Тетерваковскому, Макогоненко, Финтику, Юоне, Амате, Лавину, Турну и другим персонажам, противостоящим положительному началу, свойственны лицемерие, коварство, обман, злобность и другие недостатки, также укладываемые в довольно стереотипный набор определенных черт.

При различии самого содержания образов у Котляревского и Вергилия сам тип, способ создания их имеет очевидное типологическое подобие. Положительная или отрицательная оценка обоих авторов опирается на обобщенные сословные, а не индивидуальные чер-

ты. Вместе с тем, если римский автор поэтизирует внешний блеск своих героев как отражение их благородного (и даже божественного) происхождения и знатности, то Котляревский в основу своей характеристики кладет народные эстетические и этические представления и идеалы, где мерой прекрасного являются трудолюбие, ум, доброта и человечность.

Установке на универсальность подчинено у Котляревского и изображение внутренней жизни индивида. Мы не видим индивидуальных отличий в реакции персонажей «Энеиды» на различные причины, вызывающие их аффективное состояние. Отсутствует индивидуальная качественная градация и в самих эмоциональных состояниях. Вместо этого появляются своеобразные «общие места», поведение-клише, а не индивидуальное переживание. Эмоциональный процесс переживания-познания в его индивидуальном протекании, по существу, отсутствует, что проявляется в характере самих эмоциональных феноменов — в художественных образах. Черты персонажей приобретают в большинстве случаев вид функциональных символов, образующих устойчивую систему художественных формул (иногда в словесном афористическом выражении), легко переносимых с одного объекта на другой. Аффективные состояния персонажей еще настолько несложны и недифференцированы, что их можно передать визуально (при помощи жеста), как в театре мимов.

Наличие литературного этикета, следование определенной модели в принципах художественного обобщения и конструировании образа у Котляревского неправомерно было бы считать признаком однообразия манеры или вообще художественным просчетом автора. Родственный тип художественного моделирования, заключающийся в следовании определенному образцу, литературному канону, можно видеть и в древней мифологии, и в «Энеиде» Вергилия, и в средневековом, и в классицистическом искусстве, не говоря уже о народной поэзии в целом. Следовательно, перед нами устойчивая традиция, определенный тип художественного мышления, переходящий в категорию стилевой характеристики многих произведений искусства. Канон-сигнал при минимуме внешней информации адресован среде, в исторической памяти которой содержится полное представление об этико-эстетическом идеале. Вспомним, например, первые две строки поэмы Котляревского: «Эней был парубок бедовый И хлопец хоть куда казак». В читательском восприятии общенародное представление об Энее будет принципиально одинаковым; он предстанет как исторически реальный жизненный тип с определенными положительными качествами. Народная точка зрения, положенная здесь автором в основу художественного обобщения, призвана выступить в качестве общенационального критерия положительных качеств.

Принцип инвариантности в области художественного обобщения, наиболее ярко проявившийся в «Энеиде» Котляревского, соответствовал среде, не знающей развинутого отчуждения и основывающейся на непосредственных чувственных взаимоотношениях между индивидами, при которых личность еще не осознает себя суверенной и самостоятельной. К пониманию этой закономерности в творчестве Котляревского близко подошел А. Ф. Шамрай в своей статье «Проблема реализма в «Энеиде» И. П. Котляревского». Связывая особенности создания характеров в литературе феодального общества с малым значением в нем личности, он пришел к выводу, что все эпические, обобщенные черты в образе Энея показаны не как проявление психологически мотивированного, последовательного в своих поступках характера, а «каждый раз подсказаны ситуацией, в которой находится персонаж...»¹

Совмещение в «Энеиде» различных психологических состояний в поведении персонажей порождено бурлескной поэтикой, которая, в частности, предполагает расщепление сложных психологических явлений на ряд простых и зачастую противоречивых. Смех в поэме возникает тогда, когда этическая ценность приобретает эстетическую проекцию с противоположным знаком. Происходит своеобразная «натурализация» стихийных сил человеческой психики, идеальное сводится к материальному выражению, и поскольку внутреннее не имеет еще собственного значения и формы, оно «занимает» ее у внешнего. «Натурализация», выведение наружу стихийных сил человеческой психики несовместимо с глубоким исследованием внутреннего мира человека. Максимально «типизированные» эстетические формулы нравственного переживания выступают в «Энеиде» как главные страсти (или целый их ряд), проявляющиеся в зависимости от конкретной ситуации. Котляревский пародирует не столько характер, сколько ситуацию, функциональное поведение действующих лиц эпопеи Вергилия. В результате возникает лишь видимость характера, так как тот или иной персонаж в определенных ситуациях ведет себя то как казак (в родовом его значении), то как мещанин, то как капризная барышня. Изменяется ситуация, и поведение персонажа приобретает иные родовые черты, нередко противоположные предыдущим.

Котляревский не просто пародирует античных героев, но как бы сообщает им новые «валентности», не связанные при этом еще внутренним единством, и разнообразит их ролевое поведение применительно к условиям украинской исторической жизни. Попадая в сферу действия закономерностей карнавального сознания, проникнутого

¹ Котляревський І. П. Повне збір. творів: У двох томах. Київ, 1952. Т. 1. С. 30.

идеей перемен и обновления, действующие лица поэмы непрерывно изменяют свои ипостаси (становятся многоплановыми фигурами), как бы отрицая тем самым однозначность своей сущности и наводя на мысль о бесконечных возможностях человеческой природы, о том, что в одном человеке может совмещаться героизм и трусость, скупость и безрассудная расточительность, что доблесть не исключает обмана, материнская любовь — беспутства женщины, мужество — мачкольности, дерзость — покорности и т. д. Герои и персонажи поэмы (от Энея до рядовых троянцев) пребывают в атмосфере карнаваль-ной вседозволенности, непредсказуемых поступков и настроений, открыто выражают недовольство своей (предопределенной божествен-ным установлением) судьбой, т. е. личность уже начинает осмысли-вать себя через не ясную еще до конца для нее самой собственную сущность. Появление стихийности и «немотивированности» действия персонажей, своеобразная линейная «развертка» их душевных ка-честв и «неуравновешенных» психических состояний объективно го-товили условия для реалистического отражения в литературе харак-тера как единства противоположностей.

Определяющим фактором в формировании просветительского реализма в украинской литературе было то, что и Котляревский, и Гулак-Артемовский, и Квитка-Основьяненко, в творчестве которых проявились основные его черты, при известных различиях их идейно-мировоззренческих позиций, обнаруживают общность своего идеоло-гического мировосприятия и эстетических принципов. Эта общность объективно вытекала из самой социально-экономической структуры и общественного сознания Украины того времени, которая во второй половине XVIII — в первой половине XIX века переживала кризис феодально-крепостнических отношений. Общественное сознание толь-ко начало вырабатывать систему представлений, связанных с разви-тием капиталистических отношений, и в значительной мере опиралось еще на пережитки сознания предыдущей, феодальной эпохи.

В сознании многих культурных деятелей того времени жива была еще иллюзия о возможности достижения гармонии обществен-ных и индивидуальных интересов не путем революционной перестройки общества, а нравственного самоусовершенствования личности, ис-правления ее недостатков, появившихся вследствие удаления от «естественных» начал, и приведения общественного организма в со-ответствие с потребностями этой «исправленной» личности. Поэтому критика многими просветителями порядков феодально-крепостниче-ской монархии не затрагивала ее политических и экономических ос-нов. Их требование перестроить общество на основе «естественных» начал исходило из сугубо антропологических позиций и в конечном счете относилось не столько к основам общества, сколько к самому человеку.

Для многих просветителей характерным было иллюзорное представление и о возможности достижения принципа политического равенства членов общества независимо от экономических отношений между людьми, которые переносились в сферу личной инициативы и таким образом исчерпывали эту проблему. Основой этого равенства должно было стать, в частности, добровольное ограничение индивидуальных прав в интересах общественного целого.

3

Переход от патриархально-традиционного («естественного») самосознания «казацкой» Украины к общественному сознанию нового времени (с его разъединенностью социально-политической жизни с «природой» и «природной» жизнью индивида), который с исторической неотвратимостью встал перед украинским народом в эпоху формирования новых, буржуазно-капиталистических отношений, тесно был связан с политическим и культурным статусом Украины в составе Российского государства. Принцип подчинения отдельного, личного (а в данном случае своеобразия национальной жизни Украины) общеперским порядкам, общему (общественному долгу, централизованному государству) был воплощен в понятии «просвещенного абсолютизма», получившем наиболее яркое практическое выражение в годы царствования Петра I и Екатерины II.

Как уже говорилось, применительно к Украине это (в частности, во второй половине XVIII века) проявилось в аннулировании остатков ее государственной автономии, ликвидации Запорожской Сечи и в законодательном введении крепостного права. Все это не могло не вызвать резкой отрицательной реакции как в украинских («Разговор Великой России с Малороссией», «История русов»), так и в русских («Ода на рабство» В. Капниста) общественных кругах. Преследуя свои политические и экономические цели, представители образованного украинского дворянства, которые еще не утратили чувства причастности к исторической жизни своего народа и испытали влияние идей Просвещения, выступили (что и отразилось в «Истории русов») с позиций политического автономизма и республиканского демократизма, направленных против абсолютизма русского самодержавия.

Противопоставляя идеализированному прошлому зависимое положение Украины того времени в составе Российского государства, резко отрицая «новый» екатерининский порядок как порождение универсального нивелирующего разума, не учитывающего своеобразия национального развития, анонимный автор «Истории русов» в известной мере предвосхитил воззрения декабристов о необходимости учреждения республиканских принципов народовластия, берущих

начало в общественных институтах типа новгородской и псковской вечевых, а также запорожской «вольницы»

Учитывая то, что в «Истории русов», по словам И. Франко, «ярко выразились именно те политические и социальные идеалы, которые более или менее ясно чувствовали все украинские писатели, поэты и публицисты»,¹ необходимо выяснить позицию Котляревского, нашедшую отражение в его «Энеиде». Как деятель нового времени он, с одной стороны, достаточно ясно понимал, что к историческому прошлому, к старым «казацким» порядкам Украины возврата нет, что новые порядки исторически неизбежны, а с другой — старался обосновать возможные, как ему казалось, в тех условиях автономные права украинского народа.

Стремление Котляревского соединить историю с настоящим проявилось в «Энеиде» не только в просветительской идее приближения нового общественного уклада к разумным («естественным») началам, но и в подчинении «естественного» (в данном случае национального) государственным интересам «общего добра». Достижение гармонии отдельного и общего писатель видит (это выражено в его поэме в форме юмористически завуалированных намеков, аллюзий), в частности, в восстановлении старой гетманщины и ее «нерегулярных» вооруженных сил.² Эта форма сохранения относительной автономии Украины по отношению к государственной целостности (Российскому централизованному государству), по мнению автора, вовсе бы не противоречила общегосударственным интересам. Наоборот, воору-

¹ Франко І. Зібр. творів: В 50-ти томах. Т. 41. С. 61.

² Идею преобразования украинского казачества в своеобразное военное сословие, могущее при необходимости сыграть заметную роль в охране империи от внешних врагов, в годы создания Котляревским «Энеиды» выдвигали и некоторые царские сановники. Такая мысль о сохранении и в мирное время казацких полков, сформированных в 1812 г. для отражения вторжения в Россию войск Наполеона, была высказана генерал-губернатором Полтавской и Черниговской губерний Я. И. Лобановым-Ростовским (см.: Павловский Н. Ф. Участие И. П. Котляревского в формировании малороссийских козацких полков в 1812 г. // «Киевская старина». 1905, июнь. Т. LXXXIX. С. 313). В 1831—1834 гг. инициатором нового мероприятия, преследующего пользу престолу и в известной мере облегчающего положение казацких масс на Украине, выступил малороссийский генерал-губернатор князь Н. Г. Репнин (см.: С[умцов] Н. К истории малороссийских козаков в конце XVIII и в начале XIX века // «Киевская старина». 1897, июнь. Т. LVII). Несмотря на то что Репнин в нескольких своих реляциях Николаю I и в письмах к председателю Государственного совета и Комитета министров В. П. Кочубею пытался доказать верность украинского казачества «престолу и отчизне», последний выступил решительным противником «федеральных объединений провинций» с автономными правами. Н. Г. Репнин был отстранен от должности генерал-губернатора Малороссии.

женные силы Украинны могли бы успешно «исправлять повинность» по охране империи от внешних врагов, так как казаки «по своей натуре» призваны к этому. Эта идея воплощена в образах Низа и Эвриала, в патетических выражениях о защите «общего добра» («Где общее добро в упадке — Отца и мать покинь для схватки! Ты долг обязан исполнять») и о любви к отчизне («А где любовь к отчизне светит — Там вражья сила гибель встретит. Там сердце крепче, чем свинец. Не властна там судьба-злодейка, Там жизнь — алтын, а смерть — копейка»).

Кто такие Низ и Эвриал у Вергилия? Это — троянские юноши, жаждущие сразиться с неприятелем. Их помыслы слиты с помыслами всего народа; они воспитаны в духе боевых традиций своих отцов — защитников Трои и жаждут подвига и славы во имя отчизны. «Идея своего отчества, своего государства, — говорил Гегель о римлянах, — вот что было тем незримым высшим началом, ради чего каждый трудился, что побуждало его к действию, что было его конечной целью или конечной целью его мира, — вот что видел он воплощенным в действительности. Перед этой идеей исчезала его индивидуальность, только для идеи требовал он сохранения и длительной жизни, и мог осуществить это сам».¹ Кто же такие Низ и Эвриал у Котляревского? Они — не троянцы, однако: «Хоть были крови не троянской² — Иной какой-то, басурманской, — Но знали службу казаки. Молодцеваты, крепки, ловки, Пошли к Энею по вербовке». (Дальше выясняется, что отцом одного из этих юношей-земляков был «сердюк» — украинский казак наемных пехотных полков в XVII—XVIII веках.) Они сражаются за «чужую отчизну», «исполняя долг», «повинность» как наемные воины. Главным мотивом в действиях Низа и Эвриала выступает не осознанная кровность их дела, а верность присяге, готовность отдать свою жизнь ради Энея. Сущность патриотизма как троянского, так и неприятельского воинств при описании последней битвы Энея с Турном видна в авторских словах о панихиде

Всем воинам, убитым в поле,
Сложившим кости поневоле,
По прихоти своих князей.

Таким образом, Низ и Эвриал не столько живые художественные характеры, сколько своеобразные модели, при помощи которых автор стремится соединить «естественное», «натуру» (личное их мужество) с вассальной верностью. Котляревский подчеркивает храб-

¹ Гегель Г.-В.-Ф. Эстетика. М., 1973. Т. 4. С. 25—26.

² Здесь и дальше курсив наш. — М. Я.

рость и боеспособность казацких войск, акцентирует внимание на их чувстве общегосударственного патриотизма, который, в частности, проявился в «смутное время» — в Полтавской битве.

Концептуально Котляревский близок к Вергилию, к идее подчинения «естественного», личного социальному, государственным интересам («общему добру»). Мы видим модель личности, призванную раствориться в «общем добре», благодаря служению которому она получает смысл своего бытия. Разумеется, такой тип личности является проекцией на человека структуры централизованного общества, которое не интересуется его внутренним автономным миром и жизненными потребностями. Государство как независимая и самостоятельная сила использует индивидуум для достижения отчужденной от него всеобщей цели. Это, в частности, видно в сцене оплакивания Эвриала его матерью. В ее безутешных причитаниях слышится мотив одиночества и беспомощности человека в чужом к ее горю обществе, которое, требуя от личности жертв, ничего не дает ей взамен. Но поскольку такое поведение деморализует боевой дух и, таким образом, выступает как «эгоистическое» по отношению к «общему делу», оно должно вызывать не сочувствие, а осуждение:

Ревла, щипалася, дровичлась,
Кричала, гедзалася, каталася,
Кувікала, мов порся.¹

Рационалистический детерминизм, который позже стал принципом пассивного подчинения отдельного человека общественной необходимости независимо от самой природы этого общества и ограничивал сферу общественной активности индивида потребностями «общего добра», в те времена, когда жил Котляревский, в принципе неизбежно служил интересам господствующих классов, которые и выдавали свои интересы за это «общее добро».

Как художник, который старался следовать правде жизни, Котляревский в «Энеиде» показывает, что реальное проявление «природного», человеческого остается вне сферы официального мира и обнаруживает себя по существу вопреки моральному императиву «общего добра». Потому и сам Эней, и троянцы не столько спешат исполнять волю богов и судьбы, сколько в многочисленных пирах и любовных приключениях удовлетворяют потребности своей «натуры». Писатель объективно противопоставляет официальному миру

¹ Русский перевод не вполне передает эту тональность оригинала:

Лицо щипала и скребла.
Вопила, ерзала, каталась
И распростерлась на валу.

всеобщих обязанностей, определяющих личное поведение индивидуума, мир непосредственных чувственных контактов — как саморегулятор человеческой жизнедеятельности на началах «природной» народной морали без вмешательства государства. Действиями троянцев даже в бою руководит не осознание ими провиденциальной миссии Энея (к возложенному на них сверху долгу они относятся скорее скептически или даже отрицательно), а стихийное проявление исторически воспитанной боевой удали, их «природной сродности».

Понятно, что свободное проявление «природного» народного духа во времена Котляревского (в той крепостнической действительности, о которой Шевченко сказал: «Кругом неправда и неволя, Народ замученный молчит») было почти невозможным. И писатель обращается к ретроспекции, в определенной степени абстрагируясь от острых социальных проблем своего времени. Критика общественных пороков касается преимущественно прошлого, что вообще было характерным для писателей-просветителей. В центре изображения «Энеиды» бытовой уклад, отражающий преимущественно наиболее характерные особенности народности. К тому же не вся бытовая культура, в которой проявляется классовая структура общества, а традиционно-бытовая, т. е. те стойкие ее элементы, которые все время повторяются и сложились в более стабильных, чем капиталистические, феодальных условиях. К ним в поэме относятся традиционные обычаи и обряды, народные верования и приметы, гаданье, народная медицина, одежда, жилье, питание, развлечения, игры, танцы и др. Все эти элементы даны в «Энеиде» в этнически-интегрирующем аспекте (так, например, праздничный стол Дидоны состоит как из «царских», так и из простонародных блюд; наряд Латина включает как царское одеяние, так и простонародные и даже нищенские детали одежды).

Акцентируя такие черты национального характера, как доброта, простота, гостеприимство, доверчивость, доброжелательность, т. е. те черты, которые в условиях относительной стабильности патриархального бытия функционируют в значительной степени в силу народной традиции, передачи их из поколения к поколению, Котляревский заметно абстрагируется от классовой структуры зарождающейся украинской буржуазной нации. «Это любовное выписывание деталей сельского быта, — отмечал А. Ф. Шамрай, — следует считать сознательной попыткой отразить особенности крестьянской жизни и показать не только ее смешные стороны».¹ Говоря о том, что внимание к этнографическому описанию народной жизни было харак-

¹ Ш а м р а й А. П. Проблема реалізму в «Енеїді» І. П. Котляревського // Котляревський І. П. Повне збір. творів. Т. 1. С. 55.

терной чертой украинской литературы первой половины XIX века и способствовало ее реалистическому отражению, исследователь вместе с тем справедливо отмечает: «Этнографическое освещение народной жизни — это отражение застывших и традиционных форм народного быта без проникновения в динамику общественной жизни, без более глубокого раскрытия социальных процессов». ¹ Очевидно, поэтому не следует без каких-либо оговорок называть «Энеиду» «настоящей энциклопедией народной жизни», как это было принято ранее, ибо Котляревский, по словам И. Франко, «не исчерпал, однако, ни своего времени, ни богатства украинского народного характера и традиции». ²

Юмористическое изображение народной жизни, различных событий и поступков персонажей в «Энеиде» в свое время привело к неправильному мнению о том, что Котляревский якобы смеется над народом. Эту точку зрения, наиболее выразительно представленную П. Кулишом, первым отверг М. Максимович, указавший на народную основу юмора писателя. Котляревский, говорил он, рисует жизнь точно так, как и наша народная поэзия, «которая потешалась равно над простолюдем и над панством, надо всем, что попадалось ей под веселый час песнетворчества». ³ Сочетание пародии и бурлеска с «более глубокими мыслями» видел в «Энеиде» Н. Дашкевич. В этом сочетании, которое «оказывается смехотворным лишь при поверхностном взгляде, а на деле озарено светом гуманной мысли, какой в то время было не так много в обществе», отмечал он, преобладает народная стихия. «...Смехотворство украинской «Энеиды» получает более глубокий смысл, потому что... приближает читателя к радостному настроению...» ⁴ Мысль Н. Дашкевича о гуманизме «Энеиды», о выраженных в ней деятельной любви к человеку, ко всему народу и чувстве социальной справедливости была поддержана И. Франко и Н. Сумцовым.

В. В. Гиппиус, называя Котляревского учителем Гоголя, указывает на общность самого характера смеха у этих писателей. Сравнивая природу смеха в «Гаргантюа и Пантагрюэле» Рабле и у Гоголя, М. М. Бахтин пришел к выводу, что «светлый», «высокий» смех Гоголя, выросший «на почве народной смеховой культуры, не был понят (во многом он не понят и до сих пор). Этот смех, несовместимый со смехом сатирика, и определяет главное в творчестве Гого-

¹ Там же.

² Отдел рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР (ф. 3, № 576, л. 3).

³ К пятидесятилетию со дня смерти Ивана Петровича Котляревского // «Киевская старина». 1888, т. XXIII, кн. 2. С. 390.

⁴ Д а ш к е в и ч Н. Малорусская и другие бурлескные (шутливые) «Энеиды» // «Киевская старина». 1898, т. LXII, кн. 9. С. 188, 187.

ля».¹ Вывод М. М. Бахтина опирается на свидетельство самого Гоголя, высказанное им в «Театральном разъезде после представления новой комедии». Смех свой Гоголь называет честным, благородным лицом, подчеркивая, что его смысл «значительней и глубже, чем думают», потому что это не желчный смех, «не тот также легкий смех, служащий для праздного развлечения и забавы людей; — но тот смех, который весь излетает из светлой природы человека». ² Этот смех углубляет предмет, выводит на свет то, что может ускользнуть без внимания.

Не отвергая мнения П. Жнтецкого о родственности смеха «Энеиды» с характером смеха в украинской литературе XVII — XVIII веков (прежде всего в «рождественских» и «пасхальных» виршах бродячих дьяков-пиворезов), было бы, однако, несправедливым считать смех поэмы только социально-обличительным и «подтягивать» ее до уровня реалистической сатиры, как это нередко делается еще сегодня. Художественный мир поэмы генетически связан не только и не столько с творчеством бродячих дьяков или сатирической традицией XVIII века, сколько с древнейшими слоями народной культуры, с ее бессознательно диалектическим видением мира и гуманистической концепцией человека.

Комическое, смех в ранних (языческих) формах фольклора никогда не имели однозначного характера. При наличии разницы между серьезным и комическим древний слой народного мировосприятия характеризуется целостностью видения мира, где возвышенное и низкое не противопоставлены и не чередуются механически, а сосуществуют в синтезе, как грани целостного явления, где комическое направлено не на отрицание высокого, героического, а выступает как форма его существования. В стихийно-диалектическом единстве противоречивых качеств (единство противоположностей) в народно-языческом мировосприятии граница между добром и злом еще не очерчена, а смех еще не приобрел односторонней направленности сатиры более позднего времени. В древних мифологических представлениях смеховое видение мира имело универсальный характер и вовсе не исключало, а, наоборот, предполагало распространение осмеяния также на богов и героев, о чем, в частности, свидетельствуют древневавилонские и древнегреческие, а не только старославянские народно-поэтические памятники.

В древних народных культурах смех — это сфера существования той человеческой свободы и общественного равенства, которых люди, угнетенные силами природы и социальным неравенством, не могли

¹ Бахтин М. М. Искусство слова и народная смеховая культура (Рабле и Гоголь) // Контекст. 1972: Литературно-теоретические исследования. М., 1973. С. 254—255.

² Гоголь Н. В. Собр. соч.: В 6-ти т. М., 1949. Т. 4. С. 256—257.

иметь в реальной повседневной жизни. В условиях антагонистических классовых формаций народный смех неизбежно и закономерно становился оппозиционным по отношению к официальным нормам общественной жизни. Эта «вторая жизнь» строилась как пародия на повседневную, реальную, как «мир наоборот», в котором все высокое, официально освященное, сакральное переводилось в сниженно-смеховой план, профанировалось, сводилось к уровню простонародной жизни. В этом «втором мире», сферой проявления которого были народные обычаи и обряды, праздники, ярмарочная многоголосая и безначальная стихия (или в странах Западной Европы городской карнавал с его переодеванием и масками) и т. д., господствовали одинаковые для всех, независимо от общественного положения (буквально от нищего до божества), «природное» человеческое равенство и независимость от норм официального мира, свобода от внутренней цензуры и моральных запретов, принятых в обществе, т. е. свободное проявление человеческой натуры.

Личность, сбросив на время оковы официальных предубеждений, самоутверждала свою чувственную человеческую сущность как равная среди равных. При этом сатирический элемент смеха направлялся только против того, что ограничивало естественные потребности человека и унижало его достоинство как «свободной» личности. Смех в этом мире «свободы» носил, как правило, незлобивый, юмористический характер и в равной мере касался как объекта, так и самого субъекта (самопародирование). Так, например, в одной из украинских «пасхальных» виршей прославляются не Христос и святые апостолы, а колбаса и чарка, солонина и жареный поросенок, отведать которых собрались цари и пророки, священники, святые мученики и простые крестьяне. Здесь в одном кругу как равные святой Петр с апостолами, владыки и отшельники, сельские молодницы и девушки, пьяные библейские цари Давид, Соломон и сам архистратиг Михаил. В пасхальной вирше «Нуте лиш, беріте яйця» предстает юмористически-утопическая картина тотального прощения грехов и братания всего рода человеческого: нищих, погонщиков, панычей, бедных и богатых, сельских Мусиев и Михеев, Адама и Евы, Ноя, царя Давида и т. д.

Если сравнить эту виршу с «Энеидой» Котляревского, видно не только текстуальное сходство в словесных формулах-описаниях «пира на весь мир», его казацкого, запорожского размаха, но прежде всего стихию свободы, равенства, непосредственных чувственных контактов, которые возможны только в среде, лишенной социальной иерархии.

Отрицая одностороннее и однозначное понимание природы смеха в «Энеиде» Котляревского, В. В. Гиппиус справедливо писал: «„Дерзкое“ обращение с античными «святынями» не имело смысла ниги-

листического отрицания их ценности; смысл был в другом — в пространстве единой живой жизни даже и на античный заповедник Жизнь человечества, как оказывалось, — не смена золотого века железным: она едина. Нет границ для человеческой природы. Готдренец Эней становится любовником царицы, а затем — историческим героем. Боги — те же люди, и с полной свободой можно смеяться над взяточником Нептуном и над «сучьей дочкой» Юноной. Подлинный украинский быт, со всеми любимыми народными обычаями, играми, плясками, нарядами, кушаниями, у Котляревского все заполняет и все объединяет». ¹

В орбиту карнавально-ярмарочной фамильярности, развенчания и добродушного осмеяния попадают и римские боги, во многом так напоминающие представителей украинского панства, вследствие чего «Олимп как бы превращается в карнавальную площадь». ² Сугубо серьезный и однозначно мрачный Вергилиев Тартар предстает у Котляревского в народно-смеховом освещении как место, где уравниваются «в правах» представители всех сословных групп, как мир, в котором наряду с ужасающе-трагическим расцветает беззаботность веселого ада. И вместе с тем сквозь эту веселость, в одинаковой степени охватывающую не только землю, но и ад, и небеса, просвечиваются как суровый и героический мир Вергилия, так и вовсе не безоблачная украинская действительность, отклонившаяся от «природной» разумности, классовое общество, которое угнетает свободу человека.

Хотя природа смеха в «Энеиде» и связана органически с народной смеховой культурой и с юмористической традицией виршей бродячих дьяков, с определенными элементами украинской и русской сатиры XVIII века, общественная функция его приобретает в поэме новое качество, свойственное имени представителей просветительской мысли. Как гуманист и просветитель, Котляревский ставит свой смех на службу общественному прогрессу, достижению гармонии между личным и общественным, между человеком и государством. Смех Котляревского проявляет черты типологического сходства со смехом Гоголя не только в своей эстетической природе, но и в общественной функции.

Как Сковорода и Котляревский, Гоголь считал источником основного зла в России несоответствие личности ее месту в обществе. Из тезиса о необходимости подчинения «я» долгу Гоголь выводил идею нравственного саморегулирования, самовоспитания и само-

¹ Труды отдела новой русской литературы. М.; Л., 1948. Т. 1. С. 25—26.

² Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского: 4-е изд.; М., 1979. С. 154.

очищения. Взаимно опосредствованные утверждение и отрицание в неоднозначном (амбивалентном) смехе Котляревского, как и у Го голя, выводят его смех за пределы сугубо развлекательного, в сферу серьезного назначения. Та целостность, с которой смех «Энеиды» охватывает все проявления жизни, делает народное бытие не низким или уродливым, а лишь земным и даже героическим.¹ Высмеивая не столько социальное зло и вскрывая его корни, сколько моральное несовершенство членов общества, Котляревский верит в объединяющую силу смеха в борьбе всех общественных сословий против человеческих пороков, за возвышение и возвеличивание «моральной сущности» человека.

В отличие от смеха сатирического (хотя элементы его и присутствуют в поэме), вытекающего из непримиримости реальности и идеала, юмор Котляревского ищет положительное в той же самой отрицаемой действительности. Смех «Энеиды» не столько поляризует жизненные явления, сколько выявляет их диалектическую сложность, неоднозначность и единство. Именно поэтому, в отличие от дидактической стихотворной сатиры классицизма, которая (хотя и находится в сфере низкого и уродливого) вообще не включает в себя комического элемента и смеха, в «Энеиде» появляется радостный смех, утверждающий положительную сторону отрицаемого объекта.

Познавательная сущность такого утверждения раскрыта В. И. Лениным в его конспекте «Науки логики» Гегеля. Выписывая, в частности, суждение Гегеля о теории познания, Ленин отмечает его тезис: «Удерживать положительное в его отрицательном, содержание предпосылки — в ее результате, вот что есть самое важное в разумном познании».² И далее Ленин добавляет: «Это очень важно

¹ В предисловии к русскому переводу «Энеиды» Котляревского 1961 г. А. И. Белецкий так писал о ее персонажах: «Это люди исключительно здоровой и могучей плоти, ненасытные едоки, неуждержимые в потреблении «горілки». У них здоровенные кулаки, красносиние щеки, страшные, способные перегрызть и перемолоть любую кость зубы, невероятные по способности вместить любую пищу животы. Это люди неимоверной силы, с железными мускулами, громовыми голосами. Когда они начинают биться, — а в бой они идут с великой охотой, — только и слышен хруст выбиваемых зубов, треск раскалываемых черепов, крик и брань, неисчерпаемая в каскадах ругательных комбинаций. Этот человеческий мир — апофеоз телесности, невероятной выносливости, здоровья, которое плещет через край, полнокровия. Это «пройдисвіти», разбойники, босяки — и в то же время «лицарі», герои, титаны, способные не одну Оссу поставить на Пеллон, сбросить и вновь поставить. Попробуйте посоревноваться с таким народом... Тем, кто сомневался в существовании украинского («малороссийского») народа, Котляревский показал его как необычайную своей мощью стихию» (Білецький О. І. Збір. праць: У 5-ти т. Київ, 1965. Т. 2. С. 117—119).

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 207.

к пониманию диалектики». Формулируя затем принцип диалектического познания, В. И. Ленин говорит: «Не голое отрицание, не зряшное отрицание, *не скептическое* отрицание, колебание, сомнение характерно и существенно в диалектике, — которая, несомненно, содержит в себе элемент отрицания и притом как важнейший свой элемент, — нет, а отрицание как момент связи, как момент развития, с удержанием положительного, т. е. без всяких колебаний, без всякой эклектики». ¹ Таким образом, по Ленину, «диалектический момент» требует «сдинства», т. е. связи отрицательного с положительным и отыскания этого положительного в отрицательном. В отличие от односторонней классицистической сатиры «Эненда» Котляревского принадлежит к тому юмористическому роду поэзии, который, по словам Белинского, требует «просвещенного, *разумного* взгляда на жизнь», «что случается не у многих», ибо юмор «есть столько же разум, сколько и талант». ²

4

Существует мнение, что «Эненда» Вергилия послужила Котляревскому только исходным, главным образом фабульным, материалом, от которого украинский автор отталкивался, создавая свое произведение. П. Н. Берков считает, что рецепция античности в украинской литературе проявилась только в форме пародий и трагестий, что, по его мнению, свидетельствовало якобы об утрате живой связи и уважения к античным героям и к их мифологическим приключениям. ³

Между тем ученая латынь на Украине, крепко державшаяся до конца XVIII века и имевшая такого выдающегося представителя, как Г. Сковорода, и в XVIII — первой половине XIX века способствовала включению в украинскую литературу античной (или специально римской) традиции. Об этом свидетельствует, например, не только художественная практика Афанасия Лобисевича ⁴ и Василия Рубана ⁵ (которые, кстати, представляли две разные тенденции в этом

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 207.

² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 8. С. 65, 64.

³ См.: Берков П. Н. Вклад восточных славян в разработку так называемых «мировых образов» // Славянские литературы. VI Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968. С. 201.

⁴ См.: Петров Н. Один из предшественников И. П. Котляревского в украинской литературе XVIII в. Афанасий Кириллович Лобисевич // Сб. по славяноведению. Спб., 1904. Т. 1.

⁵ См.: Черняев П. Следы знакомства русского общества с древнеклассической литературой в век Екатерины II. Воронеж, 1904. С. 188—189.

вопросе) или «Жабомышедраковка» К. Думитрашко либо «Горпинида» П. Белецкого-Носенко, не только своеобразная обработка П. Гулак-Артемовским и романтиками Л. Боровиковским, Н. Костомаровым и П. Кулишом мотивов из произведений Гомера и Горация или создание произведений на античные темы, но и попытка теоретического осмысления уроков античности, предпринятая, в частности, в статье Н. Цертелева «О старинных малороссийских песнях» (1819).¹

Травестируя эпопею Вергилия, Котляревский далеко не все отбрасывал в ней. Переводя классический литературный эпос в сниженный, карнавалыный план, Котляревский не идет по пути одностороннего его отрицания, поскольку гуманистические мотивы, героические деяния Энея, дух мужества, патриотизма и товарищеской солидарности были созвучны историческим традициям украинского народа. Народно-языческому видению мира, через призму которого Котляревский творчески интерпретирует эпопею римского автора, близка была ее мифологическая структура, ее хтонизм, эксцентричность и аффектация в поведении персонажей. Стремясь создать римскую параллель к «Илиаде» и «Одиссее», Вергилий с неизбежностью столкнулся с мощным пластом древнегреческого мифологического эпоса («Энеида» Вергилия представляет собой «возможно, последнюю попытку античной литературы построить картину мира на основе мифа, возратить мифу его мировоззренческую сущность»²). Вместе с тем в его произведении идеализированные картины древности сочетаются с актуальными политическими мотивами, с тяготением к национально-государственным масштабам мышления.

Принципиально подобную картину видим мы и в «Энеиде» Котляревского, структура которой являет собой переплетение древнейших традиций народной культуры с рационализмом Просвещения, с актуальными вопросами политической жизни России XVIII — начала XIX века. Котляревский создавал свой поэтический мир не только как антитезис к миру Вергилия, а как бытие, содержащее в себе общечеловеческие черты. И вместе с тем это был мир особый, украинский, представленный в свете народной смеховой культуры — вопреки сурово-героической однозначности римской эпопеи.

Действие «Энеиды» Вергилия происходит по очереди в трех взаимосвязанных мирах (земном, небесном и подземном). Для воспроизведения этого триединого мира Котляревский использует компо-

¹ См.: Яценко М. Т. Позитивний герой і проблема реалізму в українській літературно-естетичній думці першої половини XIX ст. Київ, 1979.

² Ошеров С. А. История, судьба и человек в «Энеиде» Вергилия // Античность и современность. К 80-летию Федора Александровича Петровского. М., 1972. С. 317.

зиционные, сюжетообразующие и стилевые средства народной (преимущественно волшебной) сказки, где органически сосуществуют и переходят друг в друга реальный, волшебный и фантастический планы. При этом воображаемый мир может восприниматься как хотя реально и не существующий, по возможный. Таким образом, именно сказка оказалась наиболее удачной художественной моделью для воспроизведения в украинской травестии фантастического мира Вергилиевой «Энеиды», поскольку, восходя по своему происхождению к эпохе мифологического мышления и аккумулируя в себе понимание реального и сверхъестественного как чего-то целостного, сказка вместе с тем десакрализовала миф и своей «профанной» сущностью полностью отвечала задачам травестирования, перевода возвышенно-классицистического сюжета в сниженно-простонародный.¹

Фигурально говоря, рождение «сказки» из «мифа» («Энеиды» Котляревского из эпопеи Вергилия) стало возможным потому, что «миф со временем исчезает из памяти народа; его место занимают исторические события или же житейские подробности. Но слог эпический, как обычное выражение, как собрание впечатлений и представлений, единожды навсегда в языке образовавшихся, и при изменении содержания поэтического произведения остается с прежними намеками на давно прошедшие верования, создавшие некогда народный миф».² Этот «намека на давно прошедшие верования», генетически восходящий не только к эпопее Вергилия, но и к славянским мифологическим представлениям, у Котляревского не исчезает (он, в частности, проявляется в вере в возможность прямого волевого воздействия на силы природы, в обратимости связи между жизнью и смертью, в возможности существования души как самостоятельной субстанции, в необычности происхождения и неуязвимости героя, в лечебной и вербальной магии и пр.). Сказочный мир присутствует в «Энеиде» Котляревского и в концепции пространства и сюжетного времени.

Типологическое сходство произведений римского и украинского авторов обнаруживается и в их композиционных принципах, близких к построению волшебной сказки: организация действия исходя из поступков героя, путешествие которого выступает основным сю-

¹ Превращению героического эпоса Вергилия именно в сказку, очевидно, содействовала и общеевропейская художественная традиция, в которой античность в эпоху Возрождения воспринималась как сказка. Об этом, в частности, свидетельствуют иллюстрации XV в. к «Энеиде» Вергилия, хранящиеся в Риккардионе и переосмысливающие эпопею в духе народной итальянской сказки (см.: Рутенберг В. И. Италия и Европа накануне нового времени. Очерки. Л., 1974. С. 231).

² Буслаев Ф. Исторические очерки русской народной словесности. СПб., 1861. Т. I. С. 225.

жетообразующим элементом, решающая роль встречи героя с новыми персонажами (что, как правило, приводит к изменению их судьбы), концентрация действия на узловых моментах (часто с пропуском причинно-следственных связей), вмешательство в действие сверхъестественных сил и др.

Сказка в «Энеиде» Котляревского является важным элементом в создании концепции смехового видения мира; она помогает вернуть смеху уже утраченную в классицистической эстетике мимическую универсальность, единство серьезного и смешного. Объективно это подрывало авторитет церкви, утверждавшей, что смех является делом греховным, происками дьявола.

Вводя в поэму при помощи сказочной поэтики новую концепцию сюжетного времени, Котляревский способствует разрушению еще одного канона древней литературы — соотнесения данного события с событиями мировой истории, обязательность исторически прошедшего времени. «Вечное» сказочное время, связанное с развитием сознательного художественного вымысла, может быть соотнесено с любым конкретным, в частности с настоящим, в котором (в отличие от исторического героя древней литературы) и протекает частная жизнь обыкновенного человека. Введение в «Энеиду» — при помощи сказки — относительного времени в принципе открывало возможность построения в украинской литературе многопланового романного времени.

Одним из стиливых элементов, органически связанных с народной смеховой концепцией «мира наоборот», является форма неприкрытого обмана, представленная в небылице. Жанровые признаки небылицы (в которой сочетаются действительные события с нарочитым смещением реальных планов изображения, «переиначиванием» свойств вещей, возвратным течением времени или с совмещением различных временных отрезков и проч.) явственно видны в «Энеиде» Котляревского. В результате сочетания сказочной, небыличной поэтики и просветительского рационализма в поэме возникают аллюзии, относящиеся к злободневным общественно-политическим явлениям того времени.

Вводя в «сказочное» повествование воспоминания о реальных событиях из истории украинского народа и прозрачно намекая на некоторые злободневные вопросы современности, Котляревский в той или иной форме обращается к народной исторической памяти, к отражению этих явлений в народной поэзии. Сопоставление «Энеиды» с народными (главным образом историческими) песнями, возникшими в XVII — первой четверти XIX века, которые, конечно же, могли быть известны такому знатоку народной поэзии, как Котляревский, свидетельствует, однако, о том, что социальная проблематика фольклора не находилась в центре внимания писателя.

Поскольку главным содержанием понятия народности в литературе в конце XVIII — начале XIX века считалось отражение обычаев, образа жизни народа, возникает и теоретически обосновывается необходимость создания нравоописательного романа, отражающего «местные обстоятельства», климат, семейную и гражданскую жизнь, национальные поверья и обряды¹. Г. Н. Поспелов считает, что родовым признаком нравоописательной литературы, существующей в различные исторические эпохи (начиная с античной), является «осмысление гражданско-нравственного уклада социальной жизни, состояния общества и отдельных его слоев».² Периоды наиболее интенсивного развития нравоописательной литературы, как об этом свидетельствует европейский историко-литературный процесс, приходятся обычно на переходные эпохи, когда на смену одним общественным укладам, нормам выдвигаются другие. В украинской литературе первой половины XIX века, кроме «Энеиды» Котляревского, к нравоописательной литературе может быть отнесено творчество Гулак-Артемовского (прежде всего его басни, как, впрочем, и произведения других баснописцев того времени), Квитки-Основьяненко.

«Энеида» Вергилия, как произведение с насквозь этнической проблематикой, вызывала в новоевропейских литературах усиленный интерес прежде всего в эпохи переходные. Он возникает на разных идеологических уровнях, в системе различных художественных методов, стилей, жанров. Среди многочисленных ее переводов, подражаний и переделок можно выделить несколько основных типологических групп. В период складывания централизованных феодальных государств «Энеида» Вергилия приобретает популярность как образец возвеличения героя-воина, родоначальника народа или основателя государства («Лузиады» Камюэнса, «Франсиада» Ронсара, «Генриада» Вольтера, «Россиада» Хераскова и др.). Иную идеологическую функцию выполняли многочисленные подражания «Энеиде», исходившие из демократической среды народов, боровшихся за создание своих национальных государств. Их литература как самобытное явление начинает только складываться и ищет, с одной стороны, идейно-художественных образцов, а с другой — событий и героев, связанных с началом образования этнической общности («ословаченный» перевод «Энеиды» Яна Голлого, его же «Сватоплук» и «Кирилло-Мефодиада», незаконченная поэма об Аркаде Михая Витезя Чоконан, «Михаида» Иона Радулеску).

¹ Это требование, в частности, выдвигал В. Плаксин во втором издании своего «Краткого курса словесности, приспособленного к прозаическим произведениям» (СПб., 1835).

² Поспелов Г. Н. Проблемы исторического развития литературы. М., 1972. С. 176.

Особую группу, к которой можно отнести и «Энеиду» Котляревского, составляют юмористические и сатирические произведения, прямо или отдаленно связанные с «Энеидой» Вергилия и утверждающие третьесословную идеологию и художественное сознание. Последнее, как правило, сочеталось с пародированием господствующих эстетических норм. В этих условиях большое значение приобретали в литературе жанры юмористические и сатирические. Смех, который служил организующим началом гуманистической сатиры Рабле и Эразма Роттердамского, на пороге европейского Просвещения снова выдвигается на первый план. При помощи смеха жизнелюбие человека противопоставляется феодальному догматизму, христианскому пуританству и церковной авторитарности, отражая тем самым сдвиги в господствующих общественных настроениях, зарождение просветительского оптимизма. С этой точки зрения и следует рассматривать комические национальные эпосы, имевшие у читателей большой успех, чем их героические варианты. К ним, например, относятся «Мышенда» и «Монахомахия» И. Красицкого, «Девин» С. Гневковского, комические поэмы Чокони «Дележ богов» и «Борьба мышей и лягушек». Так, например, в поэме «Борьба мышей и лягушек» Чокони вскрывается уродливый моральный облик венгерского дворянства, обличается паразитизм военных, судей, адвокатов, чиновников, пародируется так называемый интеллигентский литературный стиль. Как и в «Энеиде» Котляревского, осуждение общественных пороков ведется с нравственно-этических позиций, в форме намеков.

По мнению И. Франко, глубокий гуманизм «Энеиды» Котляревского, проявившийся в искренней любви к «униженным и оскорбленным», ближе всего подходит к тому гуманизму, провозвестником которого на Украине был Сковорода и который стал основой всех лучших произведений украинской литературы XIX века. В кругу произведений европейского гуманизма «Энеида» Котляревского стоит ближе всего не к «Неистовому Роланду» Ариосто, как полагал Н. Дашкевич, а прежде всего, если говорить об итальянской литературе, к «Декамерону» Боккаччо и «Морганте» Пульчи. Смех Боккаччо в «Декамероне» — это не только веселость образованного и гуманного высшего общества, но прежде всего неуважительный к феодальным святыням смех простонародья. Он, как и в «Энеиде» Котляревского, проникнут духом материально-чувственных наслаждений, жизнедеятельности здоровой плоти и близок к «веселой науке» жонглеров и скоморохов, к беззлобным шуткам и проделкам украинских бродячих дьяков. Это — смех карнавалный, не проникающий глубоко в самую сущность закономерностей общественного бытия. Вместе с тем функция его не односторонне-развлекательная. Благодаря этому смеху как бы рождается новая действительность с ее радостями земной жизни, и мир обретает истинный

свой облик и серьезность. Еще ближе действующие лица «Энеиды» Котляревского к герою «Морганте» Ирон-комическая эпопея Лунджи Пульчи как пародия на каролингский эпос представляет героические и рыцарские черты простонародья. Его Морганте, подобно Энею и троянцам, — не только повеса с непомерным аппетитом, но и мужественный воин, добрый человек и верный товарищ в беде. Веселый смех «Морганте» в духе народной буффонады, как и в «Энеиде», объединяет в одно целое выхваченные из гуши самой жизни религиозное и мирское, серьезное и комическое.

В иных отношениях находится «Энеида» Котляревского с теми произведениями гуманистов, где ирония и юмор переходят в едкую уничтожающую сатиру по адресу отживающих ценностей христианско-феодального общества. Как и в «Энеиде», в «Похвале глупости» и в «Домашних беседах» Эразма Роттердамского мы видим одну и ту же, характерную в целом для произведений нравоописательной литературы, проблему «общего блага», которая решается путем сопоставления частной и общественной жизни. В этих произведениях ирония писателей исполнена глубокого сочувствия ко всему человеческому роду. Однако утверждение Н. Дашкевича о тождественности смеха в «Энеиде» сатирическому смеху Эразма Роттердамского едва ли правомерно. Тональность смеха у Котляревского иная: критика общественных пороков у него не имеет такого глобального характера и силы сатирического осмеяния, как в «Похвале глупости», а сам монарх выступает как одно из регулирующих начал «общественного добра». Различие проявляется и в концепции личности, духовную независимость которой защищает Эразм Роттердамский.

Типологическое сравнение «Энеиды» Котляревского с упомянутыми здесь нравоописательными произведениями открывает еще одну перспективную линию изучения — связь поэмы с романом. Многочисленные переводы, подражания и переделки «Энеиды» Вергилия были закономерным явлением в общей атмосфере многовекового интереса новоевропейских народов к истории античного мира и, в частности, к истории Троянской войны. В атмосфере крестовых походов XII — XIII веков переводы и переделки исторических повестей античности («Александрия», «Роман об Энее», «Роман о Трое» и др.), проникнутых духом приключений и жадной славы, становятся теми импульсами, которые способствовали появлению рыцарского романа. Как повествование о необыкновенных приключениях, проникнутое духом авантюризма и раскрепощения сильных человеческих страстей, рыцарский эпос возрождается в виде нового, ренессансного жанра на рубеже XV — XVI веков.

Читательский интерес к западноевропейским романам и творческое их освоение на Украине в XVI — XVII веках объясняются са-

мой исторической обстановкой непрестанной борьбы украинского народа с турецкими и татарскими захватчиками, любовно-авантюрным духом этих произведений и теми гуманистическими идеями, которые звучали прежде всего в ренессансной повести и романе, а также близостью их художественного мира к сказочному миру украинского фольклора.

При всем жанровом своеобразии переводные повесть и роман характеризуются вниманием к конкретным реалиям национальной жизни, широко показывают быт и нравы, раскрывают нравственно-этические идеалы не только правящих кругов, но и демократических слоев, что сближает их с нравоописательной литературой. Переводы и переделки рыцарских и ренессансных новелл, повестей и романов на Украине органически вплетались в национальную литературно-фольклорную традицию, способствуя ускорению процесса «обмирщения» литературы. Нередко они не только претерпевали литературные переделки, но и трансформировались в духе народно-поэтической традиции и даже переходили в фольклор.

Проявляя близость к дохристианской мифологии, рыцарский и прежде всего ренессансный роман, воспринявший античный идеал жизнерадостной земной любви, чувственных наслаждений, предлагает уже иную концепцию личности. В переработках рыцарского и ренессансного романов, как и в сказке, доминирует частная жизнь, личные интересы индивида. Не случайно в России и на Украине в XVII веке западно-европейский роман воспринимается уже как «сказочный» эпос, противостоящий «исторической» поэме.

Наиболее близкое типологическое сходство «Энеида» Котляревского обнаруживает с «сюжетно-экстенсивным» типом романа, который состоял из ряда различных независимых эпизодов и где главный герой претерпевал изменения своего положения, проходя через серию испытаний, побед и поражений. Сопоставляя, в частности, французский рыцарский роман («Роман об Энее» и близко стоящие к нему романы «бретонского» цикла Кретьена де Труа) и «Энеиду» Котляревского, нельзя не заметить, что одним из связующих звеньев между ними была «Энеида» Вергилия, содержащая в своей сюжетно-композиционной структуре черты «романности». Укажем здесь только на некоторые общие черты поэмы Котляревского, куртуазного романа «Эней» и «Романа о Трое», свидетельствующие об этом: соотношение легендарного прошлого с современностью (часто в форме аллюзий, «подстановок»), постепенное «стягивание» повествования о прошлом, выдвижение на первое место личной, любовной стороны сюжета, сочетание внереального пространства и времени с реальностью, с «дотошностью» реального описания (например, полное совпадение описания Харона в «Энеиде» Котляревского и в «Энее»),

наличие «магического мышления», проникающего в произведения из народной дохристианской стихии.

Мир «бретонского» романа, увиденный, как и в украинской поэме, через магический кристалл волшебной сказки, является целостным, удерживающимся на колеблющемся равновесии чудесного и обыденного, высокого и приземленного. Поразительное сходство (несмотря на то что Котляревский в поэме сознательно юмористичен, а анонимный автор «Энея» серьезно-однозначен) наблюдается и в передаче душевных состояний персонажей при помощи их «натурализации», «визуальности». Вместе с тем авторское отношение к центробежному «личностному» пачалу в куртуазном романе и в поэме Котляревского разное. Котляревский-просветитель старается как бы вернуть мир к эпическому состоянию, снять напряжение центробежных сил, убедить читателя в необходимости сохранения общественной целостности жизни как этической ценности. В этом он солидарен с Вергилием. Очевидно, что в конце XVIII — начале XIX века при всех сословных и классовых противоречиях индивидуальная и общественная жизнь не достигли еще на Украине той самостоятельности, при которой происходит противопоставление этих взаимосвязанных стихий и появляется реальное стремление личности обрести свою духовную и нравственную свободу от окружающей среды и социальной «необходимости».

При таком состоянии общества в области культуры можно наблюдать и такие «ретроградные» явления, когда инациональное произведение, попадая из «мира романного» в «мир эпический», постепенно утрачивает свои первоначальные жанровые черты и совершает своеобразную «эволюцию вспять». Это прослеживается на примере превращения рыцарского романа о Бове в волшебную богатырскую сказку, а затем и в народный лубок в процессе его бытования на Украине в XVI — XIX веках. «Высокий» герой рыцарского романа, в результате национальной «редакции», подобно Энею Вергилия, входит в украинскую фольклорно-литературную стихию как герой профанный, народный.

Согласно концепции М. Бахтина, подготовка романа в античную и средневековую эпохи происходит не в русле официальной, канонизированной литературы, а в сфере комически-серьезного словесного творчества, пребывающего на периферии литературы, т. е. литературный роман опирается в своем развитии прежде всего на фольклорную предысторию (народный роман), где была открыта сама «художественная концепция» жанра. В этой связи продуктивной кажется нам мысль А. Д. Михайлова, который говорит о перспективности сопоставления романа с волшебной сказкой, указывая, что «сказочность» романов Кретьена была «основополагающей и

конструктивной», что многое в «бретонском» романе напоминает сказку.¹

Кроме этих общих черт, роднящих «Энеиду» Котляревского со сказкой и романом, можно указать еще на то, что поэма, как и роман, охватывает большое временное пространство, соединяет далекое прошлое и незавершенную современность. Находясь в стихии каждодневной частной жизни, «Энеида» проявляет ту полноту мировосприятия в пределах индивидуального события, которую Гегель ставил в центр романного жанра. Вместе с тем «прозаические», сниженные персонажи поэмы выступают как настоящие эпические герои, наделенные всей полнотой жизни, возможной в тех исторических условиях. Хотя этим и не исчерпываются все контакты «Энеиды» Котляревского с романом, сказанное дает основание утверждать, что в ней просматривается стихия содержания, фольклорно-литературный прообраз романа. Это, думается, в принципе справедливо и в отношении типологии «Энеиды» и родовых черт плутовского романа. С произведениями правописательной литературы плутовской роман сближает изображение пороков во всех социальных слоях и институтах феодального общества с морально-этических позиций третьего сословия. Объектом изображения в нем является повседневная жизнь, какой она видится на уровне обыденного сознания. Критика в нем от юмористического освещения предмета до мрачного сатирического осмеяния часто выступает, как и в «Энеиде», в форме не прямых сопоставлений и аллюзий. Эстетическая природа смеха в этом романе состоит в преднамеренном акцентировании внимания на телесных, низких формах жизни, связанных с физиологическими потребностями человека.

Определенная близость «Энеиды» Котляревского к плутовскому роману видна и в сфере использования различных форм народно-поэтического творчества как стилиобразующих средств, в наличии сказочных элементов в описаниях походжений персонажей, в сюжетном построении, в аппликации фавль, народных анекдотов, пословиц и поговорок, в освоении различных элементов народной смеховой культуры. При наличии определенных барочных черт — усложненности форм и вуалирования содержания, сочетания низкого и высокого, комического и героического, при мозаичном чередовании разной тональности и планов изображения, при внешней контрастности сопоставления далекого прошлого и злободневной действительности «Энеида» Котляревского связана с барочным мировосприятием плутовского романа через своеобразную антитезу: в духе народной

¹ См.: Михайлов А. Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. М., 1976. С. 157.

смеховой культуры и просветительского оптимизма она решительно отрицает трагизм барочного мировосприятия.

Благодаря наличию в «Энеиде» Котляревского некоторых сатирических элементов она обнаруживает черты родственности с русской сатирической повестью XVII—XVIII веков и бурлескной иронико-комической поэмой (в частности, с «Энеидой» Н. Осипова — А. Котельницкого, непосредственное влияние которой на Котляревского до сих пор сильно преувеличивается) и украинской анонимной сатирой XVIII века. Не достигая в целом силы сатирического обличения, свойственной этим произведениям, «Энеида» обнаруживает близость к украинской и русской сатире XVII — XVIII веков в более широких рамках сопоставления: в тесной связи с сатирической и юмористической традицией народной поэзии, в общих принципах пародирования религиозных обрядов, в широком использовании (часто цитатном) народных пословиц и поговорок, в освоении поэтики сказки, небылицы, в насыщенности повествования бытовыми деталями, простонародной сниженной лексикой, вульгаризмами и пр.

5

Как у большинства истинных мастеров слова, у И. Котляревского прослеживается идейно-художественное единство всего творческого наследия. Это в полной мере относится и к его бурлескно-шуточной оде «Песня на Новый год пану нашему и отцу князю Алексею Борисовичу Куракину» (1805). «Песня...» не только органическое явление художественного мира писателя, но и яркий пример, свидетельствующий о своеобразии проявления классицизма в украинской литературе. Хотя классицизм на Украине, как и во Франции, возникает в первой половине XVII века и развивается до начала XIX века (в западных регионах Украины одические панегирики создавались вплоть до 30-х годов), он представлен главным образом так называемым «школьным классицизмом». Основными причинами отсутствия в украинской литературе развитых форм классицизма, прежде всего его «высоких» жанров — трагедии и драмы, в конечном счете явились территориальная, экономическая и политическая разобщенность и подчиненность Украины другим государствам, делающая невозможным появление централизованного государственного начала, той монархии, которая «выступает как цивилизующий центр, как объединяющее начало общества».¹ (В абсолютизме, выступавшем социально-исторической предпосылкой классицизма, была уже склонность к классицистическому типу искусства, тяготеющему

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 10. С. 431.

к гармонии и синтезу.¹⁾ Вместе с тем социально-экономическая и политическая интеграция жизни Украины в составе Российского государства, получившая активное развитие со времен петровских реформ, распространение в рамках просветительской идеологии принципа «просвещенного» абсолютизма способствовали появлению в общественной мысли на Украине характерной для нового времени *«абстракции государства как такового»* и противопоставленной ей *«абстракции частной жизни»*.² В умеренных просветительских кругах это вызывает стремление к сочетанию государственных и частных интересов, получившее свое выражение в концепции «общего добра» (подчинение личного общественному).

Поиски этой гармонии как общественно-нравственная проблема нашли отражение в творчестве И. Котляревского, П. Гулак-Артемовского, Г. Квитки-Основьяненко и других украинских писателей первой половины XIX века (хотя отнюдь не обязательно только в художественных формах классицизма). Это, в частности, относится и к такому сугубо классицистическому жанру, как ода, берущему свое начало еще в старинной украинской литературе. Так, в панегирически-описное стихотворство первой половины XVII — первой половины XVIII века проникают барочные, а в оду XVIII — первых десятилетий XIX века бурлескные и реалистические стиливые элементы. В начале XIX века в таких произведениях, как «Ода, сочиненная на малороссийском наречии по случаю временного ополчения» Г. Квитницкого, «Ода малороссийского простолюдина на случай военных действий при нашествии французов в пределы Российской империи в 1812 году» П. Данилевского, обнаруживается уже влияние книжного русского классицизма. «Песня» же И. Котляревского, как и его «Энеида», как бы возвращается к своим национальным истокам. Она вбирает в себя не только традиции «школьного классицизма» (травестионно-бурлескные переделки произведений античных авторов), но и, по справедливому замечанию И. Я. Айзенштока, стихию украинских рождественских, пасхальных и новогодних похвалительных виршей.³ Наряду с этими произведениями появляется «Ода — малороссийский крестьянин» К. Пузыны — произведение с ярко выраженными чертами реализма, изобличающее произвол власть имущих.

В годы обучения И. Котляревского в семинарии еще сохранялись учебно-практические традиции подражательного стихотворства, культивируемые в Киево-Могилянской коллегии, — сочинение по при-

¹ См.: Наливайко Д. С. Искусство: направления, течения, стили. Киев, 1981. С. 151—152.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. I. С. 254.

³ См.: Айзеншток И. Я. И. П. Котляревский // Котляревский И. Соч. Л., 1969. С. 35 («Б-ка поэта», БС).

меру римских авторов различных панегириков, торжественных од и хвалебных речей, адресованных, как правило, именитым лицам по случаю их тезоименитства, дня рождения, Нового года, рождественских и пасхальных праздников и пр.¹ По свидетельству современников, подвизался на этом поприще, как и многие семинаристы, и И. Котляревский.

Содержащая в себе черты традиционной классицистической оды — десятистрочная строфа, расположение рифм, размер, тематическое содержание, — «Песня» И. Котляревского — типичное для украинской литературы начала XIX века бурлескное произведение, с одной стороны, отмеченное просветительским возведением в идеал долга, служения личности «общему добру», а с другой — не что иное как свособразная пародия на «высокий» классицистический «штиль», где «высокая» тема трактуется в простонародном духе. Уже в самом начале «Песни» одическая торжественность, требовавшая следования классическим примерам, оборачивается шутивно-сниженным обращением не только к Орфею, но и к государственному мужу. Похвала царскому сановнику, имеющему объективно заслуги по благоустройству Полтавы, проявляющему известную внимательность к челобитчикам (типичный умеренно-просветительский идеал вельможи того времени, нашедший свое отражение, например, в повести Г. Квитки-Основьяненко «Козырь-девка»), сочетается с позицией украинских дьяков-«пиворезов», рисовавших святых апостолов и даже богородицу в комически-сниженном плане. Автор преднамеренно выступает в роли простака, оценивающего деятельность Куракина по понятиям и меркам простонародья. Он обращается к князю запанибрата, фамильярно, хвалит его за то, что в Петербурге «не валялся... за печкой», а «шею под ярмо подставил», что он «потеет дни и ночи», тянет «лямку что есть мочи», что Куракину якобы недосуг и «борщу покушать с толком», присмотреть, чтоб его семья была обута и одета и т. п.

Такая авторская позиция позволяет И. Котляревскому не только похвалить малороссийского генерал-губернатора, но и показать, что челобитчиком на «пана-людоеда», на судью, учинившего неправый суд за взятку, на падких до наживы панов, самоуправно прибравших к рукам казацкую землю, на судопроизводство в целом, не вникающее в законы и потакающее панству, был главным образом «наш брат» — простой люд. Вместе с тем этим не исчерпывается образ автора в «Песне...», так как он в духе умеренного просветительства верит в возможность достижения справедливости в обществе при наличии доброй воли власть имущих, направляя, таким образом, разрешение социальных проблем и конфликтов в нейтраль-

¹ См.: Знаменский П. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань, 1881.

ное морально-этическое русло. В этом произведении, как и во всем своем творчестве, И. Котляревский не теряет чувства просветительского оптимизма. «Противоречия современной ему действительности, — писал И. П. Еремин об авторе «Песни», — не прошли совсем мимо его наблюдательного взгляда, но он не склонен был придавать им серьезного значения. Твердая вера в непреложность жизненного принципа, провозглашенного им в опере (в «Наталке Полтавке». — М. Я.): «Де згода в сімействі, де мир і тишина, щасливі там люди, блаженна сторона», — эти противоречия стирала, и иногда трагедия не раз оборачивалась идиллией, изобличительная критика социального зла — веселой и невинной шуткой». ¹

Одним из примеров, подтверждающих, что интерес И. Котляревского к античной поэзии не был случайным, а закономерным и художественно продуктивным, может служить его перевод (с вольного французского перевода Н. Буало ²) стихотворения древнегреческой поэтессы Сафо — «Ода Сафо». Здесь следует напомнить, что одним из типологических звеньев, связывающих «Энеиду» И. Котляревского с рыцарским романом, является «натурализация» стихийных сил человеческой психики, в частности изображение любовного чувства как своеобразного бедствия, неуправляемой силы, а не духовно осознанного чувства. Так, через описание сугубо физического состояния Дидоны передает И. Котляревский в «Энеиде» ее любовные переживания после поспешного бегства Энея из Карфагена:

Дидона словно ошалела,
Совсем не ела, не пила,
Кручинилась, ревмя ревела,
Весь день метала и рвала.
Оторопев, устав от крика,
Кусала ногти горемыка, —
Знать, на нее нашел столбняк.

В том же духе изображаются любовные муки Дидоны и в первом французском рыцарском романе «Эней» (1160 — 1165): «Ее покрыла испарина, затем почувствовала холод, и ее стал бить озноб; она часто теряет сознание и дрожит, рыдает, трясется, ей делается дурно; она бьется, вздыхает, зевает; вот какая любовь проникла в нее!» ³

И для Сафо любовь — «сладостно-горькое чудовище, от которого нет защиты», стихийная и необъяснимая сила. В переводе (соб-

¹ Еремин И. П. Иван Петрович Котляревский (1769—1836). М., 1952. С. 29.

² См.: Филипович П. П. Переклад Котляревського із Сафо // Записки історично-філологічного відділу УАН. 1928, кн. 13—14. С. 51—56.

³ Михайлов А. Д. Французский рыцарский роман и вопросы типологии жанра в средневековой литературе. С. 330.

ственно, уже скорее в перепеве) И. Котляревского те же «пот холодный на челе» и «палящий огонь» в жилах, беспокойство и смятение, от которого «темнеет свет в глазах» и теряется дар речи.

Обращение И. Котляревского к Сафо не было случайностью, простой данью литературной традиции. Оно было связано с появлением в украинской литературе начала XIX века преромантических и романтических веяний. Подобно Сафо, которая в своей любовной лирике использовала фольклорные мотивы девичьих песен, И. Котляревский в «Наталке Полтавке» на основе народно-поэтической традиции создает ряд оригинальных лирических песен, несущих в себе черты преромантического сознания. Явную тематически-стилевую близость к «Оде Сафо» обнаруживает и отмеченное народно-песенной имперсональностью стихотворение украинского поэта-романтика первых десятилетий XIX века А. Шпигоцкого «Только тебя увидела...», в котором любовное чувство девушки выступает как эмоциональное смятение, не подвластное разуму (в нем наблюдается почти текстуальная близость ко второй строфе «Оды Сафо»).

6

Эстетика Просвещения в лице его наиболее выдающихся теоретиков Дидро и Лессинга считала театр самым доступным и действенным средством для пропаганды новых идей, для борьбы против феодальной тирании и сословного неравенства, видела в нем эффективное средство воспитания. Они выдвинули и обосновали теорию «мещанской» драмы, которая вопреки мертвым эстетическим нормам классицизма утверждала принцип сближения искусства и литературы с жизнью. Героями просветительской драмы становятся представители третьего сословия, обыкновенные люди с их повседневными интересами и житейскими трагедиями.

Положив своими пьесами «Наталка Полтавка» и «Солдат-чародей» начало украинской драматургии и национальному театру, Котляревский выступил сторонником этих новых, просветительских идей. В отличие от «высокой» классицистической трагедии, с помощью абстрактно-логического обобщения показывавшей подвиги и страдания великих людей, и комедии, где объектом смешного выступал простой народ, Котляревский выводит на сцену представителей простого народа — как героев, достойных уважения и подражания. Характерно, что в отличие от Дидро, выдвигавшего на первое место движение ситуаций, их столкновения (типические обстоятельства), и Лессинга, который, в определенной мере пренебрегая фактической и исторической достоверностью обстоятельств действия, требовал прежде всего изображения родовых типов, Котляревский пытается в своих пьесах показать действия типичных характеров в конкретных национальных обстоятельствах своего времени. Вместо основного классицистическо-

го конфликта — между человеком и обществом — в драматургии Котляревского появляется типичный житейский конфликт в среде самого общества, между отдельными его членами, что имеет в «Наталке Полтавке» довольно выразительную социальную основу.

На появление «Наталки Полтавки» и «Солдата-чародея» безусловное влияние оказало развитие русской драматургии XVIII века (Фонвизин, Капнист, Княжнин, Плавильщиков и др.) и театральной жизни, в частности могучий талант М. С. Щепкина. В значительной мере пьесы Котляревского были связаны и с традициями украинского народного театра (вертепа), с интермедиями XVIII века и с фольклорно-песенной стихией, так широко представленной в этих произведениях. Можно утверждать, что в таком важном аспекте, как внимание к социальному содержанию образов персонажей, Котляревский во многом пошел дальше типичной «мещанской» драмы.

Писатель близко подходит к мысли о том, что общественная мораль того времени противоречит общечеловеческим гуманистическим принципам. Это, в частности, ярко отразилось в самом содержании образов Тетерваковского, Макогоненко и Финтика. Борение врожденной доброты, желания счастья своим родным и близким, с одной стороны, и определенного материального расчета — с другой, составляет основу душевной драмы Терпилихи, которую суровые обстоятельства жизни заставляют идти против своих естественных благородных чувств. Точно так же верность, честность, правдивость и искренность Петра по отношению к Наталке вступают в противоречие с реальной действительностью, где мерой всего является материальное положение. Как бы в противовес Терпилихе и Петру, не способным до конца устоять под давлением жизненных обстоятельств и вынужденных в той или иной мере жертвовать своими гуманистическими убеждениями, Котляревский впервые в украинской литературе выводит на сцену новых героев — Наталку и Миколу, которые благодаря силе своего характера способны вступить на путь сопротивления «нечеловеческим обстоятельствам».

В самых критических ситуациях Наталка, проявляя ум и находчивость, не теряет чувства человеческого достоинства, стремится утвердить личную независимость и сохранить свое глубокое чувство к Петру как самую большую морально-этическую ценность. Она понимает, что брак, заключенный не на основе чувства, а по материальному расчету, не может сделать ее счастливой. Социальное неравенство между ней и возным приводит ее к мысли: «Жена для такого пана хуже наймички! Вроде как крепостная...» И Наталка использует малейшую возможность для сохранения свободы жизненного выбора и утверждения своего права на личное счастье.

В отличие от «идеального», но несколько слабовольного Петра, целостным по своей социальной сути типом выступает бурлак Ми-

кола. Отличительной его чертой является развитое чувство человеческого достоинства, стремление к независимости, смелость, чувство солидарности с обездоленными и бедными. Именно в суждениях Микола проявляется критическое отношение к местным богачам, разоблачается их лицемерие, плутовство и жадность.

Говоря о значении «Наталки Полтавки» для украинской литературы и культуры в целом, И. Срезневский в предисловии к ее публикации в «Украинском сборнике» отмечал, что «Наталка Полтавка» была не только одним из первых «книжно-народных» произведений Украины, но вместе с тем и первым своеобразным сборником украинской народной словесности, образцом для всех последующих. Она оказала большое влияние на изучение украинской народности, «можно сказать, пробудила его». По мнению И. Срезневского, «Наталка Полтавка» среди крупных по своему объему произведений украинской литературы того времени «по своим внутренним достоинствам занимает первое место».¹

В 1898 году, характеризуя восьмидесятилетнюю жизнь «Наталки Полтавки», выдающийся украинский драматург и актер И. Карпенко-Карый назвал эту пьесу «праматерью украинского народного театра», «образцом народной поэзии в драматической форме». Указывая на органическую близость «Наталки Полтавки» к мыслям и чувствам народа и на большое эмоциональное воздействие ее на зрителей, он отмечал, что «радость, и горе, и слезы Наталки были горем, слезами и радостью всего зала, который был набит панской прислугой».²

Главной идеей в водевиле «Солдат-чародей», генетически тесно связанном с народно-поэтическими источниками, является утверждение внесловной ценности человеческой личности, высокой моральности представителей простого народа, противопоставление ее господско-чиновничьей этике. Сценическую славу этой пьесе обеспечил М. С. Щепкин, в расчете на которого она, собственно, и была написана. Вспоминная об исполнении Щепкиным «чудесных по своей простоте и грации куплетов из пьесы «Солдат-чародей», которыми на протяжении своего пребывания в Петербурге постоянно вызывал восторг публики»,³ Белинский отмечал, что именно в роли Чупруна игра артиста достигала полного совершенства. Благодаря пьесам Котляревского Щепкин, по свидетельству С. Т. Аксакова, «перенес на русскую сцену истинную малороссийскую народность, со всем ее юмором и комизмом. До него мы видели на театре лишь грубые фарсы, карнактуру на певучую, поэтическую Малороссию, Малороссию, давшую нам Гоголя. Щепкин потому и мог это сделать, что провел

¹ «Украинский сборник». Харьков, 1838. С. 1—2.

² Карпенко-Карый І. Твори в трьох томах. Київ, 1959. Т. 3. С. 176.

³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. 7. С. 415.

детство и молодость свою на Украине, сроднился с ее обычаями и языком. Можно ли забыть Щепкина в «Солдате-чародее», в „Наталке Полтавке“?»¹

Отличающиеся неподдельным юмором, высокой поэтичностью, искренней любовью к народу, пьесы Котляревского хорошо известны зрителям всей нашей страны.

7

Историко-литературное значение творчества Котляревского для становления новой украинской литературы велико и многогранно. Это относится, в частности, и к такому важному фактору ее развития, как утверждение писателем в украинской литературе народного языка. Живое народное слово в XVI—XVIII веках уже было представлено в произведениях украинских писателей, но Котляревский первый отразил бессмертное богатство разговорной речи. Он доказал пригодность ее для создания высокохудожественной литературы, тем самым сыграв огромную роль в приближении литературы к широким народным массам, привлек внимание к художественно-эстетической ценности речевой культуры народа.

В произведениях Котляревского представлена прежде всего бытовая лексика (только «Энсида» содержит семь тысяч слов самых разнообразнейших семантических групп). В поэме широко представлены названия одежды, домашнего интерьера, стропий, сельскохозяйственных орудий, народного питания, названий людей по общественному и семейному положению, наименований растений и плодов, животных и т. п. Поэма содержит также военную, абстрактную (названия общественных явлений, процессов, человеческих переживаний) и иноязычную лексику (в частности, имена мифологических персонажей). Установка автора на вызывание смеха, юмористический стиль произведения определяют значительную прослойку специфически-разговорной и просторечно-грубоватой лексики, в частности, семантические ряды ругательных слов.

Произведения Котляревского отличаются широким спектром лексики синонимической, близких вариантов, демонстрирующих богатейшие возможности народной речи в изображении различных оттенков душевного состояния человека, передаче языка персонажей. Особенно широк у писателя синонимический арсенал слов для обозначения действия, что объективно свидетельствует о динамичности стиля его поэмы.

Котляревский представляет в своих произведениях богатейшую стихию народной фразеологии (только в «Энеиде» около семидесяти тематических групп), в частности пословиц и поговорок, лексикализация которых дает неисчерпаемые возможности для характеристики

¹ Русско-украинские литературные связи. М., 1951. С. 98.

различных жизненных ситуаций и поведения персонажей. Многие пословицы и поговорки выражают типичные народные оценки и сентенции по поводу важных общественных явлений, как например: «Мужича правда есть колюча, А панська на всі боки гнуча». Речевые средства художественной характеристики обогащаются в произведениях писателя путем использования народных образных формул, устойчивых сравнений типа «Злякався, побілів як сніг».¹

Хотя в пьесах Котляревского синонимическое разнообразие народной речи (что временами приобретает в «Энеиде» самодовольщее значение) представлено гораздо скромнее и экономнее, использование народно-разговорных лексических средств является более многообразным и целеустремленным. Писатель демонстрирует величайшие возможности народного слова для речевой характеристики персонажей, их индивидуализации как определенных общественных типов.

Своим творчеством Котляревский опроверг нигилистическое отношение реакционных кругов общества к самой возможности создания литературы на языке украинского народа. Он ввел в новую украинскую литературу тот основной словарный состав народной бытовой речи, которым в значительной мере пользовались писатели дошевченковского периода, обогащая и развивая его. При том, что язык Котляревского был очищен и неизмеримо развит Шевченко, ставшим основоположником современного украинского литературного языка, его яркое слово и сегодня не утратило своей сочности и художественной меткости, способности вызывать радостный смех и давать нам душевное удовлетворение.

Творчество Котляревского не только открыло читателям новый национальный мир с его неповторимым комплексом исторического, социального и морально-этического сознания, но и утвердило в украинской литературе новые принципы художественного освоения действительности, целую идейно-художественную эпоху. Как истинно великое произведение искусства, его «Энеида» представляет собой высокоинтегрированную систему, в которой унаследована не только литературная традиция, но и многовековая народная культура и народное мироощущение в целом. Взаимодействие унаследованного и нового в поэме — очень сложно, синтетично, ибо черты традиционного входят в нее как органические внутренние элементы. Органическое соединение традиционного и новаторского создает новые системные связи, что придает «Энеиде», несмотря на заимствованный сюжет, черты истинно оригинального произведения.

Выступая важным фактором расширения познавательных возможностей искусства, накопления в нем черт реалистичности, обра-

¹ См.: Курс історії української літературної мови. Київ, 1958. Т. 1. С. 149—162.

шение к народному мировосприятию и народной культуре, что так характерно для творчества Котляревского, означало прежде всего решительное приближение литературы к новому для нее объекту изображения — народу, а отсюда — и к возможности познания его как движущей силы истории. Вторжение Котляревского в область народного мировосприятия и эстетического сознания способствовало отходу украинской литературы от статичности и условности универсальных типов художественного мышления. В творчестве Котляревского содержится дух народного гуманизма, проявляющийся в стремлении личности к социальной свободе, в соотношении автором эстетического идеала и самой цели художественного творчества с интересами народных масс.

Проникновение в «Энеиду» Котляревского целостного «языческого» мировосприятия, не расчлененного рационалистическим сознанием на противостоящие друг другу эстетические категории, способствовало осознанию художественной мыслью того времени единства и взаимопроникновения в человеческой жизни трагического и комического, возвышенного и низменного, прекрасного и уродливого и, таким образом, углубляло конкретно-историческое понимание сущности явлений и предметов, а также параметров человеческой натуры.

Жизнь в произведениях Котляревского является полифоничной и многокрасочной, целостной и неприкрашенной, как сама природа. Писатель творит свой мир, отличающийся достоверными жизненными реалиями, оценивает жизнь исходя из неофициальных, народных критериев прекрасного. Он не просто «реконструирует» естественные взаимоотношения между индивидуумами, а от отражения родовой человеческой сущности приходит к художественному исследованию сложных общественных связей между людьми, при которых личность из круга эмпирических бытовых отношений выходит на орбиту общенациональных исторических закономерностей. В отличие от утвердившегося в древней литературе принципа осмысления человеческого бытия сквозь призму неизменных религиозно-мифологических представлений, определявших структуру общества и место в нем человека, Котляревский приходит к пониманию как ведущего начала в жизни общества и личности принципа исторической изменчивости. Ощущение целеустремленного движения времени (в отличие от циклической его природы в эпосе Вергилия), его протекания вне сюжета, за пределами произведения связано у Котляревского с осознанием исторической изменчивости и неповторимости мира.

Кроме прямых высказываний автора об исторической изменчивости мира, о государственной жизни, общественных порядках, о царях и вельможах, исторических деятелях, элементы историзма в творчестве Котляревского ярко проявляются в художественном освоении конкретно-исторического содержания жизни своей эпохи, в воспроиз-

ведении его неповторимого образа и колорита, в способности писателя улавливать ведущие тенденции общественного развития.

Обращение к объективно-историческим факторам национальной жизни, появление черт исторического мышления приводит Котляревского к отражению национального самосознания народа. С идеей «общей отчизны» (государственно-политического единства Украины с Россией) у Котляревского сочетается идея национальной самобытности украинского народа, его исторической жизни и обычаев, права на самостоятельное развитие. Представленное в «Энеиде» национальное самосознание народных масс содержится в себе и элементы их классового сознания, в результате чего у читателя закономерно возникает мысль об обществе как социально несправедливом.

Обращение к национальным культурным истокам, к народной эстетике и этике вело к разрушению художественного универсализма, к переходу от идейно-художественной обработки распространенных литературных сюжетов к конкретно-историческому видению действительности, к созданию оригинальных художественных структур. Это был путь к разнообразию проблематики, тем, идей, к углубленному пониманию концепции бытия и человека, к совершенствованию поэтической речи, к развитию активного творческого начала в литературе.

Отход Котляревского от прямолинейной внеэстетической условности в изображении персонажей, от символики и аллегоризма, появление в его произведениях свободного художественного вымысла как своеобразной «игры без правил» — важный шаг вперед в истории литературного образа, на пути создания реалистических характеров. Эти его эстетические уроки дали могучий толчок развитию новой украинской литературы.

Большое влияние яркого и самобытного таланта Котляревского, развитие его художественно-эстетических принципов сказалось на художественном наследии многих украинских писателей, в частности Гулак-Артемовского, Квитки-Основьяненко, Шевченко, Кривницкого, Карпенко-Карого. Котляревский с большой силой и достоверностью отразил содержание жизни своего времени, что обеспечивает его произведениям непреходящее познавательное значение. Как художественное обобщение определенного исторического этапа развития общества, воплощение высоких гуманистических идеалов творчество Котляревского и сегодня дает нам эстетическое наслаждение, сохраняя привлекательность своеобразного и неповторимого образца. Гуманистический пафос его созвучен нашим идеалам борьбы за свободу человека и человечества.

М. Т. Яценко

ЭНЕИДА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Эней был парубок бедовый
И хлопец хоть куда казак,
На шашни прыткий, непутевый,
Затмил он записных гуляк.
Когда же Трою в битве грозной
Сровняли с кучею навозной,
Котомку сгреб и тягу дал;
С собою прихватил троянцев,
Бритоголовых голодранцев,
10 И грекам пятки показал.

Челны сварганив, разместились,
Весельцами взмахнули в лад,
Ватагой по морю пустились
Чесать куда глаза глядят.
Юнона, злая сучья дочка,
Тут раскудахталась, как квочка, —
Энея не любила — страх;
Хотелось ей, чтоб отлетела
К чертям душа его из тела,
20 Чтоб сгинул этот вертопрах.

Был не по нраву, не по сердцу
Богине издавна Эней:
Он ей казался горше перцу,
Не хаживал с поклоном к ней
И был ей ненавистней вдвое,
Как всякий обитатель Трои;

Он там родился и возрос,
Вдобавок звал Венеру мамой,
А ей Парис — дитя Приама —
30 Некстати яблочко поднес.

Пронюхала злодейка Гесба,
Что пан Эней на кораблях.
Юнона поглядела с неба,
И взял ее великий страх.
Проворно спрыгнула с лежанки,
Павлина заложила в санки;
Убрав под кичку волоса,
Шнуровку хватить и юбку тоже,
Хлеб-соль — на блюдо и — за вожжи.
40 Летит — ни дать ни взять оса!

Вошла она к Эолу в хату,
Осведомилась, как живет,
Здоровья пожелала свату,
Спросила — не гостей ли ждет?
И, прежде чем начать беседу,
Хлеб-соль на стол Эолу-деду
Метнула, села на скамью:
«К тебе я с просьбою великой!
Ты сбей Энея с панталыку,
50 Исполни волюшку мою.

Он — прощелыга и заноза,
Разбойник и головорез.
На белом свете льются слезы
Через таких, как он, повес.
Пошли ему, скверनावцу, горе!
Со всей своей ватагой в море
Пускай утонет пан Эней!
За это девкою здоровой,
Смазливой, смачной, чернобровый
60 Я награжу тебя, ей-ей!»

Вздыхнул Эол: «По мне и плата!
Когда бы знал я наперед!
Все ветры разбрелись куда-то...
Теперь кой черт их соберет!
Спьяна Борею только спать бы;
Не воротился Нот со свадьбы;

Зефир, отпетый негодяй,
С девчатами заженihался,
А Эвр в поденщики подался;
70 Без них теперь хоть пропадай!

Но так и быть, умом раскину,
Энею оплеуху дам
И загоню к чертям в трясину.
Пускай барахтается там!
Прощай, не забывай посула.
А если только зря сболтнула,
Сбрехнула попусту — шалишь!
Уж как ты ни вертись, ни бейся —
На ласку больше не надейся.
80 Тогда с меня возьмешь ты шиш!»

Юнону проводив с подворья,
Старик Эол созвал домой
Четыре ветра для подспоря,
И море вспучилось горой.
Эней не ждал такой невзгоды.
Пузырились, кипели воды,
Валы вздымались вновь и вновь.
От непредвиденной прорухи
Вопил он, как от рези в брюхе,
90 И темя расцарапал в кровь.

А тут Эоловы поганцы
Знай дуют! Море аж ревет.
Слезами облились троянцы.
Взяло Энея за живот.
Челны разбило, разметало.
Немало войска там пропало.
Хлебнули сто напастей злых!
Взмолился наш Эней: «Нептуну
Я четвертак в ручищу суну,
100 Чтоб окаанный шторм утих!»

Нептун хапугой был известным.
Почуя лакомый кусок,
Не усидел в запечье тесном,
Подался тут же за порог.

Он рака оседлал проворно,
Взвалился на него задорно,
Метнулся к ветрам, как карась:
«Эй, вы, чего разбушевались,
В чужом доме развоевались?
110 Вам на море нет ходу, мразь!»

Угомонились ветры в страхе,
Пустились мигом наутек,
Шатнулись, как «до ляса» ляхи,
Бегут, как от ежа — хорек.
Нептун сейчас же взял метелку
И вымел море, как светелку.
Тут солнце глянуло на свет.
Эней как будто вновь родился,
Пять раз подряд перекрестился
120 И приказал варить обед.

Вот мисками настил сосновый
Уставили, забыв беду.
Не говоря худого слова,
Все навалились на еду.
Кулеш, галушки и лемешку
Уписывали вперемежку,
Тянули брагу из корцов,
Горелку квартами хлестали,
Из-за стола насилу встали
130 И спать легли в конце концов.

Была Венера-вертихвостка
Востра и на язык бойка.
Смекнувши мигом, в чем загвоздка,
Кто настрашал ее сына,
Она приубралась, умылась,
Как в день воскресный нарядилась.
Пуститься в пляс бы ей к лицу!
В кунтуш люстриновый одета,
В очипке новом из грезета,
140 Явилась на поклон к отцу.

Зевес тогда глушил сивуху,
Питье селедкой заедал;
Седьмую высуслив осьмуху,
Подонки в кубок наливал.

«За что, скажи, любимый батя,
Обида моему дитяти?
Чем прогневил тебя Эней?
Моим сынком играют в свинки! —
Венера всхлипнула, слезинки
150 Из глаз посыпались у ней. —

Уж не видать бедняге Рима
Ни в сладком сне, ни наяву,
Точь-в-точь как пану хану — Крыма.
Скорей издохнет черт во рву!
Ты знаешь сам, когда Юнона
Пестом задаст кому трезвона,
Так загудят в башке шмели.
Вот колобродить мастерица!
Но ты заставь ее смириться,
160 Угломониться ей вели!»

Последнее допив из кубка,
Юпитер свой погладил чуб:
«Ох, доченька моя, голубка!
Поверь, я в правде тверд, как дуб.
Эней забудет все мытарства
Он сильное построит царство,
Немаловажный станет пан,
Свой род возвысит, не уронит,
Весь мир на панщину погонит,
170 Над всеми будет атаман.

Проездом завернув к Дидоне,
Начнет он куры строить ей,
Полюбитя ее персоне
И запирует наш Эней.
Попонедельничай! Тревогу
Откинув, помолись ты богу!
Всё сбудется, как я сказал». —
Венера низко поклонилась,
Учтиво с батюшкой простилась,
180 А он ее поцеловал.

Эней очнулся после ночи
И с голодранцами опять
Пустился, сколько видят очи,
Проворно по волнам чесать.

Плыл-плыл, плыл-плыл! Энею море
Обрыдло хуже всякой хвори.
Смотрел он чертом, говоря:
«За что мученье мне такое?
Как жаль, что я не сгинул в Трое!
190 По свету б не таскался зря!»

Пройти великое пространство
Пришлось Энеевым челнам,
Покамест голое троянство
Пристало к новым берегам.
Чем бог послал перекусили,
Чтоб ноги кое-как носили.
Эней возликовал душой.
Он тоже подкрепился малость
И шлялся, позабыв усталость.
200 Глядь — город перед ним большой.

Тот город звался Карфагеном.
Дидона мирно в нем жила
И нравом славилась отменным.
Была разумна, весела,
Трудолюбива, домовита,
Собой красива, сановита,
Но коротала век вдовой.
Внезапно встретила троянцев,
Босых чумазных чужестранцев,
210 Она у входа в город свой.

Им слово молвила Дидона:
«Отколь плететесь, голяки?
Везете, что ли, рыбу с Дона?
Вы — чумаки иль бурлаки?
Видать, нечистый вас направил,
Причалить к берегу заставил
Ватагу этаких бродяг!»
Троянцы загудели хором
И, вовсе не смутясь укором,
220 Царице прямо в ноги бряк!

«Мы, — говорят, — не отщепенцы,
Народ крещеный, ей-же-ей!
Мы — Трои, значит, уроженцы,
Явились к милости твоей,

И нам и храброму Энею
Накостыляли греки шею.
Пуститься наутек пришлось!
Бежали сколько было мочи,
А пан Эней отвел нам очи
230 И плыть заставил на авось.

Не дай, приветливая пани,
Загинуть нашим головам!
За доброту тебе заранее
Эней спасибо скажет сам.
Такое у бездомных счастье:
Раскисли, как щенки в ненастье,
Попали удалцы впросак!
Продрались кожухи да свиты,
И постолы вконец разбиты.
240 Знай трубим с голоду в кулак!»

Платочком слезы утирала
Дидона с белого лица,
Вздыхая: «Как бы я желала
Поймать Энея-молодца!
Ох, попадись он мне, проказник!
Обоим был бы светлый праздник.
Повеселилась бы я всласть.
Бок о бок зажили бы дружно...»
— «Я — здесь, я — вот он, если нужно!»
250 Эней как будто с неба — шась.

С Дидоной смачно целовался
При встрече наш троянский князь,
И соловьем он разливался,
За белы рученьки держась.
По переходам, галереям
В светлицу шла она с Энеем;
Царицу к лавке он подвел;
С Дидоной попивал сивуху,
Ел конопляную макуху,
260 Покамест не накрыли стол.

На нем муравленные блюда,
Кленовые тарелки в ряд.
Там яства и приправы — чудо!
Бери что хочешь, наугад.

Конца не видно переменам:
Свиная голова под хреном,
Кулеш, лемешка и лапша.
Тому — индюк с подливой лаком,
Другому — корж медовый с маком,
270 И путря тоже хороша.

Тянули кубками сливянку,
На мед и брагу налегли,
Горелку пили, запеканку,
Для духу можжевельник жгли.
Бандура «горлицу» бренчала,
Сопелка «зуба» заиграла,
От дудки звон стоял в ушах.
«Санжарку» выводила скрипка,
И девушки плясали быстро
280 В суконных свитках, в сапожках.

Красуясь, извивалась Ганна,
Дидоны младшая сестра,
В запаске, в юпочке багряной,
Стройна, подбориста, востра.
Эней залюбовался плясом,
Он всё дивился выкрутасам.
И то сказать — была ловка!
Она в сережках, и в монистах,
И в лентах шелковых цветистых
290 Под дудку била «третьяка».

Взыграл и сам Эней-троянец,
Как на аркане жеребец.
Пустившись лихо с Гандзей в танец,
Чуть с ног не сбился молодец.
У них подковки забряцали,
У них поджилки задрожали,
Едва за Ганной поспевал.
Эней собрал мотню вприхватку,
Ударил гопака вприсядку
300 И «не до соли» припевал.

Хлебнув по чашке варенухи,
Затем чтоб горло промочить,
Все молодухи-цокотухи
Балясы начали точить.

Дидона крепко зашалила,
Корчагу полную разбила.
Накуликались, как могли.
День целый пили до упаду,
И не было с Энеем сладу,
310 Его насилу волокли.

Эней с трудом на печь взвалился,
Зарылся в просо, там и лег.
Кто вкривь и вкось домой тащился,
Кто в хлев забрался, кто под стог.
Иные так уже хлестнули,
Что где упали, там заснули.
Нашлись, однако, питухи!
Они мертвецки нализались,
Но молодецки подвизались,
320 Пока пропели петухи.

Еще храпели чужестранцы,
Когда Дидона поднялась,
Оделась, как в корчму на танцы,
С похмелья квасу напилась.
На ней сидит кораблик ловко,
Из шелка юбка и шнуровка,
А ножки в красных чеботках.
На голенищах — оторочка,
Сверкает на груди цепочка,
330 Платок из выбойки в руках.

Эней вскочил, для опохмелки
Соленый скушал огурец.
Ни дать ни взять на посиделки
Принарядился молодец.
Кафтан отменный из китайки
В подарок принял от хозяйки,
Из коломянки кушачок.
Вдова штаны ему прислала,
Что у покойника украла,
340 И черный шелковый платок.

С утра за стол уселись оба,
Поели-попили опять;
Когда насытилась утроба,
Решили, как вчера, гулять.

К Энею нашему Дидона
Сверх меры стала благосклонна,
Давай турысы разводить!
И так и этак подступалась,
И мелким бесом рассыпалась,
350 Старалась гостю угодить.

Нашла царица развлеченье
Как раз такое, чтоб Эней,
Свои забывши злоключенья,
Вертелся под боком у ней:
Глаза холстинкой завязала
И в жмурки весело играла,
Энея норовя словить.
Он догадался — вот поди же! —
И терся, жался к ней поближе,
360 Вдову желая ублажить.

Всяк делал, что ему по нраву,
И забавлялся как хотел.
Тот «журавля» плясал на славу,
Другой от «дудочки» потел.
В горелки и в «жгуты» играли,
Друг дружку за чубы дирали.
Кто резался в «носки», кто в «хлюст».
Здесь — козыряли без промашки,
Там — по столу совали шашки,
370 И хоть бы уголок был пуст!

Пошли подряд пиры, попойки,
Как будто свадьбы, чередой.
Сивуху, пенник и настойки
Лакали наравне с водой.
Троянцы были пьяны, сыты,
Кругом обуты и обшиты,
Хоть голые пришли, как пень,
И пестовалась, как с болячкой,
Как с трясавицей иль горячкой,
380 С Энеем пани каждый день.

Троянцы славно пировали,
Не пропускали вечерниц,
Проходу девкам не давали,
Приманивали молодниц.

Эней был сам не промах: в бане
Попариться подбил он пани...
Не обошлось и без греха!
Энея так она любила,
Что даже разум позабыла,
330 Хоть вовсе не была плоха.

Энею выпал туз козырный,
Про Рим он думать перестал
И, отхватив кусочек жирный,
В забавах время коротал.
Нисколько не боясь Юноны,
Заполучил Дидону в жены,
Мутил, как на селе солдат!
И то сказать — он был проворный,
Пригожий, ласковый, задорный,
400 Вдобавок острый, как булат.

Эней с Дидоною бесились,
Возились, точно с салом кот,
Как угорелые носились;
Хватало у нее хлопот!
С ним поскакала на охоту
И задала себе работу,
Когда в провал загнал их гром.
Там было и темно и тесно.
Лишь черту лысому известно,
410 Что делали они вдвоем.

Недолго сказка говорится,
Еще быстрее — пером черкнуть.
Не так-то скоро всё творится,
Чтоб глазом не успеть моргнуть.
Анхизов сын гостил немало.
Совсем из головы пропало,
Куда послал его Зевес!
Два года в Карфагене прожил.
Никто б его не потревожил,
420 Да, говорят, вмешался бес.

С Олимпа вздумал ненароком
Юпитер поглядеть на нас.
Он Карфаген окинул оком,
А там — троянский мартопляс.

Весь мир затрясся, закачался —
Так рассердился, раскричался
При виде неслуха Зевес:
«Раздолье гадовому сыну!
Запрытался, как черт в трясину,
430 Как муха в патоку, залез!

Ко мне покличьте скорохода
Да припугните наперед:
Ведь у него такая мода —
В шинок сначала завернет.
Хочу гонца послать к Энею,
Бездельнику и ротозею.
Венера — вражья мать! — сама,
Как видно, сватает, колдует,
Вовсю Энейчика муштрует,
440 Чтоб он Дидону свел с ума».

Крест-накрест перевит ремнями,
Вбежал Меркурий впопыхах;
С него катился пот ручьями,
Нагайку он держал в руках;
Лядунка с бляхою гербовой
Болталась на груди суровой,
А сзади — сумка сухарей.
Снял войлочную шляпу в хате
И говорит: «Я здесь, мол, батя,
450 Приказывай лишь поскорей!»

«Спеши к воротам Карфагена, —
Сказал Зевес, — и разлучи
Шальную пару непременно!
Залег Эней, как пес в печи!
Ты передай наказ мой строгий,
Чтоб уносил оттуда ноги
И отправлялся строить Рим!
Пускай бежит, как от погони,
Забывши о своей Дидоне,
460 Не то разделаюсь я с ним».

Зевесу поклонясь, Меркурий
Махнул без шапки за порог,
Влетел в конюшню, брови хмуря,
И мигом лошадей запрѣг,

Заткнувши за пояс нагайку,
Уселся живо в таратайку,
Рванул с небес — и ну пылить!
Скрипит повозка расписная,
Храпит, брыкает коренная,
470 Бегут кобылки во всю прыть.

Эней тогда купался в браге
И, захмелев, на лавку лег;
Присниться не могло бедняге,
Что кару на себя навлек.
В ту пору подоспел Меркурий
И в горницу вломился бурей,
Энея с лавки как рванет:
«Изволь немедля убираться!
Не смей с Дидоной женихаться!
480 Зевес послал тебя в поход.

Ударился в питье да в пляски
И не опомнишься никак!
Дождешься от Зевеса встряски,
Тогда запляшешь и не так.
Еще в нем ярость не угасла.
Он из тебя повыжмет масло!
Не жди, пока приду опять.
Покинь Дидонину светелку
И убирайся втихомолку,
490 Не то — тебе несдобровать!»

Суров Олимпа был хозяин,
И, хвост поджавши, как щенок,
Эней затрясся, словно Каин.
Из носа вытек табачок.
Анхизов сын, боясь расплаты,
Поспешно выскочил из хаты.
Троянцам отдал он приказ:
«Когда наступят, мол, потемки,
Хватайте узелки, котомки
500 И — к морю, братцы, в добрый час!»

Эней собрал свои манатки,
Чтоб улизнуть, покуда цел,
Набил отрепьем две укладки
И на челны снести велел.

Задумал он дожждаться ночи,
Когда сомкнет Дидона очи,
И, не простившись, тягу дать.
Энею свет немил казался,
Весь день жалел о ней, терзался,
510 А приходилось покидать.

Дидона всё на ус мотала,
Чтоб не остаться в дурах ей.
Она догадываться стала,
С чего невесел пан Эней.
За ним следила из-за печи
И, козухом прикрывши плечи,
Притихла, будто хочет спать.
Эней подумал — задремала —
И непременно дал бы драла,
520 Дидона ж за чуприну хватъ!

«Постой, нечистое отродье!
Не расквитались мы сполна.
Тебя при всем честном народе
Я придушила б, сатана!
За хлеб, за соль наместо платы
Ославишь ты меня, проклятый!
Небось насмешничать привык.
Пригрев за пазухой гадюку,
Себе я причинила муку.
530 Свинье постлала пуховик!

Стыдился бы на самом деле!
Без постолов пришел ко мне,
Сорочки не было на теле,
Гудело у тебя в мошне.
А шаровары?.. Только слава,
Что в шароварах был ты, право!
Штанины без мотни висят,
И те порвались, обносились,
Глядеть зазорно, так светились!
540 А свитка — из одних заплат.

Признайся, чем не угодила?
Знать, позабыл мое добро!
Иль поманила вражья сила?
Иль захотел рожна в ребро?»

С досады зарыдав, Дидона
Рванула косы исступленно,
Побагровела, словно рак.
Остервенилась, расшумелась,
Как будто белены объелась,
550 Облаяла Энея так:

«Поганый, скверный, гадкий, мерзкий,
Католик, висельник, блудник!
Бродяга, подлый, низкий, дерзкий,
Нахал, ворюга, еретик!
Покуда сердце не остыло,
Как дам тебе леща я в рыло!
Небось тебя ухватит черт.
Вцеплюсь в бесстыжие гляделки,
Чтоб ты забыл свои проделки,
560 Чтоб тряся, как зимою хорт.

Ступай же к сатане с рогами!
Чтоб дьявол всех побрал повес
С твоими сучьими сынами!
Приснись вам, голодранцам, бес!
Чтоб не горели, не болели, —
Чтоб начисто вы околели!
Чтоб ни единый человек
Не спасся от лихой напасти!
Чтоб разорвало вас на части!
570 Чтоб вы шатались целый век!»

Эней не дожидался схватки,
Знай пятился и — за порог.
Рысцой собачьей, без оглядки
Он припустил, как только мог.
К троянцам он примчался яро —
Быстрее, чем курошь с базара! —
И прыгнул опрометью в челн.
Весь потный, словно искупавшись,
«Гребите!» — крикнул, запыхавшись,
580 И вновь отдался воле волн.

Дидона словно ошалела,
Совсем не ела, не пила,
Кручинилась, ревмя ревела,
Весь день метала и рвала.

Оторопев, устав от крика,
Кусала ногти горемыка, —
Знать, на нее нашел столбняк.
Присела молча на пороге:
Что делать? Подломились ноги,
590 Не держат бедную никак.

Она зовет на помощь Ганну,
Спеша Энея обличить,
Сердечную оплакать рану
И облегчение получить:
«Ганнуся, душка, рыбка, птичка,
Спаси меня, моя сестричка!
Сгубил несчастную Эней!
Как у него хватило духу
Меня покинуть, словно шлюху?
600 Не человек он, лютый змей!

Забуть его? Но сердцу силу
Такую негде почерпнуть!
Куда деваться мне? В могилу —
Один теперь остался путь.
Людьми и славой для Энея
Пренебрегла я, не жалея;
О боги, с ним забыла вас!
Ох, дайте мне напиться зелья,
Чтоб от любовного похмелья
610 Избавить сердце хоть на час!

Нигде не нахожу покою!
Не льются слезы из очей.
На белый свет гляжу с тоскою.
Светло лишь там, где мой Эней.
О Купидон, богов любимчик,
Зачем не взял тебя родимчик?
Жестокое тешишься игрой!
Нет, молодницы, нам защиты!
Все бабники, все волокиты —
620 С Энеем на один покрой!»

На участь горькую Дидона
В унынье сетовала так.
Не в силах возместить урона,
Ганнуся хлипала в кулак,

Тоскуя, слезы проливала
И рукавом их утирала,
Энея помогала клясть.
«Теперь оставь меня, сестрица, —
Вздыхнув, промолвила царица, —
630 Дай мне нагореваться всласть».

Погоревавши, пострадавши,
Легла в хоромех на кровать;
Недолго думавши, гадавши,
С постели прыгнула опять,
Нашла за печкою кресало
И пакли в пазуху наклала;
Босая вышла в огород.
Уже сгустилась тьма ночная,
Стояла тишина немая,
640 В домах крещеный спал народ.

Для зимних нужд на огороде
В скирду сложили очерет;
Хоть царской не под стать породе, —
В степи, однако, дров-то нет!
Сухой, горючий был, как порох, —
Держали на растопку ворох.
К нему Дидона подошла,
Взяла она кремь, огниво,
Достала паклю и на диво
650 Огонь раздула, разожгла.

Освободилась от одёжи,
Лохмотья кинула в костер,
Сама туда шагнула тоже,
Он к небу языки протер.
Покойницу закрыло пламя,
Рванул черный дым клубами,
И повалил великий чад.
Энея, бедная, любила!
Из-за него себя сгубила,
660 Послала душу к черту в ад.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Эней, плывя по синю морю,
На Карфаген в слезах глядел.
Бедняга предавался горю,
Оплакивая свой удел.
Дидону покидал поспешно,
Рыдал, однако, неутешно,
Узнав, что на костре сожглась.
Небесное сулил ей царство,
Себе — чтоб кончились мытарства
10 И новая вдова нашлась!

Но тут, глядишь, выиграло море,
Крутые волны поднялись,
Разбушевались ветры вскоре,
Суда скрипели и тряслись.
От налетевшей непогоды
Чертовски закрутило воды,
Вертелись бешено челны,
Троянцев била дрожь с испуга,
Они глядели друг на друга,
20 Раздумья мрачного полны.

Среди Энеевой ватаги
Был весельчак и балагур,
Хватало у него отваги;
Он прозывался Палинур.
Смекнув быстрее всех, в чем дело,
Нептуну закричал он смело:
«Ты что затеял, пан Нептун?
Ужель тебе дурить не стыдно?
Про четвертак забыл, как видно!
30 Задать нам хочешь карачун?»

И после этой речи краткой
Храбрец троянцам говорит:
«Скитаться нам не больно сладко.
Вдобавок и Нептун мудрит.
Куда свой путь направим, братцы?
Нам до Италии добраться
Шальное море не дает.
Отсель Италия неблизко,
А в бурю морем ехать склизко, —
40 Челнов никто не подкует!

Зато земелька есть, ребята,
Невдалеке — рукой подать!
Страна Сицилия богата!
Там не житье, а благодать.
Простимся навсегда с уныньем,
В тот край без промедленья двинем,
Где добрый царствует Ацест.
Его столица мне знакома.
Там обживемся мы, как дома.
50 Небось он вдоволь пьет и ест!»

Чтоб выгрести из водоверти,
За весла казаки взялись,
И, словно подтолкнули черти,
Челны стрелою понеслись.
Сицилианцы их узрели
И от восторга одурели,
Бегут приезжих обнимать!
Поразобравшись меж собою,
Они отправились гурьбою
60 К царю Ацесту пировать.

Ацест Энею, словно брату,
Гостеприимством угодил.
Привел его радушно в хату,
Ему горелки нацедил.
С дороги закусил он салом
И кругом калбасы немалым,
Умял и хлеба решето.
Троянцы, позабыв о буре,
Как следует наелись тюри.
70 Голодным не ушел никто.

И начались у них пирушки,
Как только стали на постой:
Паштеты, с чесноком пампушки,
Кисель с медовою сытёй,
Грибы с печенкою говяжьей
И каравай, как пух лебяжий.
Эней с дороги ел за двух.
Хмельного крепко нахлестался
И всякой снеди наглотался, —
80 Едва не испустил он дух.

Сверх меры наливавшись пенной,
Троянец не терял ума.
Богобоязненный, смиренный,
Он чтил родителя весьма.
Старик винищем обожрался
Да в тот же день к чертям убрался.
И вот затеял молодец
В честь годовщины сей печальной
Обед устроить поминальный,
90 Чтоб отомкнул свой рай творец.

Всех неимуших по обряду
Желая накормить, Эней
Созвал троянскую громаду,
Совета попросил у ней:
«Мол, сами знаете, трояне
И православные миряне, —
Анхиз, мой батя, неспроста
Загинул, как зимою муха!
Нутро сожгла ему сивуха,
100 И он лишился живота.

Охота мне поминки справить,
Для бедняков задать обед,
Для нищих стол едой уставить.
Скажите — ладно или нет?»
Троянцам этого и надо,
Заговорила вся громада:
«Господь Энею помоги!
Надейся, пан Эней, на бога,
Но будет и от нас подмога!
110 Тебе мы, дескать, не враги!»

Немедля накупили мяса,
Горелки на помин души.
Добыли — не прошло и часа —
Хлеб ситный, бублики, кныши.
Кутью сварили, взяли меду
И щедро подсластили воду,
Сходили принанять попа.
На звон дьякам пошла полтина.
Хотел троянский сиротина,
120 Чтоб нищих собралась толпа.

Троянцы порешили миром
Стряпней заняться на заре.
Котлы наполнив мясом, жиром,
Огонь раздули на дворе.
Похлебка и уха для бедных
В пяти котлах кипели медных,
С борщом дымилось целых шесть,
Варились в четырех галушки;
Бараны жарились, индюшки;
131 А кур, гусей — не перечсть.

Сивухи ведра, дежки браги
Уже стояли на виду.
Тут ложки роздали ватаге
И в миски налили еду.
Как «Со святыми...» затанули,
Эней с троянцами всплакнули
И стали яства уминать.
Так нахарчились, нахлестались,
Что под столами спать остались...
140 И перестали поминать.

Эней и сам со старшиною
Успел Анхиза помянуть.
Застлало очи пеленою,
А в голове стояла муть;
Но отходился, слава богу,
И протрезвился понемногу,
Лишь побледнел и спал с лица.
С большим трудом придя в понятие,
Швырнул он меди нищей братье,
150 Чтоб помнили его отца.

Заныли ноги у Энея,
Отяжелела голова.
Эней, с похмелья цепenea,
Глаза тарашил, как сова.
Ему постыло всё на свете.
Он по земле писал мыслёте,
Как бочка винная разбух.
Разыскивать не стал он ложе.
Анхизов сын, как был — в одеже
160 И в сапогах, — под лавку бух!

Проснувшись на рассвете, трясся:
Под ложечкой сосет — нет сил!
Бедяга только тем и спасся,
Что кружку квасу осушил.
Еще хватил полкварти пенной —
Горелки с нибирем отменной.
Откуда появилась прыть?
Встряхнувшись от такой затравки,
Чихнул и вылез из под лавки.

170 «Теперь давайте, — крикнул, — пить!»

Подпанками набилась хата,
Как только стало рассветать.
Они, как брагу поросята,
Горелку начали лакать.
Тянули пенную троянцы,
Не струсил сцилианцы —
И ну хлебать наперебой!
Кто выпил больше всех сивухи,
Кто разом дул по три осьмухи,
180 Тот был Энею брат родной.

И вдруг троянцев атаману,
Когда хватил он через край,
Приспичила охота спьяну:
Кулачников ему подай!
Цыганки с бубнами скакали,
Поживы школяры искали
И распевали под окном,
Играли кобзари слепые,
Гуляли молодцы хмельные,
190 Ходил весь город ходуном.

Паны уселись на крылечко,
Теснился во дворе народ,
Иной облюбовал местечко
На перекладине ворот
Тут подоспел боец геройский,
Одет, как в компанейском войске.
По имени звался Дарес.
Видать, он силачом считался.
Как пес ошпаренный метался,
200 Кричал и первый в драку лез:

«А нуте — кто желает биться,
Моих отведасть тумачков?
Кто кровью захотел умыться?
Кому своих не жаль зубов?
Эй, выходите на кулачки!
Не ждите от меня потачки.
Живей, кутейники-дьячки!
Вы не останетесь в убытке.
Я надаю вам под микитки,
210 Подставлю под глаза очки!»

Дарес долгонько ждал ответа,
Он всех троянцев застрашал.
Любой что ни на есть отпетый
Головорез — и тот молчал.
«Сробели, увальни, старухи?
Махну — и сгинете, как мухи.
Побойтесь духу моего!» —
Кричал Дарес. Его нахальство,
Его бесстыжее бахвальство
220 Претило всем до одного.

Абсест, неистовый троянец,
Вскипел и задал стрекача.
Давай, расталкивая пьяниц,
Искать Энтелла-силача.
А тот был из такого теста,
Что мог порадовать Абсеста,
Надолго сбить с Дареса спесь:
Мужик на диво смелый, дюжий,
Плечистый, рослый, неуклюжий, —
230 К Энтеллу без нужды не лезы!

Троянцы, храп услышав зычный,
Нашли беднягу наконец.
Под тыном лежа, горемычный,
С похмелья дрыхнул удалец.
«Проснись!» — ему кричали в ухо,
Пинали в спину и под брюхо.
Он буркнул: «Не мешайте спать!
С чего вы? Что за чертовщина!»
Глазами поморгал детина
240 И тут же захрапел опять.

«Вставай, — сказал Абсест Энтеллу, —
Довольно спать, голубчик сват!
Встань, сделай милость! Мы — по делу».
Тот проворчал: «Возьми вас кат!»
Но рассердился не на шутку,
Абсеста выслушав погудку;
Решил бахвала проучить.
Вскочил, встряхнулся: «Стойте, наши!
Даресу наварю я каши,
250 Лишь дайте глотку промочить».

Он полным котелком горелки
Немедля горло сполоснул
И после доброй опохмелки
Скривился, сморщился, зевнул.
Сказал: «Теперь пойдемте, братцы,
С Даресом-прощелыгой драться!
Пускай попомнит мой кулак.
Ему я ребра перемечу
И как собаку изувечу!
260 Я хвастуна сотру в табак».

Вплотную подступив к Даресу,
Невеже говорит Энтелл:
«Эхма, ступай-ка лучше к бесу!
Проваливай, покуда цел.
Я раздавлю тебя, как жабу.
Насяду, как мороз на бабу!
Вовек зубов не разомкнешь.
Тебя сам черт узнать не сможет
И сатана с костями сгложет.
270 Ты от меня не улизнешь!»

Энтелл сердито шапку скинул,
И рукава он засучил,
Сжал кулаки и брови сдвинул,
К Даресу ближе подскочил,
Заскрежетал зубами злобно,
Затопотал ногами дробно.
Дарес попятился назад.
Теперь попал он в передрягу
И проклинал свою отвагу,
280 Был удали своей не рад.

В ту пору олимпийцы-боги
Сошлись к Зевесу на обед
И пировали без тревоги,
Людских не замечая бед.
Был у Зевеса стол отличный:
Закуски, ягоды, пшеничный
Печеный хлеб, коржи, кныши.
Каких там только блюд не ели!
И гости вскоре охмелели,
290 Понадувались, как ерши.

Откуда ни возьмись Меркурий
Влетел, запыхавшись, к богам,
Как рыжий кот, глаза прижмуря,
В кладовку, к сырным пирогам.
«Эге! сивухи натянулись,
От всех на свете отмахнулись.
У вас, я вижу, нет стыда!
В Сицилии раздор великий.
Там небывалый шум и крики,
300 Как будто у ворот Орда».

Богам едва служили ноги.
Из неба высунув носы,
Уставились на схватку боги,
Как жабы летом из росы.
Энтелл разделся до рубахи,
Противника держал он в страхе,
Махал пудовым кулаком.
Глядел Энтелл опасной птицей!
Дарес боялся с ним сразиться,
310 Как с черноморским казаком.

Венеру за виски схватило.
Бойцов увидела с небес,
И стало ей житье немило.
Взмолилась: «Батюшка Зевес!
Дай силы моему Даресу,
Прибавь ему побольше весу,
Чтоб он Энтелла одолел.
Энтелл сердит, коли не шутит.
Того и жди, что хвост накрутит.
320 Вели, чтоб милый уцелел!»

Венеру тут отборной бранью
Стал Бахус пьяный осыпая,
Честить ее сквернавкой, дрянью,
К ней с кулаками подступать.
«Подя к чертям, — кричал он, — шлюха,
Негодница и потаскуха!
Чтоб он загибнул, твой Дарес!
Дай мне сивухи нализаться
И за Энтелла в бой вязаться,
330 Так не поможет и Зевес!

Ты знаешь, он какой парнище?
На свете равных не найти.
Как брагу, хлещет он внище.
Такне у меня в чести!
Люблю казацкую натуру.
Уж сала он зальет за шкуру,
Натешится, наверно, всласть.
С твоим Даресом распрощайся!
Как он теперь ни защищайся,
340 Наверняка ему пропасть!»

Зевес, раздувшись от горелки,
Ворочал языком едва;
С трудом тарачил он гляделки,
Вникая в Бахуса слова.
Вспылив, об стол ударил чашей:
«Молчать, пока не выгнал взашей!
Не смейте забегать вперед!
В кулачный бой вы не мешайтесь,
Конца спокойно дожидайтесь.
350 Увидим сами — чья берет».

Тогда, несолоно хлебавши,
Роняя слезки из очей
И, как собака, хвост поджавши,
Венера стала у дверей.
Платком утерла глазки, щечки
И вместе с Марсом в уголочке
Глумилась над своим отцом.
А Бахус пил, кряхтя, сивуху,
Трудился, сколь хватало духу,
360 Над Ганимеда погребцом.

Большое творилось диво
В стране Сицилии как раз,
Когда на небесах сварливо
Бранились боги с пьяных глаз.
Дарес бодрился, горячился
И супостату изловчился
Цибулю дать под самый нос.
Энтелл от оплеухи знатной
Перевернулся пятикратно.
370 Едва сдержался он от слез.

Со злости изо рта Энтелла
Бежала пена. Дайте срок!
Энтелл, изладившись умело,
Хватил обидчика в висок.
Сердешный памяти лишился.
Осоловел и повалился,
Лежал и носом землю рыл;
Шмелей, как говорит, слушал,
Стенаньем тишину нарушил
380 И, посрамленный, жалок был.

Энтелла за его успехи
Превозносили до небес
И вспоминали для потехи,
Как силой чванился Дарес.
«Вставай, — сказал Эней вояке, —
И прочихайся после драки!
Энтеллу, хлопцы, на табак
Не пожалею гривны целой
За то, что сей кулачник смелый
390 Сегодня отличился так!»

Любил Эней гулянуть на славу.
Хоть он изрядно охмелел,
Себе и людям на забаву
Медведей привести велел.
Дудел в трубу литвин заезжий,
Глядел народ на пляс медвежий,
А звери, разевая пасть,
Ревели, прыгали, ложились,
И кувыркались, и кружились, —
400 Забыли мед из ульев красть!

Эней глазел на эти штучки,
Беды не чаял никакой,
Не ждал с Олимпа нахлобучки,
И пенная лилась рекой.
Вмешайся, как на грех, Юнона!
«Задам-ка я ему трезвона!
Троянских проучу повес».
Обулась без чулок и рысью
Отправилась искать Ирисю.
410 А та была хитра, как бес!

Пришла, Ирисе подмигнула,
Шмыгнула вместе с ней в чулан
И там ей на ухо шепнула,
Какой замыслила обман.
Наказ уразумевши строгий,
Ирися поклонилась в ноги:
«Всё, дескать, выполню точь-в-точь!»
Лишь завернулась в покрывало,
И — след простыл, как не бывало.
420 Борзой с небес умчалась прочь.

И очутилась на стоянке
Троянских кораблей. Вдали
Сидели хмурые троянки —
Челны, паромы стерегли.
Они в кружок уныло жались,
На благоверных обижались.
Мужья гуляли пять недель,
А на пирушку их не звали,
Сивушку сами попивали,
430 Несчастных посадив на мель.

Слюну глотали молодухи,
Сводило рот, как от кислиц.
Мutilo тяжко с голодухи
И разбирало зло девиц.
Они троянцев проклинали,
Недобрым словом поминали:
«Чтоб им хотелось пировать,
Как в девках нам сидеть охота!
Чтоб черт их утащил в болото!
440 Неужто здесь нам вековать?»

Троянцы мыкали по свету
Берою, древнюю каргу.
Уже давненько ведьму эту
Со злости скрючило в дугу.
Ирися перегнулась втрое,
Обличье приняла Берои
И — к бабам: «Помогай вам бог!
Не надоело ли поститься?»
Чтоб к ним получше подольститься,
450 Она им поднесла пирог.

«С чего, мол, загрустили, дочки?
Грешно кручиниться вам так.
Чем тут сидеть на бугорочке,
Взгляните на мужей-гуляк.
Как полоумных, нас морочат
И по морям семь лет волочат,
Как будто им на глум дались!
С чужими жёнками балуют,
Зато свои пускай горюют,
460 И хоть бы вы за ум взялись!

Не унывайте, молодицы,
Я вам отличный дам совет!
И белолицые девицы
Теперь избавятся от бед.
Доколе нам сидеть над морем?
За горе мы отплатим горем!
Сожжем постылые челны.
Тогда мужья — как на приколе:
Куда деваться? Поневоле
470 Они прижаться к нам должны!»

«Спаси тебя господь, бабуся!» —
Карга услышала в ответ.
Троянки принялись, не труся,
Разумный выполнять совет.
Гурьбою подступили к флоту,
Взялись проворно за работу,
Давай охапками таскать
Сухие сучья для растопки,
Щепу, пеньковые охлопки,
480 Огонь кресалом высекать.

Затлелось, полыхнуло яро,
И стал небесный свод багров.
От небывалого пожара
Клубился дым до облаков.
Челны, сосновые паромы
Пылали как пучки соломы.
Горели деготь и смола.
Пока троянцы осмотрелись,
Как славно их троянки грелись,
490 Часть флота сожжена была.

При виде зарева с испугу
Сынок Анхизов побелел.
Чтоб на ноги поднять округу,
В набат ударить повелел.
Вовсю трещотки затрещали,
Колокола беду вещали.
Эней стремглав бежал к челнам:
«Кто в бога верует — спасайте!
Гасите, лейте, заливайте!
500 Откуда ж это лихо к нам?»

Трясло Энея-горемыку,
Со страху был он сам не свой;
Бедняга сбился с панталыку,
Скакал, вертелся, как шальной,
С досады по земле катался,
Задравши голову, метался,
Костил Зевеса сгоряча,
Честил богов напропалую,
А заодно и мать родную,
510 Как пес ошпаренный крича:

«Небось, проклятый старичище,
С небес на землю не сойдешь!
Ругнул бы я тебя почище,
Да ты и усом не моргнешь.
Придется пропадать мне, видно!
И как тебе, Зевес, не стыдно?
Людских не замечаешь мук!
Иль на глазища сели бельма?
Чтоб ты ослеп навеки, шельма!
520 Ведь я тебе как будто внук!

А ты-то, с бородой седою,
Высокородный пан Нептун!
Засел, как демон, под водою,
Корявый лапоть, бормотун!
Залей хоть пламя, душегубец, —
Переломил бы ты трезубец!
Поборы собирать не хвор,
А если нам придется туго
И надобна твоя услуга,
530 Так ты на выручку не скор.

А братец ваш, буян бесчинный,
Любовник аспидский, Плутон?
Засевши в пекле с Прозерпиной,
Неужто не нагрелся он?
Наверно, с дьяволами дружит,
О горестях людских не тужит.
Поганец позабыл о нас
И не заботится нимало,
Чтоб это пламя отпылало,
540 Пожар губительный погас.

И маменька моя родная
К чертям отправилась гулять!
Проспится где-нибудь хмельная
И вьется с хлопцами опять.
Теперь ей «не до соли», значит!
Небось как бешеная скачет,
Повыше полы подобрал.
Когда ни с кем не заночует,
Других сведет — и не горюет.
550 Такой у ней веселый нрав.

По мне, живите как хотите, —
Пускай нечистый вас возьмет!
Но только пламя погасите,
Троянский не губите флот.
Уж вы трудов не пожалейте,
Кручину горькую развеите,
Залейте, милые, пожар!
Нам кутерьму устройте живо,
С небес явите чудо-диво!
560 За это поднесу вам дар».

Сынок Анхизов отмолился
И рот успел закрыть как раз,
А дождь уже ручьями лился
И погасил пожар за час.
Хлестало с неба, как из бочки.
Всех промочило до сорочки.
Хотя в дожде была нужда,
Троянцы мигом дали ходу —
Попавши из огня да в воду,
570 Бежать пустились кто куда.

Энея мучило сомнение:
Остаться здесь иль дальше плыть?
Беда, коли найдет затмение
И сам не ведаешь — как быть?
Решил Эней: «На то — громада.
Гуртом подумать, братцы, надо!
Ума не хватит одного».
И стали толковать, кумекать,
Смекать, рассчитывать, мерекать...
580 Всё получалось — не того!

Один троянец из громады
Молчал, держась особняком.
Бросая исподлобья взгляды,
Царапал землю посошком.
Опасный человек, пройдоха,
Он ворожить умел неплохо,
Был ведьмам родич и свояк,
Знал заговор на кровь людскую,
Отшептывал трясучку злую,
590 Гатить плотину был мастак.

Бывал в Силезии с волами,
Не раз ходил за солью в Крым
И продавал тарань возами;
Все чумаки братались с ним.
Собой невзрачный, а смысленый, —
Умнее, чем иной ученый!
Словечки сыпал что горох:
И растолкует, и расскажет,
И узелок любой развяжет,
600 Вдобавок был не трус и жох.

Невтесом все его дразнили
(По-нашему звался — Охрим).
Уж так мне люди говорили,
А сам я не встречался с ним.
Увидя, что Эней невесел,
Охрим поклон ему отвесил,
За белу ручку крепко взял,
Энея вывел прямо в сени
И там без долгих размышлений
610 Такую речь ему сказал:

«С чего насупился ты грозно
И, как индюк, раздул кадык?
С чего затосковал ты слезно,
Как по болоту, мол, кулик?
Коль станешь убиваться дольше —
В лесу ты заплутаешь больше.
Наплюй на лихо, не тоскуй!
Забудь невзгоду роковую,
Ступай себе на боковую,
620 А выступишь — тогда толкуй!»

Эней послушался Охрима.
Укрывшись, на полу он лег.
Измучился невыносимо!
Вздыхал, моргал, уснуть не мог,
Ворочался и так и эдак,
Взялся за трубку напоследок,
Но утомился и раскис.
Когда он крепким сном забылся,
Из пекла батюшка явился,
630 И молвил спящему Анхиз:

«Протри глаза, сынок любимый,
Не ужасайся, не страшись!
К тебе пришел отец родимый.
Встряхнись, опомнись, пробудись!
Меня к тебе послали боги,
Чтоб ты забыл свои тревоги.
Ты будешь цел и невредим,
Счастливую познаешь долю.
Исполни только божью волю,
640 Переселись немедля в Рим.

Живей челны готовь к отплытью,
«Прощай» Сицилии скажи!
А кто склоняется к подпитью,
Того построже придержи.
Плыви бездумно, беззаботно —
И всюду проживешь вольготно.
Хоть завтра отправляйся в путь!
Еще словцо скажу я кстати:
По-моему, не грех дитяти
650 И к батьке в пекло завернуть!

По олимпийскому закону
Никак его не миновать.
Коль не поклонись Плутону —
Тебе и в Риме не бывать.
Сказав напутственное слово,
Путь в Рим укажет он толково.
Ты в пекле разыщи меня.
Не бойся, головы не вешай!
Туда найдешь дорогу пеший,
660 Не нужно даже и коня.

Прощай же, сизый голубочек!
Уж на дворе забрезжил свет.
Прощай, дитя, прощай, сыночек!»
И в землю провалился дед.
Эней дрожа вскочил спросонок,
Со страху тряся, как ребенок.
Со лба стекал холодный пот.
Созвал Эней своих, и сразу
Троянцы по его приказу
670 К отплытью стали ладить флот.

А сам бегом пустился к месту,
Где сицилийский жил король,
И поспешил сказать Ацесту:
«Спасибо, мол, за хлеб, за солы!»
Закончив хлопоты и сборы,
Назавтра дождались Авроры,
Расселись вмиг по челнокам.
Эней глядел вперед несмело:
Уж больно море надоело,
680 Как дождь осенний — чумакам.

Венера всхлипнула, вздохнула,
Узрев троянцев на челнах,
К Нептуну на поклон махнула,
Чтоб их не потопил в волнах.
Поехала в своем рыдване,
Не хуже сотниковой пани.
Зверье — не лошади у ней!
Три гайдука скакали сзади,
Возница в щегольском наряде,
690 Застыв на козлах, гнал коней.

Он белою гордился свитой
Из шерстобитного сукна,
По краю галуном обшитой.
Ей семь полтин была цена!
Шапчонка набекрень сидела,
Как вишня, издалёка рдела.
Бичом он щелкал напоказ.
Без отдыха, как от погони,
Как ветер в поле, мчались кони,
700 И пропадал рыдван из глаз.

Приехала, затарахтела —
Точь-в-точь кобылья голова.
С разгона в хату залетела,
Как ошалелая сова.
И ни привета, ни присловья!
Нептуну посулить здоровья
Едва успела сгоряча.
Лишь поцелуями душила
И старика затормошила,
710 Как полоумная, треща:

«Ты — батька крестный мне и дядя,
Прислушайся к моей мольбе.
Уважь меня Зевеса ради!
Ведь я племянница тебе.
Ты сделай, чтоб Эней-бедняга
И вся троянская ватага
Счастливо плыли по воде.
Его и так уж укатали!
Насилу бабы отшептали.
720 Попался на зубок беде!»

Нептун моргнул и усмехнулся;
Венеру пригласил он сесть,
Утер усы и облизнулся;
Ей чарку не забыл поднести.
Исполнить просьбу обещался,
Учтиво с гостьей распрощался,
Помочь Энею был готов.
Задул попутный ветер вскоре,
Челны стрелой погнал он в море
730 От сицилийских берегов.

Энею преданный, исправный
Слуга с ним ездил каждый раз.
То был паромщик самый главный —
По-нашему звался Тарас.
Он, сидя на корме, шатался —
Донельзя, бедный, нахлестался,
Успел он через край хлебнуть!
Эней велел на всякий случай
Убрать его с кормы зыбучей —
740 Пускай проспится где-нибудь.

Увы, паромщику Тарасу
Предначертали на роду,
Чтоб до сего лишь дня и часу
Земную он терпел беду.
Сердешный не спросился броду
И, раскачавшись, порскнул в воду.
Со дна всплыла его душа.
Эней настроился уныло
И пожелал, чтоб это было
750 Последним горем для коша.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Эней сначала был не в духе,
Поплакал, малость погрустил,
А там и чарочку сивухи,
Угомонившись, пропустил.
Но все-таки его мутило,
Под сердцем бесперечь крутило,
Вдыхалось часто молодцу.

Он моря крепко испугался
И на богов не полагался.
10 Не доверял он и отцу.

А ветры знай трубили с тыла
В корму разболтанным челнам,
Чтоб им лететь привольно было
По черным пенистым волнам.
Гребцы курили, сложа руки,
Под нос мурлыкали от скуки,
Плывя без цели, наобум.
Московских присказок забавных
И запорожских песен славных
20 Немало им пришло на ум.

О Сагайдачном распевали,
Про Сечь тянули во всю мочь;
Как в пикинеры вербовали;
Как странствовал казак всю ночь;
И про Полтавскую победу,
Когда урок мы дали шведу;
Как провожала сына мать,
Как мы Бендеры воевали,
Как без галушек помирали,
30 Но духом не слабела рать.

Хоть сказка говорится скоро,
Да дело медленно идет.
Хоть плыл Эней проворно, споро,
Не день в морях носило флот.
Троянцы со светом расстались,
Долгонько на челнах мотались
Среди неведомых пучин,
И всех томила неизвестность —
Зачем, куда, в какую местность
40 Дружину мчит Анхизов сын?

Уже проплавали немало
И проплутали по воде.
Но вот и берег видно стало,
И наступил конец беде.
Троянцы душу облегчили,
С челнов на сушу соскочили
И перестали горевать.

Земельку эту Кумской звали.
Они ее облюбовали,
50 Себя ей тоже дали знать!

И снова повезло троянцам.
Для них настала благодать.
Лафа бывает сплошь поганцам,
А честному — хоть пропадать!
Они здесь тоже не чинились,
На промысел поволочились,
Искали, что кому под стать:
Кто — водки либо сливовицы,
А кто — молодки иль девицы —
60 С зубов оскомину согнать.

Бродяги, прыткие, как черти,
Знакомства завели тотчас.
Кто зазевается, поверьте,
Надуют, подкузьмят как раз!
С округой целой побратались,
Как будто сроду здесь шатались,
Нашли кто — кума, кто — куму,
И каждый по нутру, по нраву
Себе придумывал забаву,
70 Все поднимали кутерьму.

Где свадьба или вечерницы,
Где мед или горелку пьют,
Где девки или молодицы —
Пролазы наши тут как тут.
Не унимаются троянцы,
К молодкам липнут, окаянцы, —
Ну разливаться соловьем!
И, подпоив мужей, бывало,
Уводят жен куда попало —
80 Распить по чарочке вдвоем.

Которые до карт охочи —
Без дела не сидели тут:
Сражались в «дурни» до полночи
Иль резались в «носки» да в «жгут»,
Играли в «пары» и в «памфила»,

А в ком ума побольше было —
На деньги дулись в «семь листов».
Чем хочешь, тем и утешайся:
Пей, козыряй иль женихайся,
90 Ходи с червей, с бубен, с крестов...

Один Эней не веселился:
О преисподней думал он.
Ему Анхиз, покойник, снился,
В башку втемяшился Плутон.
И от своей троянской голи
Эней ушел украдкой в поле,
Давай искать кого-нибудь,
Чтоб разузнать скорей дорогу
К Плутону самому в берлогу,
100 Разведать в пекло ближний путь.

Шел, шел... Ручьями пот горячий
На переносье лил с кудрей.
Пробился через лес дремучий
И кое-что узрел Эней:
На курьей ножке стоя шатко,
Трухлявая такая хатка
Вертелась медленно кругом.
Троянец пересек лужайку,
И тщетно выкликал хозяйку
110 Он, притулившись под окном.

В сердцах ломился долго в двери,
Был хатку с ножки рад спихнуть.
И пусть ее! По крайней мере
Хоть отзовется кто-нибудь!
Вдруг вышла бабища седая,
Заплесневелая, хромая,
Косматая, с клюкой в руках;
Была старуха конопата,
Суха, крива, коса, горбата
120 И — как в монисте — в желваках.

Эней не знал куда деваться
И слова вымолвить не мог,
Когда к нему такая цаца
Из хатки вышла на порог.

К Энею ближе подступила
Яга и тотчас разлепила
Беззубые свои уста:
«Анхизенко! Слыхали слыхом . .
Известно, за каким ты лихом
130 Забрался в здешние места.

А я уж очи проглядела:
Пропал, должно быть, молодец!
Смотрю в окошко то и дело,
И вот припелся наконец.
Уже мне рассказали с неба,
Какая у тебя потреба.
Отец твой был недавно тут».
И, осмелев, у бабы сучьей
Спросил Эней на всякий случай,
140 Как ведьму злобную зовут.

«Я, знаешь, Кумская Сивилла,
При храме Феба — попадаья.
Ему изрядно послужила!
Давно живу на свете я:
При шведах, слышь, была девицей,
А при татарах молодежи;
Видала саранчи налет;
А вспомнится землетрясение —
Пугаюсь, просто нет спасенья!
150 Как в малолетстве, страх берет.

Немало всячины я знаю,
Хоть никуда и не хожу.
В нужде я людям помогаю:
На звездах знатно ворожу;
Могу и отшептать ушницу;
Сгонять умею трясавицу
И заговаривать гадюк;
Искусно порчу прогоняю,
Переполохи выливаю,
160 Свою и ногтеды с рук.

Теперь пойдем со мной в каплицу,
И в жертву Фебу самому
Сейчас же обещаю телицу,
Усердно помолись ему.

Не пожалей лишь золотого
Для Феба светлого, святого
И для меня не поскупись:
Ты кое-что услышишь, малый,
Да в пекло сыщешь путь, пожалуй.
170 Ступай, утрись и не слюнись!»

Пришли они в часовню Феба.
Эней давай поклоны бить,
Чтоб тот его услышал с неба
И не замедлил возлюбить.
Вдруг у Сивиллы, как от порчи,
Глаза на лоб, и в теле корчи,
И волос дыбом встал седой.
Сама ж она, как бубен, билась,
И пена изо рта клубилась.
180 Знать, дух в нее вселился злой!

Она тряслась, кряхтела, выла,
Вихлялась, посинела вся.
Каталась по земле Сивилла,
Как в луже смрадной — пороса.
И чем Эней молился дольше,
Тем ведьму разбирало больше,
Всё хуже становилось ей.
А уж когда перемолился —
С нее лишь градом пот катился;
190 Дрожал со страху наш Эней.

Очухалась тогда Сивилла,
Полой утерла пену с губ
И волю Феба изъявила.
Анхизов сын молчал, как дуб.
«Тебе и всей громаде строгий
Наказ дают с Олимпа боги.
Вам не попасть вовеки в Рим.
Однако после смерти имя
Твое известно будет в Риме.
200 Не вздумай утешаться сим.

Еще хлебнешь ты лиха вволю,
Узнаешь всякую напасть.
Еще изменчивую долю
Готовься не однажды клясть.

Еще свирепствует Юнона
(Хватило б у нее разгона
Не дальше правнуков твоих!),
Но знай: ты заживешь по-пански
И горемычный люд троянский
210 Избавится от мук своих».

Повесив нос, Эней уныло
Руками голову сжимал
И слушал, что плела Сивилла,
Но ничего не понимал:
«Меня едва ли не морочишь!
В толк не возьму — что ты пророчишь?
Не по нутру мне речь твоя.
Черт знает, кто из вас тут брешет?
Я думал, Феб меня утешит.
220 Уж лучше б не молился я!

А впрочем, ладно, будь что будет!
Ведь я не ангел — человек,
И будет то, что бог мне судит;
Положен всякому свой век!
Ты только окажи мне дружбу
И честно сослужи мне службу:
К отцу родному проводи.
Я прогулялся бы от скуки,
Чтоб адские увидеть муки.
230 А ну на звезды погляди!

Не первый я иду к Плутону
И не последний — так и знай!
Орфей вернулся без урону,
Хоть был изрядный негодяй.
Не сладили и с Геркулесом —
Он в пекле задал жару бесам,
Разгон устроил всем чертям.
Мы тоже дернем без опаски.
Я дам тебе на две запаски!
240 Ну что? Ударим по рукам?»

«Огнем играешь! — так Сивилла
Энею молвила в ответ. —
Тебе житье, скажи, не мило
Иль опротивел белый свет?

А в пекле знаешь как прижучат!
Тебя по смерть шутить отучат.
Попробуй, сунься, рот разины!
Как поднесут нам фиги с маком,
Небось попятиться ты раком,
250 И зададут тебе амины!

А если возымел охоту
У батьки в пекле побывать,
Плати живее за работу,
Тогда начну я мозговать,
Как нам с тобой туда пробраться
И с мертвецами повидаться.
У нас дурак лишь не берет.
А кто умней, тот — загребуший,
Умеет жить по правде сущей,
260 С отца родимого сдерет.

Мне это дело не впервинку.
В затылке нечего скрести!
Я в пекло укажу тропинку,
Хоть мудрено ее найти.
В лесу густом, непроходимом,
Глухом, пустынном, нелюдимом
Растет чудное деревцо.
На нем кислицы не простые —
Все, как червонцы, золотые!
270 Послушай же мое слово:

Подобно жару на загнетке,
Начнет в очах твоих блистать.
Ломай смелей! Нельзя без ветки
Пред сатаной тебе предстать:
Из пекла не вернешься целым,
Загубишь вовсе душу с телом,
Тебя закабалит Плутон.
Ступай! Раскрой глаза пошире,
Поглядывай на все четыре,
280 Не трусь и не считай ворон!

Сломивши ветку золотую,
Живей старайся улизнуть.
Лети назад напропалую,
Да уши не забудь заткнуть!

Ты непременно за собою
Услышишь голоса с мольбою:
«Оборотись, мол, не спеши!»
Но ты не верь бесовской силе
И, чтоб тебя не заманили,
290 Оттуда во весь дух чеши!»

Хрычовка вдруг запропастилась.
Эней один остался там.
Всё яблоня пред ним светилась!
Покоя не было очам.
Эней на поиски подался,
Устал, задохся, спотыкался
И наконец приплелся в лес.
Колол сердешного терновник,
Царапал, обдирал шиповник,
300 Бродяга на карачках лез.

И сумрачно и смутно было
В лесу, невиданно густом.
Там что-то беспрестанно выло,
Ревело грозно за кустом.
Прочтя молитву с расстановкой
И шапку подвязав бечевкой,
Пустился напролом Эней.
Он шел и шел, глаза тараща.
Смеркалось; помрачнела чаша,
310 А яблони не видно в ней.

Эней пугливо озирался,
Дрожал, но вверился судьбе;
Сквозь дебри живо продирался,
Поблажки не давал себе.
Когда же засияло в пуще,
Эней перепугался пуще,
Но поздно было отступать.
Себя не помня, очутился
Под яблоней — и удивился.
320 Рукой за ветку сразу хватя!

Эней не размышлял нимало,
Напрягся, дернул что есть сил,
И древесина затрещала.
Он ветку мигом отломил.

Немедля из лесу дал драла.
Бежал — земля под ним дрожала,
И ног не чуял второпях.
Бежал без духу, оготело,
Ему колючки рвали тело.
330 Примчался, ровно черт, в репьях.

Троян увидя, повалился,
Уж больно был он утомлен.
Хоть выжми, потом весь облился,
Едва не захлебнулся он.
Страшась божественного гнева,
Отборный скот пригнать из хлева
Велел поспешно молодец
И в жертву тем, кто пеклом прави:
Кто грешных тормошит и давит,
340 Обречь козлов, быков, овец.

И вскоре звезды врассыпную
С небес пустились наутек.
Рассвет рассеял тьму ночную,
Утешный наступил часок.
Троянцы тут заворошились,
Засуетились, всполошились,
Овец, быков приволокли.
Дьяки с попами — очи к небу! —
Служить готовы были требу
350 И жертвенный огонь зажгли.

Схватив обух, ударил глухо
Троянский поп вола меж рог
И нож всадил скотине в брюхо,
Ее башку зажав меж ног.
Он вынул залитые кровью
Кишки и требуху воловью
И, разглядев сычуг, рубец,
Вещал Энею божью волю,
Троянцам — радостную долю,
360 Их недругам — худой конец.

Овечки стали беспокойней,
Козлы метались, а быки
Гуртом ревели, как на бойне;
Псалмы гнусавили дьяки.

Откуда ни возьмись — Сивилла!
Разбушевалась, вражья сила;
Тряслась, кудахтала: «К чертям
Ступайте все! Живее сгиньте!
Энея своего покиньте,
370 Чтоб не попало по шеям.

А ты, — промолвила Энею, —
Проворный, смелый молодец,
Прощайся с голытьбой своею,
И двинем в пекло. Там отец
Давненько по тебе скучает,
В сынке небось души не чаёт!
А ну, пора маршировать!
Да с хлебом захвати кошелку,
Чем зубы положить на полку
380 И без харчей околевать!

Не озаботишься припасом —
Надуешь с голодухи хвост!
Ты знаешь сам: в дороге часом
Случается Великий пост.
Бог весть, найдешь ли хлеба крошку!
Я в пекло протоптала стежку,
Я знаю тамошний народ;
Все закоулки, уголки,
Все загуменнички, куточки
390 Знакомы мне который год!»

Эней, дай бог ему здоровья,
Собрался в путь не кое-как:
Обулся в чеботы конёвыи,
Потуже затянул кушак;
Жердину выбрал в огороде,
Чтоб сатанинское отродье
От злых собак оборонять,
И, захвативши хлеба с солью,
Махнул к чертям на богомолье,
400 Чтоб там Анхиза повидать.

Но в пекле не бывал я сроду
И врат, ей-богу, не мастак.
Зачем толочь мне в ступе воду?
Поставлю точку, если так. . .

Читатели, вы не галдите,
Не наседайте, погодите!
У старых выпрошу людей,
Что им рассказывали деды —
Бывалые, не домоседы! —
410 О преисподней. . . Им видней!

Небесное поэту царство, —
Вергилий рассуждал умно
И знал все адские мытарства,
Да жил он чересчур давно!
Теперь, наверно, в пекле тоже
Всё по-другому, не похоже
На то, как было в старину.
Покойного слегка поправлю,
Что скажут старики — добавлю,
420 На новый лад пером черкну.

Сивилла в пекло дверь искала,
Глядела пристально кругом,
В сердцах Энея понукала.
Он попевал за ней бегом.
Вот наконец узрели гору,
А в той горе большую нору
Нашли — и бросились туда.
Энею в очи мрак ударил.
Пошли. Эней рукою шарил —
430 Не провалиться бы куда!

На улице нечистой, смрадной,
Что в пекло напрямик вела,
И днем и ночью было чадно,
Вонючая клубилась мгла.
Гнездилась в полутьме Дремота
С сестрой, по имени Зевота.
Поклон отвесив поясной,
Безмолвно выплыли сестрицы
И навязались в проводницы
440 Энею с древней попадъей.

Пришельцам честь по артикулу
Воздав косою, Смерть сама
Скомандовала караулу,
Что состоял при ней: чума,

Война, разбой, злодейство, холод,
Трясучка, рожа, парши, голод;
За ними выстроились в ряд
Холера, шелуди, короста,
Еще напастей разных со сто,
450 Что без пощады нас морят.

Плелась ватага бед ходячих.
Валила туча всяких зол:
Сварливый полк свекровей, мачех
И жен за Смертью следом брел.
Шли тести — скупердяи, жмоты,
Зятя — растратчики и моты,
Буяны братья, свояки,
Свояченицы и золовки —
Обидчицы и колотовки,
460 Что в ход пускали кулаки.

И крючкотворы и плутяги
С пером за ухом были здесь,
Жевали жвачку из бумаги,
Чернил с песком глотали смесь;
И тьма начальников-пиявок,
Десятских, сотских — злобных шавок,
И распроклятых писарей;
Толпа исправников заштатных,
Судей и стряпчих беспонятных,
470 Поверенных, секретарей.

Ханжей понурые фигуры
Плелись, молчание храня.
Сии смиренные натуры,
Постясь в неделю по три дня,
На животе слагали руки
И слали госпуду доуки;
Не осуждали вслух людей,
А, не в пример иным трещоткам,
Перебирали всех по четкам
480 И ждали по ночам гостей.

Напротив этих окаянниц
Квартал был целый потаскух,
Бродяг, моргух, ярыжниц, пьяниц,
Бесстыдных шатунов и шлюх.

С остриженными головами,
С подрезанными подолáми
Распутницы стояли сплошь.
А сколько панночек ломливых,
Лакеев ловких и смазливых
490 Там было — право, не сочтешь!

Теснились там и молодежи,
Что втайне от мужей седых
Большие были мастерицы
Парней потешить холостых,
И хваты те, что не гуляли,
А ротозеям пособляли
Семейку расплодить быстрее;
Пригульные кричали дети
И, не успев пожить на свете,
500 За это кляли матерей.

Эней глазел, давался диву
И трясся, словно без седла
Скакал, схватив коня за гриву;
Беднягу оторопь взяла.
Успел он присмотреться с ходу
Ко всякой нечисти и сброду.
Чудно, куда ни поглядишь!
Хватал он ведьму за дерюгу
И хоронился с перепугу,
510 Как от кота в чулане мышь.

Карга его рванула с силой,
Чтоб он артачиться не мог.
Послушно за своей Сивиллой
Бежал Эней, не чуя ног.
Уж пекло было недалечко,
Но путь им пересéкла речка,
Что Стиксом издавна звалась.
Там оказалась переправа,
Куда стекалась душ орава
520 И на ту сторону рвалась.

Явился перевозчик — грубый
И черномазый, как цыган;
Под стать арапу, толстогубый
И кислוגлазый старикан.

Заплывши начисто сметаной,
Слипались веки беспрестанно.
Космат он был от колтуна.
Как войлок, борода сваялась,
Сердито голова вихлялась,
580 Бежала изо рта слюна.

Сорочка, стянута узлами,
Держалась на плечах с трудом,
Бечевкой скреплена местами,
Могла поспорить с решетом;
И эта рвань была на палец
Засалена, аж капал смалец;
Вконец обтерханы штаны;
Хоть выжми — мокрые онучи,
Сорочки дедовой не лучше,
540 Из постолов худых видны.

А пояс лыко заменяло.
На нем болтался кошелек,
Лежала трубка там, кресало,
Кремень, и трут, и табачок.
Хароном перевозчик звался.
Он чванился и величался.
Немаловажный был божок!
Харон великим слыл умельцем,
Крюкастым подгребал весельцем,
550 Стрелой по Стиксу гнал челнок.

Как в день осенний слобожане
На ярмарке иль на торгу,
У ряда рыбного миряне, —
Так возле речки на лугу
Душа толкала душу в боки
И стрекотала, как сороки,
Кричали, лаялись до слез,
Друг дружку тискали, совались,
Пихались, лезли, надрывались,
560 Чтоб дед скорее перевез.

Как против солнца рой гуляет,
С шипеньем киснут бураки
Иль гуща в сыровце играет, —
Гудели эти бедняки.

Мольбою душу раздирали,
К Харону руки простирали:
«Возьми с собою на каюк!»
Увы, не обращал вниманья
На вопли, жалобы, рыданья
570 Харон, бесчувственный индюк.

Веслом ширяя то и дело,
Знай тычет в морду хоть кого!
Всех гонит прочь остервенело,
Не хочет слушать ничего.
По выбору в челнок усадит
И на ту сторону спровадит,
На остальных и не глядит.
Кого не повезет, упрется,
Тому долгонько ждать придется:
580 Он век, пожалуй, просидит.

Эней в кагал вломился хмуро —
Пробиться думал на паром.
И повстречал он Палинура,
Что плавал штурманом при нем.
Тут Палинур пред ним заплакал,
Про злую долю покалякал, —
Мол, через речку не везут!
Да ведьма тотчас их шугнула
И в батьку накрепко ругнула
590 Энея, чтоб не мешкал тут.

К засаленному старичине
Едва пробились на причал.
Ломался дед, как бес в плотине.
Как полоумный, он кричал
И, многолюдством не смущенный,
Обкладывал народ крещеный,
Как водится в шинках у нас.
И родичам досталось честным:
Он их почтил словом нелестным,
600 Пусть привыкают в добрый час!

Харон, бранясь как оглашенный,
Гостей приметил невзначай,
Ощерился, покрылся пеной,
Взревел, как бешеный бугай:

«Откуда вас, бродяг, пригнало?
Здесь шатунов таких немало!
Нужны вы — хату холодить!
Я вас отважу, побирохи.
Со мной, поверьте, шутки плохи!
610 Забудете сюда ходить.

Вон, прочь! Не то носы расквашу,
В придачу тресну по шеям
И морды так вам разукрашу,
Что не узнает леший сам!
Плюгавцы, вишь как изловчились!
Живые в пекло притащились.
Чего хотят, возьми их ляд!
Для вас пошевелюсь не больно,
С меня и мертвецов довольно —
620 Всё время над душой стоят».

Сробев, Эней глядел тихоней.
Яга отвесила поклон
И старику без церемоний
Сказала: «Не серчай, Харон!
Чего кричишь — куда, мол, прете?
Мы разве по своей охоте?
Нужда нас привела сюда.
Не узнаешь? Ведь я — Сивилла.
Спасибо, что не съездил в рыло.
630 Бранишься, лаешься — беда!

Не ерепенься ты впустую.
Утихомирься, не бурчи!
Ты видишь ветку золотую?
Теперь послушай, помолчи».
И ну плести рассказ подробный —
Зачем пустилась в мир загробный,
К кому, с чего, почто, как, с кем. . .
Харон же, снизойдя к пришельцам,
Гребнув четырежды весельцем,
640 Каюк причалил между тем.

Немедля со своей Сивиллой
В челнок ввалился пан Эней.
Рекой зловонной и унылой
Поплыли в пекло поскорей.

В расщелины вода втекала,
Сивилла юбку подтыкала,
Эней боялся утонуть.
Харон зато на ту сторонку
Так быстро перегнал лодчонку,
650 Что не успеешь и моргнуть.

Спросив за греблю пол-алтына,
Старик зажал деньгу в горсти.
Проезжих посадил он чинно
И показал, куда идти.
Рука с рукой пустились вместе,
Прошли, должно быть, сажень с двести;
Глухим бурьяном луг зарос;
И вдруг попятись в испуге:
В бурьяне том лежал муругий
660 О трех главах свирепый пес.

Залаял грозно трехязыкий,
Вот-вот ухватит за бока.
Троянец, испуская крики,
Хотел уже задать стрелка.
Яга собаке хлеб швырнула
И глотку мякишем заткнула,
За кормом погнался барбос.
Анхизов сын, прикрывшись шапкой,
Тихонько затрусил за бабкой
670 И ноги кое-как унес.

Эней дивился преисподней.
Совсем не то, что этот свет:
Куда мрачней и безысходней!
Ни звезд, ни месяца там нет.
Там зыблется туман великий,
Там слышны жалобные крики.
Анхизов сын оторопел,
Увидя, сколько душам грешным
Грозило мук в аду кромешном,
680 Какую кару кто терпел.

Смола, живица, нефть кипели,
Под ними полыхало, страх!
И, словно в огненной купели,
Сидели грешники в котлах.

Им воздавали полной мерой,
Бурлящей обливали серой,
Не уставали их терзать.
Какие чудеса там были —
Пером я описать не в силе
690 И в сказке не могу сказать.

Панов за то и мордовали
И припекали в свой черед,
Что людям льготы не давали,
На них смотрели, как на скот.
Паны за то дрова возили,
В болотах очерет косили,
Носили на растопку в ад.
Их черти сзади подгоняли,
Железным прутовым шпыняли,
700 Кто отставал — был сам не рад!

Калеными рожнами спины
И животы безумцам жгли,
Что, в смерти собственной повинны,
Из мира не спросясь ушли.
Им под бока ножи совали,
Кипящим варом обдавали,
Чтоб не спешили умирать.
Для них придумывали муки,
Дробили в тяжких ступах руки,
710 Чтоб не решались убивать.

Лгуны лизали сковородку.
Дрожавшим за свое добро
Богатым скрягам лили в глотку
Расплавленное серебро,
А тех, что сроду не женились
Да по чужим углам живились,
Тут черти вешали на крюк,
За бренное цепляя тело,
Которое грешило смело,
720 Не убоявшись этих мук.

Панов, подпанков крепко сёкли,
Не различая по чинам.
Досталось по заслугам в пекле
Всем, без разбора, старшинам.

Тут ратманы и бургомистры,
Все те, что на расправу быстры,
Цехмейстеры и писаря,
И судьи, и подсудки были,
Что денежки с людей лупили,
730 Свой суд неправедный творя.

Разумники и филосопы,
Что любят напускать туман,
Попы, монахи, крутопопы, —
Чтоб знали, как учить мирян,
Чтоб не гнались за медяками,
Чтоб не возились с попадьями, —
Горели в адовом огне.
Чтоб звезд всезнайки не хватали,
Ксендзы, как жеребцы, не ржали, —
740 Держали их на самом дне.

Мужья, что женам потакали,
Прибрать их не могли к рукам,
На свадьбы часто отпускали,
Чтоб за полночь гуляли там,
Чтоб новобрачных провожали
Да в гречку с кем-нибудь скакали, —
В больших рогатых колпаках,
В котлах, где клекотала сера,
Теперь сидели для примера
750 С тугой повязкой на глазах.

Родители, что не пеняли
Своим ленивым сыновьям,
Их баловали, выхваляли
Да гладили по головам, —
В кипящей нефти здесь варились:
Ведь сыновья с дороги сбились,
Трепали за чубы отцов
И смерти им желали скорой,
Чтоб с кладовых сорвать затворы
760 И отпереть замки ларцов.

Здесь были те, что речью сладкой
Смущали девушек тайком
И в окна по стремянке шаткой
Неслышно крались вечерком,

Обманывали, улещали,
Клялись и сватать обещали,
Стремясь к желанному концу,
А девушки от перечеса
До самого толстели носа,
770 Да так, что срам идти к венцу.

Все купчики, что с неклеяемым
Аршином, с речью разбитной
На шумных ярмарках с поклоном
Сбывали свой товар гнилой;
Вьюны, пролазы, обиралы,
Мазилы-пачкуны, менялы,
Ростовщики и шинкари,
И те, что сбитень разливали,
И те, что ветошь продавали,
780 Все торгаши и корчмари.

Головорезы, прошелыги,
Бродяги, плуты, болтуны,
Все сводники и забулдыги,
Гадальщики и колдуны,
Разбойники и живодеры,
Мошенники, пропойцы, воры
Кипели в огненной смоле;
А цех мясницкий, цех скорняжный,
Цех шерстобитный, цех портняжный
790 Сидели всяк в своем котле.

Была здесь шляхта и мещане,
Паны здесь были, мужики,
Неверные и христиане,
И молодежь, и старики;
Здесь был богатый и убогий,
Здесь был прямой и колченогий,
Здесь были зрячие, слепцы,
И тьма военных и гражданских,
Казенных множество и панских,
800 Попы, миряне, чернецы.

Эхма! Лукавить нет охоты.
Солгав, лишь попадешь впросак.
Томились в пекле рифмоплеты,
Немало было там писак.

Великую терпели муку
За то, что нагоняли скуку.
Полон татарский — их удел!
Вот так и наш брат обожжется,
Что пишет, не остережется.
810 Да ведь кой черт бы утерпел!

Там страхолюдную фигуру
Поджаривали, как шашлык.
Стеснять бесчестную натуру
Корыстолюбец не привык.
Ему и медь за шкуру лили,
И распинали на кобыле;
Пришлось на вертеле торчать
За то, что рукопись чужую,
Нарушив заповедь восьмую,
820 За деньги отдавал в печать.

Сынок Анхизов отшатнулся,
Чуть-чуть подальше отошел;
На казнь он снова натолкнулся,
Иное зрелище нашел:
Он караван увидел женский,
Что в бане жарился гееннской.
Кричали на чем свет стоит!
Ревмя ревели поголовно,
Визжали, голосили, словно
830 С кутьи у них живот болит.

Девчата, бабы, молодницы
Себя не уставали клясть;
Свой род, житье и вечерницы,
Весь мир они косили — страсть!
Сажали их на сковородки
За то, что были верховодки,
Мудрили, ладили свое.
Хоть муженьку и неохота,
Да жёнке, вишь, приспичит что-то...
840 Ну как не ублажать ее?

Терпели кару пустосвятки.
Таких немало было здесь,
Что теплят господу лампадки,
Устав церковный знают весь,

Молясь на людях до упаду,
Кладут пятьсот поклонов сряду,
Зато, когда наступит ночь,
Свои молитвенники прячут,
Беснуются, гогочут, скачут
850 И пуще согрешить не прочь.

Тут были барышни-вострухи,
Одетые, как напоказ,
Распутницы и потаскухи,
Что продают себя на час.
В густой смоле они кипели
За то, что слишком жирно ели
И даже не страшил их пост;
За то, что, прикусивши губки,
Оскалив беленькие зубки,
860 Бесстыдно волочили хвост.

Терпели муку молодницы —
Посмотришь, право, станет жаль:
Стройны, чернявы, круглолицы. . .
Нигде таких не сыщешь краль.
Они за старых, за немилых
Шли замуж, а затем постылых
Мужей травили мышьяком
И с парубками забавлялись;
Повеселившись, отправлялись
870 Вдовицы в пекло прямиком.

Еще какие-то горюхи
С куделями на головах —
Девы честные, не шлюхи —
В кипящих мучились котлах.
Они при всех держались крайне
Умильно, а грешили втайне,
Не выносили за порог.
Смолой горячей после смерти
Им щеки залепляли черти
880 И припекали недотрог

За то, что свой румянец блеклый,
Заемной не стыдась красы,
Изрядно подправляли свеклой,
Вовсю белили лбы, носы,

Из репы подставляли зубы,
Примазывали смальцем губы,
А если не было грудей,
Совали в пазуху платочки,
Бока топорщили, как бочки,
890 Желая в грех ввести людей.

А бабы старые трещали,
Поджариваясь на углях,
За то, что день-деньской ворчали,
Судили о чужих делах,
Упрямо старину хвалили,
А молодых трепали, били,
Добро стороннее блюли,
Забыв, как жили в девках сами,
Как баловали с казаками
900 Да по дитяти привели.

Шептух и ведьм колесовали;
Все жилы вытянув из них,
Без мотовил в клубок свивали, —
Чтоб не чинили козней злых,
На помеле чтоб не летали
Да на шестке чтоб не пахали,
Не ездили на упряях,
Чтоб ночью спящих не пугали
И чтоб дождя не продавали,
910 Не ворожили на бобах.

А чем карали в пекле сводниц —
Чур с ним! Зазорно молвить вслух
Терзали дьявольских угодниц,
Чтоб не вводили в грех простух,
Не подбивали жен примерных
Венчать рогами благоверных,
Не опекали волокит,
Чужим добром их не ссужали,
На откупе чтоб не держали
920 Того, что прятать надлежит.

Эней увидел там страдалиц —
В смоле кипящих дев и вдов.
Из них вытапливался смалец,
Как из отменных кабанов.

Там были бабы, молодницы,
Мирянки были и черницы,
Немало барышень и дам:
Кто — в кунтуше, а кто — в накидке,
Кто — в стеганом шелку, кто — в свитке.
830 Был женский пол в избытке там.

Но эти души не сегодня
И не вчера пришли туда.
Умерших пламя преисподней
Не припекало без суда.
Все новички в другом загоне
Толклись, как молодые кони,
Не зная участи своей.
Приговоренным было хуже.
Об их судьбе вздыхая вчуже,
840 Другую дверь открыл Эней.

И очутился он в кошаре,
Где трепыхалось много душ,
И затерялся в их отаре,
Как в логове змеинном уж.
Все ждали с трепетом решения,
Перебирали прегрешенья:
Куда качнутся, мол, весы?
Кого, гадали, в рай отправят?
Кого гореть в аду заставят?
850 Кому из них утрут носы?

Там было размышлять вольготно
И обсуждать свои дела;
Пускались в рассказы охотно —
Откуда чья душа пришла.
Богач на смерть пенял, сердился:
Деньгами не распорядился —
Кому, за что, какую часть.
Скупца досада разбирала:
На белом свете пожил мало
860 И не повеселился всласть.

Сутяга толковал указы.
Опутав многих, этот плут
Расписывал свои проказы
И рассуждал про наш Статут.

Мудрец толмачил до надсады
Про физику да про монады,
Про мирозданье он твердил.
А вертопляс кричал, смеялся,
Бахвалился и удивлялся,
970 Как женщин за нос он водил.

Мундира с пуговками ради,
Как дышло повернув закон,
Судья остался бы внакладе:
В Сибирь бы прогулялся он.
«Но смерть вмешалась в это дело, —
К рассказу добавлял он смело, —
А то б не миновать плетей!»
А лекарь мельтешил с ланцетом,
Слабительным и спермацетом
980 И хвастал, как морил людей.

Похаживали женолюбые —
Всё фертики да барчуки.
Покусывали ногти, губы,
Фуфырились, как индюки;
Вздыхая, очи воздевали,
О прежней жизни горевали.
Пришлось им рано умереть.
Не заслужили громкой славы
И не успели для забавы
990 Кому-то морду утереть.

Хлыщи, картежники, пьянчуги,
Прожженный, разбитной народ —
Лакеи, конюхи и слуги,
И повара, и скороход,
Держась как можно бесшабашней,
Калякали про плутни, шашни,
Хвалили ловкачей, проныр,
Что господам очки втирали,
В карманах шарили, таскали
1000 Платки да бегали в трактир.

Не стало вертихвосткам ходу,
Слонялись вяло, как-нибудь.
Им всем — хоть бы с моста да в воду.
Беда, коль некому моргнуть!

Здесь простофилям ворожейки
Уж не гадали, а злодейки,
Что девок любят истязать,
Зубами в гневе скрежетали:
Служанки их не почитали
1010 И не желали угождать.

Чернее головы Дидону
Внезапно повстречал Эней.
Как подобает по закону,
Шапчонку сбросил перед ней:
«Здорово! Глянь-ка... Что за чудо?
Сердешная! И ты оттуда,
Из Карфагена приплелась?
Себе искала злую долю?
Иль нажилась на свете вволю?
1020 Какого беса ты сожглась?

Была румяной, круглолицей —
Такой, что губки облизнуть!
И не терпелось молодежи
Скорее ноги протянуть!
Какая из тебя утеха?
Никто не взглянет и для смеха!
Придется в пекле пропадать.
А я не виноват, ей-богу,
Что поспешил тогда в дорогу:
1030 Мне приказали тягу дать!

Но я готов с тобой спознаться,
Зажить по-прежнему точь-в-точь,
Не разлучаться, жениться,
Как раньше, — если ты не прочь.
Пойдем! Тебя я поцелую,
Притисну к сердцу, помилую...»
Но отказала наотрез
Ему Дидона: «Поцелуйся
Хоть с чертом, а ко мне не суйся!
1040 Расквашу рыло, чтоб не лез!»

Ее и след простыл... Сначала
Эней опешил, стал в тупик.
Яга, однако, проворчала,
Чтоб долго не чесал язык.

И то сказать, совет был добрый:
Пересчитать Энею ребра
Кому-нибудь пришло б на ум,
Чтоб не тревожил душу вдовью,
Бабенок не морил любовью
1050 И прах не поднимал на глум.

Эней с каргой — давай бог ноги!
В гееннскую забравшись глушь,
Он повстречался на дороге
С ватагою знакомых душ,
И начались у них объятья,
Челомканье, рукопожатья:
Князька любили своего!
Эней вгляделся в оборванцев
И многих опознал троянцев,
1060 А первым делом — вот кого:

Педька, Терешка, Шелифона,
Панька, Охрима и Харька,
Леська, Олешка и Сизона,
Еська, Пархома и Феська,
Стецька, Ониська, Опанаса,
Свирида, Лазаря, Тараса. . .
Еще нашлись Остап, Овсий
И те, что по волнам шатались
Да в море синем и остались.
1070 Среди них — Вернигора Мусий. . .

Кагал устроили великий.
Галдеж поднялся, хохотня.
Не умолкали гомон, крики,
Вранье, прибаски, трескотня.
Давнишнее припоминали,
Уже и лишнее болтали.
Эней судачил пуще всех.
Побалагурили маленько,
И, хоть сошлись друзья раненько,
1080 Он задержался, как на грех.

Пришлось не по нутру Сивилле,
Что разбрехался он вконец,
Что дитяtko затормошили
И не опомнится птенец.

Сивилла на Энея въелась,
Раскаркалась и расшумелась.
Эней в испуге задрожал.
Троянцы тоже все струхнули
Да врассыпную и махнули,
1090 А он за бабкой побежал.

Пожалуй, пару добрых гонов —
Чтоб не соврать — они прошли
И хаты, и дворец Плутонев
Как раз увидели вдали.
Карга Энея в бок толкнула
И на хоромы пальцем ткнула:
«Здесь проживает пан Плутон
С женой своею, Прозерпиной.
К нему-то с золотой ветвиной
1100 Тебя веду я на поклон».

Пришли под самые ворота
И услышали: «Кто идет?» —
От бабы скверной, криворотой;
Она у запертых ворот
Отвратным пугалом торчала
И била в медное клепало,
Как в панских водится дворах.
У ней на голове и шее
Клубками шевелились змеи,
1110 Смертельный нагоняя страх.

Она без хитрости, без лести,
Открыто, без обиняков,
Встречала грешных честь по чести,
Драла ремнями, как быков,
Кусала, грызла, бичевала,
Крошила, шкварила, щипала,
Царапала, порола, жгла,
Пилила, корчила, топтала,
Рвала, вертела, шпиговала,
1120 Тянула жилы, кровь пила.

Увидя бабы облик мерзкий,
Эней, бедняжка, обомлел.
Ягу спросил он, — кто так зверски
Терзать несчастных повелел?

Сивилла рассказала честно
Всё то, что было ей известно:
Мол, есть в аду судья Эак;
Он смертной казнью не карает,
Но истязать повелевает.
1130 Прикажет — вот и мучат так!

Ворота сами разомкнулись,
И с веткой, что горит как жар,
Сивилла и Эней толкнулись
К царице — поднести ей дар;
Пришли почтить ее особу
И облегчить ее хворобу,
Да набежали сторожа!
Хоть не прибили пары нашей,
Однако проводили взáшей:
1140 Недужна, дескать, госпожа!

Зато открылся без заминки
Покой подземного царя,
Где ни соринки, ни пылинки,
Оконца сплошь из янтаря,
В начищенных гвоздочках стены,
Везде порядок, блеск отменный,
Куда ни глянь — сусаль, свинец,
Сверканье меди и булата,
Светлицы убраны богато.
1150 Ну панский истинно дворец!

Вошли в Плутонино жилище
Разинув рты Эней с ягой
И, вылупив на лоб глазищи,
Дивились красоте такой.
Подмигивали, усмехались,
Локтями то и знай пихались.
Эней причмокивал, свистал:
«Вот тут-то праведные души
Ликут, бьют небось баклуши!»
1160 Эней и этих повидал.

Они сидели, руки сложа,
Для них и в будни праздник был:
Покуривали трубки лежа,
А кто хотел — горелку пил.

Но угощались там не пенной,
А третьепробною, отменной
(Ей вкусу придавал бадьян),
А также запеканкой пряной,
Анисовой или калганной.
1170 В ней были перец и шафран.

Вареники, оладьи, пышки
На блюдах высились горой.
Все наедались до одышки
Пшеничных калачей с икрой.
Там кушали паслен, клубнику,
Чеснок, рогоз, терн, ежевику,
Крутые яйца с сыровцом,
Какую-то глазунью — чудо! —
Немецкое, не наше блюдо, —
1180 А запивали всё пивцом.

Где ждало грешников бездолье
И приходилось им страдать,
Там было праведным приволье,
Заслуженная благодать.
Им дозволялось без помехи
По вкусу выбирать утех.
Творился полный ералаш:
Кричи, молчи, вертись, пой, слушай,
Лежи, валяйся, спи, пей, кушай,
1190 Рубись — и то дадут палаш!

Но чваниться и зазнаваться,
Насмешками глаза колоть
И брат над братом издеваться
Не смели — упаси господь!
Раздоров, стычек, ссор пустячных,
Ругни, обид, расправ кулачных
В заводе не было у них.
Все жили в дружбе и приязни
И женихались без боязни
1200 Ревнивых ябед, козней злых.

Точь-в-точь как на святой неделе,
Совсем не скучно было там
И — словно вы зипун надели —
Ни холодно, ни душно вам!

Кому что вздумается — сразу
Появится, как по приказу:
Моргнешь — и с неба упадет.
«Скажи, кто — праведники эти?» —
Ягу спросил Эней, заметя,
1210 Что им со всех сторон почит.

«Они, поверь, не толстосумы, —
Сивилла молвила в ответ, —
И не чиновные — не думай! —
И не с брюшком округлым, нет!
Не те, что в дорогах жупанах
И в кармазинах, и сафьянах;
Не те, что с четками в руках,
Не рыцари и не вояки,
Не те, что рывкают «и паки»,
1220 Не в златотканых колпаках!

То — бедняки, хромцы, юроды,
Что слыли дурнями у всех;
Слепцы, калеки от природы,
Сносившие глумленье, смех;
Все те, что летом и зимою,
Голодные, с пустой сумою,
Дразнили по дворам собак,
С мольбой в оконницы стучали,
Но «бог подаст» лишь получали
1230 И уходили натошак.

Тут бесприютных вдов немало,
И девы-голубицы есть.
Небось им юбки не вздувало,
Они блюсти умели честь;
И те, что, без родни оставшись,
В домах сиротских воспитавшись,
Попали в податной оклад;
И те, что лихвы не лупили,
А людям помогать любили, —
1240 Кто чем богат был, тем и рад.

И хоть на свете справедливой
Не больно много старшины —
Увидишь и такое диво!
Бывают всякие паны.

Будь сотник ты или значковый,
Будь войсковой иль бунчуковый, —
Коль праведную жизнь ведешь
(Хоть господам не сродно это),
Сюда без всякого запрета
1250 Ты после смерти попадешь».

«А почему ж, голубка сиза, —
Эней спросил ягу опять, —
Мне батьку своего, Анхиза,
Не удалось нигде застать:
Ни с грешными, ни у Плутона?»
— «А для Анхиза нет закона:
Где вздумается — там живи! —
Карга сказала, хмурия брови. —
Он родственник богам по крови
1260 И по Венериной любви».

Болтая, на гору взобрались,
Присели отдохнуть слегка;
Умаявшись, они старались
Не проворонить старика,
Посматривали то и дело:
Искать уж им осточертело!
Анхиз в ту пору был внизу,
Похаживая по долине,
Раздумывал о милом сыне,
1270 Готовился пустить слезу.

Но вдруг Энея ненароком
Заметил он издалека
И побежал вприпрыжку, боком —
Обнять любезного сынка.
Куда как не терпелось деду
Начать с Энейчиком беседу,
Его услышать голосок.
Порасспросить по-стариковски
И в губы чмокнуть по-отцовски,
1280 Наедине побыть часок.

«Здорово, дитятко, сыночек! —
Энею закричал Анхиз. —
Не мог прийти без проволочек!
Заставил ждать себя! Стыдись!

Ступай скорей к родному батю!
Мы всласть паговоримся в хате».
Но, слюни распустив, сынок
Стоял дубиной, обалдуем,
И обменяться поцелуем
1290 Он с мертвецом никак не мог.

Родитель разгадал причину,
С чего сынок ему не рад.
Обнять хотел он сиротину,
Да получилось не попад.
Анхиз тогда изрек рацею,
В которой предсказал Энею,
Каким он будет хлопцам дед
И чем его, Энея, дети
Прославятся на белом свете,
1300 Какой оставят в жизни след.

А в пекле — на-поди! — веселье
Случилось вроде вечерниц.
Там собралась не для безделья
Гурьба девчат и молодежи:
Кто стал загадывать загадки,
Кто — в ворона играть, колядки
Да песни свадебные петь;
И паклю жгли, и ворожили,
И по спине жгутами били;
1310 Всю ночь готовы были бдеть.

Тугие косы и косицы
Укладывали там венком,
И от «венгерки» половицы
Тряслись, ходили ходуном:
Там «тесной бабой» забавлялись,
В трубе о суженых справлялись,
Шли полночью в безлюдный дом:
Щетину девушки палили
И олово на свечке лили,
1320 Подслушивали под окном.

К девчатам своего Энея
Анхиз привел и усадил;
Как неуча и дураля,
Принять в беседу попросил:

«Уж вы сыночку послужите,
Свое уменье покажите,
Покличьте лучших ворожей
И дайте нам ответ нелживый:
Счастливый или несчастливый,
1330 Удатный, нет ли мой Эней?»

Дивчина там была — воструха:
Ловка, быстра, шустра, умна,
Плутовка — так и лезет в ухо!
Увертлива, как сатана,
Насмешница и озорница,
Гадать большая мастерица —
И тем прославилась как раз;
Брехню состряпать ей в привычку,
Кому-нибудь приляпать кличку
1340 И угодить не в бровь, а в глаз.

Проныра, знахарка, шептуха,
Не размышляя, к делу — шмыг,
Застрекотала прямо в ухо:
«Давай-ка загадаю вмиг!
Не ошибусь и точка в точку
Родному твоему сыночку
Правдиво предскажу судьбу.
Ей-богу, не совру Энею!
Умом раскинуть я умею,
1350 Любую знаю ворожбу».

Вот ремеза гнездо дивчина
Вложила в глиняный горшок
И сорванных на Константина
Ведьмовских трав сухой пучок.
Подснежник, васильки, цикорий,
Зоря, шалфей — в ее наборе,
И ландыш, зверобой, чебрец.
Всё это залила водою,
Прозрачную, непочатою,
1360 Сказавши несколько словец.

На жар поставила, накрыла
Щербатым черепком горшок.
Эней рядом посадила,
Чтоб раздувал он огонек.

И вот уже кипит, клокочет,
Шипит, пузы́рится, бормочет,
Ворочается сверху вниз:
Эней насупился, не дышит,
Он голос чelовечий слышит,
1370 Насторожился и Анхиз.

Раздули огонек нехудо,
Горшок заклокотал сильней.
Из раскаленного сосуда
Стал голос явственней, слышней:
«Энею горевать не надо.
Анхиза и Венеры чaдо,
Он расплодит великий род.
Сей род обширный, стойкий, смелый
В чужие вторгнется пределы
1380 И под себя их подомнет.

Чувствительные перемены
Произведет в своем краю
И, римские воздвигнув стены,
Там заживет он, как в раю.
До той поры не загорюет,
Пока, склонясь, не поцелует
С ноги святейшей постолa.
Теперь довольно! Убирайся!
С покойным батюшкой прощайся,
1390 Покуда голова цeлa».

Отцу не слишком улыбалось
Так скоро отпустить сынка, —
Не думалось и не гадалось,
Что встреча будет коротка
И доведется столь поспешно
Бежать Энею из кромешной.
И, провожая свой приплод,
Слезami старый обливaлся,
С Энеем крепко обнимался,
1400 Кричал Анхиз, как в марте кот.

Сам-друг с ягой пришлось Энею
Махнуть оттуда напрямик.
Он без конца ворочал шею,
Но скрылся из виду старик.

Из пекла вышли потихоньку,
Пустились дальше полегоньку,
Эней своих узрел опять:
Троянцы дрыхнули вповалку.
Он отшвырнул суму и палку
3410 И тоже завалился спать.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

«Обедка три не поденькуешь,
На муторне и засердчит.
Тогда тоскою закишкуешь
И в буркоте заживорчит.
Попробуй позубать жевами,
Харчудок нажелуть пихами!
Веселье сразу понутрит,
Об лихо грязном заземлюешь,
Про свой забуд поголодуешь,
10 К досаде бег и учертит.

Да что язычить зря болталом!
Не басню кормом соловят.
А ну закошелькуй бряцалом!
Небось бренчата заденьжат.
Коли давало спятакуюшь —
Узнащее свое грядуюшь:
Куда плавам теперь челнать,
И что с тобою впередится,
И как ловчей уминервиться,
20 Чтob угодили Юнонать?»

Всю тарабарщину, до слова,
Не я придумал, видит бог.
Лишь мозг Сивиллы бестолковой
Такую чушь состряпать мог.
Карга недаром ахинею
Плела — пророчила Энею,
Что с ним стрясется, где и как.
Хотела, напустив туману,
Ударить крепче по карману,
30 Хоть был Эней совсем бедняк.

Что делаты! Нужно догадаться
И как-то узел разрубить.
Да с ведьмою не торговаться,
Чтоб горьких слез потом не лить.
Сынок Анхизов старой суке
Сказал спасибо на науке,
Грошей двенадцать в руку дал.
Задрав исподницу, Сивилла
В мешочек медяки сложила
40 И сгинула — как черт слизал!

Эней Троянец от хрычовки
Избавился — и к морю шасть.
Он от Юноны ждал издевки,
Боялся к сатане попасть.
Все разом на челны метнулись,
Баграми тотчас отпихнулись.
По ветру славно было плыть.
Кипела дружная работа,
Махали веслами до пота.
50 Челны летели во всю прыть.

Плывут — а ветры не на шутку
Пустились выть, реветь, свистать.
Энею задали закрутку,
И некуда ему пристать.
Челны швыряло, бултыхало,
Торчмя и боком колыхало —
Не удержаться на ногах!
Трясло троянцев мелкой дрожью,
И, положась на волю божью,
60 Они играли на зубях.

Но постепенно вал кипучий
Смирился, ветры улеглись.
Вот месяц выглянул из тучи,
И звезды кое-где зажглись.
Троянский род приободрился,
От сердца камень отвалился.
Уж было думали тонуть!
Все люди так: не остерегся,
Разок на молоке ожегся —
70 И на воду привыкнешь дуть.

Пловцы остались невредимы.
Они, распив магарычи,
Свернулись, что твои налимы,
И ну храпеть, как на печи.
Никто не ожидал подвоха.
Но вдруг паромщик их, пройдоха,
Запричитал и бросил руль:
«Как только доплывем до суши,
Пропали, дескать, наши души!»
80 И шлепнулся, что с воза куль.

«Заклятый остров перед нами.
Не миновать его никак!
Уткнемся в берега челнами
И мигом попадем впросак.
Цирцея, злая чаровница,
На этом острове царица.
Она сердита на людей.
Не ждите, братцы, снисхожденья:
Кто угодит в ее владенья,
90 Всех превратит она в зверей!

Придется бегать не на паре,
А на четверке! Задарма
Пропал, как Серка на базаре.
Готовь загривок для ярма!
Ведь по хохлацкому покрою
Не быть козлом или козою,
А не иначе, как волом!
Небось потащишь плуг по пару,
Дровец навозишь пивовару,
100 Пойдешь в упряжке одним.

По-польски цвякать лях не будет,
Навеки сбросит он жупан
И «Не позволям!» позабудет,
Заблеет в голос, как баран.
Того гляди, что с бороною
Москаль замекает козою.
Хвостом пруссак вилять горазд,
Точь-в-точь как старый лис виляет,
Когда и выжлец настигает,
110 И хорт уже угонку даст.

Цесарцы ходят журавлями,
Не хуже записных гусар,
Цирцее служат сторожами,
А итальянец тут фигляр.
Он мастер на любые штуки,
Танцор, ну, словом — на все руки.
Умеет и ловить чижей.
Он — обезьяна, он — затейник,
На нем сафьяновый ошейник,
120 Его удел — смешить людей.

Французы — шелкуны, вояки,
Головорезы-мясники —
На этом острове собаки:
Чужие гложут мослаки,
Они и на владыку лают,
Всех прочих за кадык хватают.
Промеж собой у них раздор,
И старший младшего по чину
Жестоко треплет за чуприну.
130 Здесь каждый на расправу скор.

Гуляют индюки-испанцы
И португалец — черный крот.
В болоте квакают голландцы,
Не просыхая круглый год.
Стал жеребцом датчанин дюжим,
А турок — мишкой неуклюжим,
Швед — волком, а еврей — хряком.
Швейцарцы ползают червями,
Ширяют финны муравьями.
140 Какая сласть в житье таком?»

Беда казалась неминучей.
Смутился крепко пан Эней,
И все троянцы сбились кучей —
Подумать о судьбе своей.
Давай креститься и молиться,
Чтоб от напасти удалиться,
В другую сторону махнуть.
Молебен грянули Эолу,
Чтоб ветрам он по произволу
150 Наискосок велел подуть.

Эол доволен был молебном
И сразу ветры повернул.
Волом на острове волшебном
Эней не стал — улепетнул.
Уже в руках у всей ватаги
Забулькали бутылки, фляги.
Ни капли не пролив из них,
Горелки досыта хлебнули,
Дружней весельцами гребнули,
160 Рванули, как на почтовых!

Пока, Эолу повинуюсь,
Летел вовсю троянский флот,
Роменским табачком балуюсь,
Анхизов сын глядел вперед.
Он гаркнул: «Братцы, шевелитесь!
На весла шибче навалитесь.
Вон Тибр уже маячит наш!
Ведь эта речка с берегами
Нам предназначена богами!
170 Гребите! — скоро и шабаш».

Гребнули раз, два, три, четыре...
Челнами врезались в песок.
Мотню по ветру растопыря,
На сушу все троянцы скок.
Давай проворно рыть землю,
Как будто место под станицу
Им суд отвел без дальних слов.
Эней вскричал: «Моя здесь воля,
И — сколь окину глазом поля —
180 Везде настрою городов!»

А между тем царем Латином
Был крепок сей латинский край.
Как Каин, тряся над алтыном
Заядлый этот скупердяй,
Чьи подданные — голодранцы —
Носили рваные «голландцы»,
Точь-в-точь как их сквалыжный царь.
На деньги там не козыряли,
А только писанки катали
190 И черствый прятали сухарь.

Богам родня — хоть не из близких —
Был царь Латин, а потому
Занесся и поклонов низких
Не расточал он никому.
Мерика, мать его, исправно
Когда-то навещала Фавна,
Затем Латина родила.
Имел он доченьку-воструху,
Красотку, модницу, моргуху.
200 Одна лишь у царя была.

Залетная такая птичка!
Всего в пропорции у ней:
Осанкой — пава; круглоличка,
Румянец — яблочка красней;
Стройна, дородна и красива,
Добра, спокойна, не спесива,
Гибка, проворна, молода.
Кто на нее хоть ненароком
Посмотрит молодецким оком,
210 Тот сразу влюбится — беда!

Скажу я, не жалея красок,
Девушка — лакомый кусок!
Смачнее греческих колбасок,
Вкусней, чем грушевый квасок.
Взглянул — и в голове забота,
В желудке — резь, в костях — ломота...
Не пожелаешь и врагу!
Остолбенеют ясны очи,
И недоспишь петровской ночи.
220 Я по себе судить могу.

Подбиться к девушке пригожей
Пытались уж не первый год.
С Латином породниться тоже
Соседним хлопцам был расчет:
Заполучить не только дочку —
В придачу к сладкому кусочку
Со временем и царство взять.
Но маменька ее, Амата,
Была причудами богата.
230 Годился ей не всякий зять.

А некий Турн, царек, заметьте,
С Латином по соседству жил.
У дочки с матерью — в предмете,
К тому же и с отцом дружил.
Детина был на редкость бравый,
Высокий, толстый, кучерявый,
Обточенный, как огурец.
И войска он имел немало,
И серебро в мошне бренчало.
240 Куда ни кинь — был молодец.

Пан Турн, однако, подсыпáлся
К Латина дочке всё сильнее.
На каблучки приподнимался
И выправлялся перед ней.
Латин, царевна и Амата
От пана Турна ждали свата.
Уже нашили рушников
И мелочей любого рода
Для свадебного обихода,
250 Как водится спокон веков.

Чего руками не ухватишь,
Того не называй своим.
Кто знает? Может быть, утратишь
И то, что было впрямь твоим.
Не испытывай заранее броду,
Не суйся опрометью в воду,
Иначе насмешишь людей.
А если в сети не заглянешь
И похвалиться рыбкой станешь —
260 Ты, скажут, круглый дуралей!

Все ждали сватов у Латина
Никак не позже четверга.
А тут Анхизов сиротина
Приплелся вдруг на берега,
С собой привел троянцев племя,
Не стал напрасно тратить время,
По-молодецки закрутил:
Горелки, пива, меду, браги
Он выставил своей ватаге
270 И сбор немедля затрубил.

Голодное троянство с ходу
Посыпало на сей кутеж,
И, словно галки в непогоду,
Ужасный подняли галдеж.
Сивушки сгоряча глотнули
По склянице — и не моргнули.
Пустились яства убирать,
А запивали всё ковшами:
Трещало даже за ушами —
280 Так лихо уплетала рать.

Хрен с квасом, редьку и капусту
Шинкованную, огурцы,
Хоть было в пору мясопуста,
Умяли наши удалцы.
Не стало тюри, саламаты,
И пшеник уписали хваты,
До крошки сгрызли сухари,
Убрали дочиста съестное,
До капли выдули хмельное,
290 Как на вечере косари.

Эней Анхизович оставил
Кувшин горелки про запас,
Но, клюкнув, крылышки расправил
И тут, как водится у нас,
Решил последним поделиться,
Чтоб окончательно напиться
Со всей своею голытьбой.
Он из носатого сосуда
Сначала дернул сам нехудо,
800 За ним другие — вперебой.

Бочонки, сулеи, бутылки,
Баклажки, тыквы и жбанки
До дна троянцы осушили,
Посуду истолкли в куски.
Достойно справив новоселье,
Проснулись хмурые с похмеля:
«Узнать бы надо край, где впредь
Велели нам укорениться,
Осесть, построить, жениться,
810 Айда латинцев посмотреть!»

Ходили там иль не ходили,
Но, вскорости придя назад,
Нескладицы нагородили —
Эней и слушать был не рад.
Сказали: «Тут народ лопочет,
На языке чудном стрекочет,
И ничего не разберешь.
Слова свои на «ус» кончает,
По-нашему не понимает.
320 Пропали, дескать, ни за грош!»

Что делать с речью тарабарской?
Эней скорее землякам
Велел за азбукой Пиарской
Толкнуться к тамошним дьякам.
Купил он октоихи, святцы.
«А ну-ка, складывайте, братцы,
Латинское *тму, мну, здо, тло*».
Троянцев засадил за книжки
И муштровал без передышки,
330 Чтоб им ученье впрок пошло.

Эней взялся за дело строго.
Он всех тройчаткой пригонял,
А кто ленился хоть немного,
Тому субботки задавал.
И не прошло еще недели,
Как по-латыни загудели,
Привыкли говорить на «ус»,
Энея звали Энейусом,
Уже не паном — доминусом,
340 Свой род и племя — Троянус.

Эней за то, что так отменно
Смогли латынщину постичь,
Всем нацедил по кружке пенной,
И вновь распили магарыч.
С десятков выбрал бойких, смелых,
В латыни самых наторелых,
Притом разумнейших голов,
И ко двору царя Латина
От своего лица и чина
350 Отправил пан Эней послов:

«Царю, сидящему в столице,
Скажите: шлет Эней поклон
Тебе, а также и царице.
Латинской дружбы ищет он.
Для первого знакомства просит
Принять хлеб-соль и преподносит
Подарки дорогие вам.
Засим, добившись ласки панской,
Эней, сударь и князь троянский,
360 В твой терем явится и сам».

Уж сватовство не за горами,
А тут услышал царь Латин,
Что хлебом-солью и дарами
Почтил его Анхизов сын,
Хотят водиться с ним троянцы
И приплелись от них посланцы.
Латин вскричал: «Откройте двери!
Я хлеба-соли не чужаюсь
И с добрыми людьми братаюсь.
370 Вот на ловца бежит и зверь!»

Амату царь велел покликать
И хату, сени, двор мести.
Повсюду зелени натывать,
Шпалер печатных принести,
Оклеить заново светлицы
По изволению царицы,
И чтоб она дала совет —
Как выскоблить столы скребками,
Как застелить полы коврами,
380 Убранство подобрать под цвет.

Гонца послали к богомазу —
Картин затейных приобрести.
Купили угощенья сразу.
Нашлось, чего попить, поесть.
Рейнвейн, конечно, с кардамоном
И пиво черное с лимоном,
Сивухи чан Латин припас.
Отколь взялись волы, телята,
Бараны, овцы, поросята!
390 Для заговенья в самый раз!

Первейших мастеров творенья
Гонец доставил все сполна:
Богатырей изображенья,
Царя Гороха времена;
От Александра взбучка Пору,
Чье войско задавало деру;
Как старый Муромец гулял,
И как дубиной молодецкой
Илья от рати половецкой
400 Переяславль оборонял.

Бовы с Полканом мировая;
Как Соловей-разбойник жил;
Как Пересвет побил Мамаю;
Как в Польшу Железняк ходил.
Портрет француза был — Картуша.
И Ванька Каин, и Гаркуша...
Залюбовался царь Латин.
Чего там только не купили!
Всплошную стены облепили,
410 И не упомнишь всех картин!

Латин, распорядившись толком,
Хоромы осмотрел подряд,
Прошелся по сеням, светелкам
И подобрал себе наряд:
Накидку из клеенки новой
На пуговке литой свинцовой;
Надел на голову треух,
В коты без голенищ обулся,
Взял рукавицы и надулся,
420 Точь-в-точь как на огне лопух.

Вошел в торжественной одежде
Латин, в кругу своих вельмож.
Они понадувались тоже,
Был каждый на ерша похож.
Царя с почтеньем проводили,
Его на стульчик посадили
И молча стали у дверей.
Царица тут же на скамейке
Уселась в травчатой шубейке,
430 В кораблике из соболей.

Лавися-дочка приделась,
В немецком платье, налегке,
Всё время в зеркальце гляделась,
Вертясь, как муха в кипятке.
От стульчика царя Латина
Была разостлана ряднина
До самых, почитай, ворот.
Стояли удалцы латинцы,
Здесь — конные, там — пехотинцы,
440 Воловье войско и народ.

Ввели послов — нельзя пышнее,
Придворный соблюдая чин.
Несли они дары Энея:
Пирог без малого с аршин
(На радость царскому желудку),
Соль крымскую и соль-бахмутку,
Лохмотьев чуть не целый воз.
К Латину подступили близко
И трижды поклонились низко.
450 Рацею старший произнес:

«Энеус, ностер магнус панус
И славный Троянорум князь,
Шнырял по морю, как цыганус,
Ад те, — о рекс! — прислал нунк нас.
Рогамус, доминe Латине!
Спаси наш капут и отныне
Пермитте жить в твоём краю,
Хоть за пекунии, хоть гратис.
Уж мы, поверь, оценим сатис
460 Бенефицицию твою.

О рекс! Будь нашим меценатом
И ласкам туам окажи.
Энеусу названым братом
Стань, оптиме! Не откажи!
Энеус, принцепс наш удалый,
Формозус и проворный малый,
Инномине увидишь сам!
А прежде чем распить по чарке,
Вели акципере подарки,
470 От сердца присланные вам.

Вот коврик-самолет чудесный.
Его топтал еще царь Хмель.
Взовьется он под свод небесный,
Умчит за тридевять земель.
Тебе скажу я без утайки:
Годится он для таратайки,
И лавку можно покрывать.
Царевне он придется кстати:
Расстелет около кровати,
480 Как будешь замуж отдавать.

Вот эту скатерть-самобранку
Давно из Липска привезли.
Захочешь кушать — спозаранку,
Днем, ночью — скатерть расстели
И загадай. Невесть откуда
Появится любое блюдо,
К нему в придачу хлеб и соль,
Медок, пивцо, винцо, горелка,
Рушник, нож, ложка и тарелка.
490 Царице поднести дозволю!

А вот сапожки-самоходы
(Их, видишь ли, носил Адам),
Козловые, давнишней моды,
Не знаю, как попали к нам.
Их завезли, кажись, пендосы,
Когда мы удирали босы,
А во главе — Эней-сударь.
Диковинную вещь такую
Тебе с поклоном презентую —
500 Носи, мол, на здоровье, царь!»

Латин, Амата и царевна
Глазами друг на дружку хлоп.
Едва не кончилось плачевно:
К себе подарки всякий греб.
Насилу удалось без драки
Принять расположения знаки,
И молвил царь Латин послам:
«Энею передайте, братцы:
Моя семья и домочадцы
510 Не описать как рады вам!

И всё мое владенье радо,
Что вас господь привел сюда.
Мне ваша нравится громада!
Не отпущу вас никуда.
Поклон Энею, а дотоле
Прошу отведать хлеба-соли,
Куском последним поделюсь.
Лавися, дочь моя, — хозяйка,
Шить, прясть умеет, не лентяйка...
520 Возможно, с вами породнюсь».

Царя Латина хлебосольство
Пришлось троянцам по нутру.
Хлестало пенную посольство;
Все ели бублики, икру;
Была похлебка с потрохами,
К борщу — грудинка с бураками,
Затем с подливой каплуны;
На перемену — лещевина,
За нею — с чесноком свинина,
530 Кисель, что кушают паны.

Заморских вин запас немалый
Троянцы выдули в обед.
Но слюнки потекут, пожалуй!
Расписывать охоты нет.
Кизиловую и дулёвку,
Вернее, крымскую айвовку,
Там распивали, что квасок.
На «виват» из мортир стреляли,
Туш громко трубачи играли,
540 А дьякон многолетье рек.

Расщедрился на этот случай
Латин, Энею отрядив
Лубенский каравай пахучий,
Корыто опошнянских слив,
Сивухи бочку из Будянки,
Бычков и телок из Липянки,
Сто решетиловских овец,
Орехов киевских каленых,
Полтавских коржиков печеных,
550 Яиц гусиных, наконец.

Латин связался, сталкивался
С Энеем, нашим удальцом.
Эней и зятем назывался, —
Но дело славится концом!
Пошли забавы и потехи.
Сынок Анхизов без помехи
Успел на радостях гульнуть,
Хотя по-прежнему Юнона
За ним следила неуклонно,
560 Не позволяя увильнуть.

Ирися — торопыга, врунья,
Богов заядлый вестовой,
Заноза, тарантá, крикунья —
Спешила долг исполнить свой:
Юноне натрещать скорее,
Как чествует латынь Энея,
Как попросту и без затей
Он тестем, вишь, зовет Латина,
А царь Энея счел за сына,
570 И с дочкой снюхался Эней.

«Эге! — Юнона закричала. —
Скверनावец далеко зашел!
Не осадила я нахала,
Уж он и ноги класть на стол.
Ну, проучу я фордыбаку!
И перцу дам ему, и маку.
По-свойски с ним поговорю.
Стравлю латинцев и троянцев,
Вмешаю Турновых поганцев.
580 Я киселя им наварю!»

И — эстафетою к Плутону
За подписью своей приказ:
Чтоб фурию, мол, Тезифону
Послал к Юноне сей же час.
Чтоб ни в берлине, ни в дормезе,
Чтоб ни в рыдване, ни в портшезе,
А духом — на перекладных.
Чтоб не было в пути препоны,
Немедля заплатить прогоны —
590 И отговорок никаких!

Из пекла Тезифона бурей
Примчалась, подняла содом.
Ехиднейшей из ведьм и фурий
Ее считали поделом.
Вошла с ужасным стуком, криком,
Со свистом, ревом, треском, зыком.
Тут гайдуки шагнули к ней
И повели под ручки в терем,
Хотя она смотрела зверем
600 И сатаны была страшней.

«Ко мне, голубка Тезифона!
Здорово, дитятко мое! —
Смеясь от радости, Юнона
Бежит расцеловать ее. —
Душа моя, как поживаешь?
Троянского ублюдка знаешь?
Ему в Латыни — Карфаген!
Небось и дочку и мамашу
Расхлебывать заставит кашу,
610 И в дурни выйдет старый хрен!

Мне злоба, видишь ли, несродна.
Людей губить я не люблю.
Но так, поверь, богам угодно,
И я Энея погублю.
Из свадьбы сделай панихиду,
Латинцам нанеси обиду
И пир похмелем оберни!
Энея, дьяволова сына,
Царицу, Турна и Латина
620 Ты хорошенько припугни!»

«Я милости твоей подвластна,
Безропотно тебе служу, —
Взревела ведьма громогласно, —
Троянцев заживо сгложу.
Свяжу я Турна и Амату,
В ущерб Энею-супостату
Вобью Латину в темя блажь
И заведу такую склоку,
Что в сватовстве не будет проку.
630 Всех растерзаю — и шабаш!»

Клубком прикинувшись, к Амате
Шмыгнула в горницу, когда
Уж дело было на закате,
Домой шли с пастбища стада.
Амата сумрачно вздыхала
И, вся в слезах, перо щипала.
Зятьком желанным Турн ей был!
Кляла Лавинии родины,
Соседей, кумовьев, крестины.
640 Да кто ж полезет на копыл?

К Амате под подол сорочки
Гадюкой ведьма заползла,
В укромном сердца уголке
Она приют себе нашла
И, как бобов, наклала злобы
На дно царицыной утробы.
Амата лаялась, дралась,
Сулила сто чертей Латину
И всех таскала за чуприну,
650 Как будто с цепи сорвалась.

Еще украдкой навестила
Князька рутульского яга
И на Энея напустила
Тем самым лишнего врага.
Уклад военный соблюдая,
Напился Турн с горелкой чая
И пьяный завалился спать.
Но тут прокралась ведьма в шелку,
Чтоб наважденье втихомолку
660 На Турна сонного наслать.

Попритчилось ему, помстилось,
Что, вишь, Анхизово дитя
С Лависей в разговор пустилось
И женихалось не шутя.
С Лависей вроде обнимался,
До пазухи ее добрался
И вроде перстень взял у ней.
Лавися вроде отбивалась,
А после уж не вырывалась,
670 И вроде ей сказал Эней:

«Лавися, милое создание,
Ты знаешь, как тебя люблю.
Что толку в нашем жениханье?
Тебя навек я погублю.
От пана Турна ждешь ты свата,
С ним спелась, видишь ли, Амата,
Да и тебе он по нутру.
Скажи, кого предпочитаешь?
Кого, признайся, выбираешь?
680 Я с горя, так и быть, помру!»

«Живи, живи, Энейчик милый,
Очей моих желанный свет!
На что мне сдался Турн постылый? —
Царевна молвила в ответ. —
Скорее пентюх околеет,
Чем он Лависей овладеет!
В тебе — блаженство, жизнь моя!
Когда тебя не вижу — плачу,
Часы и дни впустую трачу.
690 Ты — мой владыка, я — твоя!»

Вскочив как встрепанный с постели,
Пан Турн как вкопанный торчал,
От злости трясся и, с похмелья,
Где сон, где явь, не различал:
«Кого? — меня! И кто? — троянец!
Бродяга, беглый, голодранец!
Надуть? Лавинию отнять?
Мне впору смазывать колеса,
Не будь я князь, будь я без носа,
700 Коли Эней Латину зять!»

Лавися — кус не для злодея
И проходимца, как Эней!
Голубка сизая, скорее
Погибнешь от руки моей!
Я вверх ногами всех поставлю,
Не пощажу, к чертям отправлю,
Эней узнает, как я зол!
Прижму и своего соседа,
Безмозглого Латина-деда,
710 Амату посажу на кол!»

Вскипев, на поединок вызов
Черкнул тотчас Энею сам:
Не хочет ли сынок Анхизов
От князя Турна — по усам?
Дубьем ли биться, кулаками
Пощекотать ли под боками —
Но победить иль умереть!
Пихнул он также драгомана
В шатер латинского султана —
720 Ему мордасы утереть.

Зловредной фурии по нраву,
Что дело обернулось так.
Людское горе ей в забаву,
Затеять любо кавардак.
Она с коварством сатанинским
Спешит к нахлебникам латинским,
Троян ей надобно допечь.
А те задумали с налету
Скакать на заячью охоту,
730 Чтоб своего князька развлечь.

Но «горе грешникови сушу, —
Так киевский скубент изрек, —
Благих дел вовся не имушу!».
Нам божьи судьбы невдомек:
Где сам не чаял — там застрянешь,
Где дал бы драла — мешкать станешь.
Что делать? Жребий наш таков.
Читатель, ты узнаешь дале
О том, как сильно пострадали
740 Троянцы из-за пустяков.

Вблизи троянского кочевья
Стоял невзрачный хуторок:
Строенье ветхое, деревья,
С плотиной пруд, мостки, лужок,
За хатой маленькая банька.
Владела всем Аматы нянька.
Была девицей иль вдовой —
Не знаю, но слыла ворчливой,
Скупой, злой, ябедой, сварливой.
750 Двору платила чинш большой:

Колбас десятка три — Латину,
Лавинии к Петру — коржей,
В семь дней Амате по алтыну,
Три фунта воску для свечей,
Две сотни фпгилей давала,
И кисеи на покрывало,
И пряжи три мотка в платеж.
Латин на няньке наживался,
Зато за няньку заступался.
760 За няньку был готов на нож!

Жил беленький у няньки песик,
Свою хозяйку забавлял.
Не то чтоб из дворян, — из мосек!
Носил поноску, танцевал
И госпоже своей от скуки
Лизал частенько ноги, руки.
Царице он казался мил.
Смеясь и веселясь душевно,
Играла с мопсиком царевна,
770 А царь всегда его кормил.

В рога троянцы затрубили
И на прогалину скорей
Со своры гончих псов спустили.
Защелкали бичи псарей.
Ревя, повизгивая, лая,
Неслась неистовая стая.
Тут мопсик выскочил за дверь,
На голос гончих отозвался,
Чихнул, завыл и к ним помчался.
780 Стремянный думал — это зверь.

Спустив борзых, собакам гикнул:
«Ату его!» — что было сил,
А мопсик наш к земле прикинул,
Дрожа, дыханье затаил.
К нему борзые подоспели,
Рванули мопсика и — съели.
Остались от него клочки.
У няньки — посудите сами —
Глазищи вспучились шарами
790 И с носа съехали очки.

Сперва остервенилась бурно,
Осатанела и орет.
Затем хрычовке стало дурно,
Ее прошиб холодный пот.
Ну биться, ну трястись в припадке,
В истерике и в лихорадке.
Совали под нос ей камедь,
Салфеткой пуп ей согревали,
Ромашковый клистир вливали,
800 Не допустили помереть.

Как только память к ней вернулась —
Давай весь мир костить и клясть.
И сразу челядь к ней метнулась —
Ее ругни послушать всласть.
Схватила нянька головешку —
Троянцам сунуть под застрешку! —
И дернула через бурьян —
Сжечь курени, убить Энея,
Головореза, лиходея,
810 И всех троянских басурман.

За нею повалила челядь.
Кухарка — сковородник хватить!
Лакей тарелками стал целить,
А прачка рубелем махать.
С цепом гуменщик лезет в драку,
За ним коровница в атаку
Бежит, подойник прихватив.
А косари с гребцами смело
Пустили косы, грабли в дело,
820 И каждый был в бою ретив.

Но у троянского народу
За грош алтына не проси.
Не трожь Энееву породу,
А тронул — ноги уноси!
Упорного троянцы нрава,
Их разве устрасит расправа?
Они любому нос утрут.
И, с нянькиным схватившись войском,
Они в сражении геройском
830 Его к стене приперли тут.

Но в самое лихое время,
Пока лилась их кровь, пока
Троянцев и латинцев племя
Врагов пихало под бока,
Примчался скороход к Латину
С письмом, завернутым в холстину.
Весть о войне принес гонец:
Не в пир царя зовет, напиться,
А в поле выкликает биться
840 Князь Турн, великий удалец.

«Латин, ты поступаешь дурно!
Не сам ли слово мне давал?
Теперь навеки дружбу с Турном
Ты столь бесчестно разорвал!
Ты слово царское ломаешь,
Кусок у Турна отнимаешь,
Суешь его Энею в рот.
Со мной побьешься на кулачках,
Домой вернешься на карачках,
850 Иль вовсе лунь тебя сожрет!»

Не так вспылит помещик чванный,
Когда пан возный иск вчинит;
Поживы не найдя желанной,
Голодный вор не так сердит, —
Как наш Латин тут распалился;
Так на гонца он рассердился,
Что губы искусал со зла,
Великой яростью пылая
И гнев свой царственный желая
860 Излить на Турнова посла.

В окошко глянув ненароком,
Латин пришел в великий страх:
Шумел народ пред царским оком
На улицах и площадях,
Толпа латинцев так и перла,
Швыряли шапки, драли горло
И лезли с криками вперед:
«Война! Война против троянцев!
Мы всех Энеевых поганцев
870 Побьем, искореним их род!»

Царю чужда была отвага.
Рубиться не любил он — страсть!
От слова «смерть» Латин, бедняга,
Готов был замертво упасть.
Имел он стычки лишь в кровати,
Когда не угождал Амате.
В ту пору он уже был сед,
Держался тихо и несмело,
В чужое не мешался дело,
880 Как всякий дряхлый старый дед.

Латин ни сердцем, ни душою
Не пожелал войны никак.
Запасшись мудростью большою,
Чтоб не попасть ему впросак,
Созвал к себе панов вельможных,
Чиновных, старых, осторожных,
Чье слово часто слушал сам.
Уславши с глаз долой Амату,
Их всех завел к себе в палату
890 И речь сказал он старшинам:

«С угару вы или с похмелья?
Вас черт ли за душу щипнул?
Иль напились дурного зелья?
Иль ум за разум завернул?
Кто вбил в башки вам дурь такую?
Я лить не стану кровь людскую.
Когда я тешился войной?
Разбойник ли с большой дороги
Иль хищник я четвероногий?
900 Мне ненавистен всякий бой!

Вдобавок был бы я глупёнек,
Когда бы воевать полез
Без войска, без харчей, без денег.
Мозги вам затуманил бес!
Кто будет наш провиантмейстер,
Кому доверю я казну?
Никто из вас не хочет биться,
Все только думают нажиться,
910 Как следует набить мошну.

И царское скажу я слово:
Коли зудят у вас бока,
Иль ребра, иль спина — чужого
Зачем просить вам кулака?
Я крепко почешу вам спину
И, если надобно, дубину
Готов на ребрах сокрушить.
Я послужить вам рад кнутами,
И розгами, и батогами,
820 Чтоб жар военный потушить!

Бросайте глупое гусарство
И расходитесь по домам,
Паны, вельможное боярство!
А про войну — приказ мой вам! —
Оставьте помыслы и речи.
Толкуйте, не слезая с печи,
Чего бы, мол, поесть, попить...
Кто о войне проговорится,
Кому во сне она приснится,
830 Того пошлю куниц ловить!»

Сказав сие, махнул рукою,
Напыжась грозно, вышел вон
Надменной поступью такою,
Что всякий был ошеломлен.
Остались в дураках вельможи,
У них повытянулись рожи,
Никто и жизни был не рад.
Рысцою в ратушу бедняги
Метнулись после передряги,
840 Когда уж наступил закат.

Совет они держали долгий,
До хрипоты кричали тут;
Шли про царя Латина толки, —
Что, дескать, на него плюют,
Его угроз ни в грош не ставят
И всё равно войну объявят,
Что рекрут набирать пора.
При этом из казны Латина
Просить не станут ни алтына,
850 А только у бояр. Ура!

Итак, латынь зашевелилась,
Троян задумала побить.
Откуда ухарство явилось,
Отколь взялась такая прыть?
Царя ослушалось боярство,
Вельможи взбунтовали царство.
Вельможи! Лихо будет вам.
Пропали головы и души!
Обрежут всем носы и уши
960 И предадут вас палачам.

О муза, — панночке парнасской
Твержу, — спустись ко мне на час!
Утешь меня своею лаской
И опиши не без прикрас
Латынь в разгар военных сборов:
И рекрутов, и волонтеров,
Порядок войсковой и лад,
Оружие, мундиры, сбрую.
Мне сказку Расскажи такую,
970 Где слово каждое впадет.

Бояре на листе бумаги
Черкнули живо манифест,
Чтоб войско собралось под стяги
Из разных округов и мест;
Чтоб головы при этом брили,
Но чтоб у всех чуприны были
И чтоб торчал с пол-локтя ус;
Чтоб котелок иметь и ложку,
Пшена, мучицы понемножку,
980 Да сухари, да сала кус.

На сотни, на полки разбили
Всё войско; для таких причин
Пернач полковникам вручили,
А сотникам — патент на чин.
По городам полки назвали;
По шапкам их распознавали.
В ранжир построили вояк,
Одели в синие жупаны
И белые полукафтаны —
990 Чтоб был казак, а не вахлак.

Определили на квартиры,
По сотням расписали рать
И, нарядив людей в мундиры,
Пошли присягу принимать.
Верхами сотники финтили,
Свой ус хорунжие крутили,
И нюхал есаул табак.
От новых шапок и жупанов
Спесь раздувала атаманов
1000 И всех урядников, служак.

У нас в гетманщине, бывало,
Свои обычаи велись.
Равнясь, войско застывало
Без всяких «стой, не шевелись!».
Казацкий полк любой заправский —
Лубенский, Гадячский, Полтавский —
Все в шапках, словно мак, цветут.
Нагрянут с копьями стальными,
Ударят сотнями лихими —
1010 И подчистую всё метут.

Здесь были также горлодеры,
Головорезы, храбрецы, —
Не рекруты, а волонтеры,
Как запорожцы-удальцы.
Конечно, регулярно ратью
Не назовешь такую братью,
Зато сердиты воевать:
Украдут и живьем облупят,
Пред сотней пушек не отступят,
1020 Коль «языка» велишь достать.

На склад приволокли подарки
Латинцы для своих дружин:
Мушкетеры, пики, янычарки,
Винтовки, ружья без пружин;
Горой лежали самопалы,
В углу — фузей запас немалый,
Пищалей и пороховниц.
Там были страшные мортиры:
Тряслись от выстрелов квартиры,
1030 И пушкари валились ниц.

Из ульев, буков и кадушек
Спешили пушки сколотить,
А причиндалы к ним — из вьюшек,
Сновалок, донцев смастерить.
Нужде не писаны законы:
И водовозки, и фургоны,
Колеса, грабли, помело,
Песты, мочальные мазилки
И погребальные носилки —
1040 В приказ пушкарский всё пошло!

Хоть рады были, хоть не рады,
А про военный обиход
Пришлось готовить впрок снаряды, —
Так много, просто дрожь берет!
Из глины ядер налепили,
Для пуль — галушек засушили,
Солили сливы — на картечь.
В щиты корыта превращали,
Из бочек днища вышибали,
1050 Прилаживали их у плеч.

Беда без палашей и сабелы!
Ведь у латинцев Тулы нет.
Ну что ж! Убит не саблей Авель, —
Дубиной, слышь, он был огрет.
Решили все из деревяшек
Понастрогать казацких шашек,
А вместо ранцев, так и быть,
Лукошки, кузовки, плетенки,
С какими ходят по опенки,
1060 Для новобранцев раздобыть.

Всю амуницию пригнали;
На сало били кабанов.
Сушили сухари, вжимали
Везде подымщину с дворов.
И расписали напоследок,
Кто — выборный, кто — подсоседок,
Кто — конный, пеший, кто — с тяглом,
Кто — за себя, кто — на подставу,
В какое войско, сотню, лаву.
1070 Порядок навели кругом.

Здесь муштровали рать помногу:
Метать учили артикул,
Выкидывать красиво ногу,
Мушкеты брать на караул.
Была у всех одна забота:
Шагает левою пехота,
А клячи — правой марш вперед!
За регулярность у боярства
Сходило ратное фиглярство.
1080 Грозились на троянский сброд!

На страх Энею ополчение
В латинском царстве поднялось.
Повсюду началось ученье.
Хлебнуть солдатчины пришлось.
На прутьях девки гарцевали,
Хлыстами хлопцев муштровали,
Меж тем как старые хрычи,
Баталии примерной ради,
Своих старух держа в осаде,
1090 Их штурмовали на печи.

К войне рвались латинцы смело.
Не столько требовала честь,
Как придурь в головах засела
И надо было в драку лезть.
Три дня подряд свои пожитки
В горячке до последней нитки
Спешили жертвовать на рать.
Отчизне в помощь отовсюду
Тащили хлеб, казну, посуду.
1100 Уж было некуда девать!

Старалась о войне Амата
И хлопотала, как могла.
Казалась ей постылой хата,
На улице она жила.
А женщины с Аматою спелись
И, словно белены объелись,
Всех подстрекали воевать,
Водили с Турном шуры-муры
И зареклись, хоть вон из шкуры,
1110 Энею девки не отдать!

Коль женщины не впору встрянут —
Сперва захнычут невзначай,
Затем соваться всюду станут, —
Советчицам лишь волю дай!
Тогда забудешь о порядке,
Пойдет всё к черту без оглядки.
О женщины! Не утаю,
Что, если б вы побольше ели
И меньше тарантить умели,
1120 За это были бы в раю.

Пока, беснуясь, Турн посланцев
В соседние державы шлет,
На сукиных сынов троянцев
Искать управы всех зовет.
Пока Латин от потасовки
Скрывается в своей кладовке
И ждет, когда беде конец,
Пока Юнона всюду вьется,
Пока богине сбить нейдется
1130 С Энея свадебный венец, —

Гудит сигнал тревоги ратной,
Скликаая на войну латынь.
Бьет злоба в колокол набатный.
Сумятица, куда ни кинь,
Шум, гомон, крики, звон клепала;
Уже война, подняв забрало,
В кровавых ризах тут как тут.
За ней — раненья, смерть, увечье;
Безбожность и бесчеловечье
1140 Подол плаща ее несут.

В земле латинской синагога
Стояла с дедовских времен
Для Януса, лихого бога,
И был о двух обличьях он.
Пригожи с виду или хари
Для устрашенья смертной твари —
Про то молчит Вергилий сам.
Известно, впрочем, по преданью,
Что мир в стране сменялся бранью,
1150 Как только отмыкали храм.

По звону люди всколыхнулись,
К войне у всех припала страсть.
Ворота храма распахнулись,
И Янус, как разбойник, шасть!
В сердцах латинских бедокура,
Военная выиграла буря,
И каждый ухарством объят.
«Войны, войны!» — кричат, желают,
Гееннским пламенем пылают,
1160 Стремятся в битву стар и млад.

Однако для такой затеи —
Где должностной народ? Где власть?
Нужны же войску грамотей
И мастера на счетах класть!
Замечу кстати, не речами
Питают войско, а харчами,
И воин без вина — хомяк.
А без прелестницы-злодейки,
Без битой меченой копейки
1170 Нам воевать нельзя никак.

Златые были дни Астрей,
И славный был тогда народ;
Менялу брали в казначей,
А фигляры писали счет;
Раздатчик порций был аптекарь;
Картежник был усердный пекарь,
Гевальдигером был шинкарь,
Слепорожденный был вожатый,
Косноязычный был глашатай,
1180 Шпион — из церкви пономарь.

Возможно ль описать словами
Латинцев ошалелый вид?
Они уж признавали сами,
Что в головах у них гудит.
От спешки впрямь оторопели,
Метались, как в котле кипели,
Всё делали наоборот:
Что строить нужно, то ломали,
Что кинуть — с полу поднимали,
1190 Что класть в карман — то клали в рот.

Теперь мы знаем, как латинцы
Поход готовят на троян,
Какие припасли гостинцы
Энею нашему в изъян.
Еще проведать бы недурно,
Какой ждать каверзы от Турна?
Он — хват, сам черт ему не брат!
Уж коли пьет — не проливает,
Уж коли бьет — так попадает.
1200 Людей, как мух, давить он рад.

Турн витязь был не из последних.
И, трубки раскурив, тотчас
Все корольки земель соседних,
Считая просьбу за приказ,
Пошли в поход со всем народом,
И с потрохами, и с приплодом,
Чтоб Турну-удальцу помочь:
Энею помешать жениться,
Не дать в Латии поселиться,
1210 К чертям прогнать энейцев прочь!

Не туча солнце заслонила,
Не буйный вихрь кружил, пыля,
Не стая галок чернокрыла
Слеталась нынче на поля.
По всем шляхам, гремя булатом,
Шла рать навстречу супостатам,
К Ардее-городу спеша.
Казалось, пыль до неба вьется,
Сама земля, казалось, гнется.
1220 Эней! Прощай твоя душа!

Мезентий впереди Тирренский,
И воинства за ним стена.
Точь-в-точь полковник так Лубенский
Свой полк в былые времена
Вел к земляным валам Полтавы
(Где шведы полегли без славы) —
Полтаву-матушку спасать.
И шведов-чудищ нет в помине,
И вал исчез, — осталось ныне
1230 Одни бульвары нам топтать.

Затем на битюгах тащился
Авентий-попадъич, байстрюк,
И с челядью он обходился,
Как с прихлебалами барчук.
Знакомому был пану внучек,
Господских кобельков и сучек
И лошаков менять умел.
Разбойник от рожденья — бучу
Любил поднять, валил всех в кучу
1240 И чертом, бирюком глядел.

А дальше конница стремилась,
Испытанное войско шло:
Там атаман был Покотиллос,
А есаул — Караспуло,
Лихие греческие части!
Они везли с собою сласти —
Пирожные, кебаб-калос,
А также мыло, рис, оливы —
Всё, чем богат их край счастливый:
1250 Морейя, Дельта, Кефалос.

Сынок Вулканов, из Пренесте
Цекул в Латию с войском шел.
Не так ли с Сагайдачным вместе
Казаков Дорошенко вел?
Он с бунчуком скакал пред ратью,
А друг его хмельную братью
Донской нагайкой подгонял.
Рядочком ехали-пылили
И смачно трубками дымили,
1260 А кое-кто в седле дремал.

Нептунов сын, буян, вояка,
Мезап за ними следом брел.
В бою был сущая собака
И лбом бодался, как козел.
Боец, горлан и забияка,
Стрелок, кулачник и рубака,
И дюжий из него казак.
В виски кому-нибудь вопьется —
Тот насухо не отдерется.
1270 Точь-в-точь как ляхам — Железняк!

Другой дорогою — обходной —
Агамемноненко Галес
Стремглав, как пес к воде холодной,
Летит врагу наперерез.
Галес орду велику, многу
Ведет рутульцу на подмогу.
Тут люди всяких языков:
Аврунцы есть и сидицяне,
Калесцы и ситикуляне
1280 И пропасть разных казаков.

Сыночек панский, богоданный
Тезеевич пан Ипполит,
В Ардею прется, дьявол чванный,
И воинство за ним валит.
Барчук упитанный, смазливый,
Чернявый был, сладкоречивый,
И мачеху он искусил;
Держал богинь лишь на закуску,
А смертным не давал он спуску,
1290 Брал часто там, где не просил.

Ей-ей, и сосчитать не сможешь
Народов тех; что здесь толклись.
И на бумагу не положишь, —
Откуда все они взялись?
Не нам чета, в другое время
Вергилий жил, а тоже темя
Чесал он, видно, в свой черед.
Рутульцы были тут, сиканцы,
Аргавцы, лабики, сакранцы
1300 И те, что черт их разберет!

Еще наездница скакала
И войско грозное вела.
Людей пугала и брыкала
И всё, как помелом, мела.
Девушка та звалась Камиллой
И от пуга была кобылой,
Имела всю кобылью стать:
Ноги четыре, хвост с прикладом,
Хвостом хлестала, била задом,
1310 Умела говорить и ржать.

Вы слыхивали о Полкане?
Она была его сестра.
Слонялись долго по Кубани,
А род вели из-за Днестра.
Сама Камилла, царь-девица,
Вонительница, чаровница,
Была проворна на скаку,
Из лука метко в цель стреляла
И крови пролила немало,
1320 Должно быть, на своем веку.

Такое сборище грозилось
Энея распатронить в пух;
Когда Юнона обозлилась —
Уж затаить придется дух!
Жаль, жаль Энея нам, однако!
Неужто Зевс его, как рака,
На мель позволит посадить?
Иль избежит он сей напасти?
Увидим это в пятой части,
1330 Коли удастся смастерить.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Беда не по деревьям ходит.
Ее отведает любой.
Беда беду с собой приводит.
Она — устав судьбы людской.
Эней в беде — как птичка в клетке;
Запутался, как рыбка в сетке,
Теряясь в мыслях, молодец.
Как будто целый свет сплотился,
На горемыку напустился,
10 Чтоб сокрушить его вконец.

Неслась война зловещей тучей
На стан троянцев, и Эней
Грозы страшился неминучей,
Свою погибель видя в ней.
И как волна волну сменяла,
Так дума думу прогоняла.

Он духом был изнеможен,
Его надежды были бренны,
И, опасаясь перемены,
20 К Олимпу обращался он.

Спала беспечным сном ватага,
Эней лишь потерял покой.
Всё думал о войне бедняга,
Бродя по берегу с тоской.
Сердешный обессилел с горя,
Улегся на песке у моря,
Но долго не смыкал он глаз.
И впрямь, легко ли сном забыться,
Когда теснит судьбы десница,
30 Когда фортуна против нас?

О сон, мы у тебя во власти.
Усталым придаешь ты сил,
Ты прогоняешь прочь напасти,
Нам без тебя и свет не мил.
Приносишь слабым подкрепленье,
В тюрьме невинным утешенье,
Злодеев муками страшишь.
Влюбленныхводишь ночью поздней,
К добру приводишь злые козни.
40 Тот жалок, от кого бежишь!

Энея мысли одолели,
Но сон таки свое берет!
Когда иссякнут силы в теле,
В нем непременно дух замрет.
Энею снится старичище:
В колтун свалялись волосища,
Обшито тело тростником.
Седой, взлохмаченный, кудлатый,
С косматой бородой, горбатый,
50 Он подпирался посошком.

«Не ужасайся, сын Венеры, —
Промолвил камышовый дед. —
Не огорчайся свыше меры!
Ты натерпелся горших бед.
Войны не бойся, жди подмоги:
С тобою — олимпийцы-боги.

Они опасность отвратят.
Моим словам поверку сделай:
Ищи свиньи под дубом белой,
60 С ней — тридцать белых поросят.

Промчится тридцать лет отныне,
И заведешь с Юноной лад.
На месте, где ютятся свиньи,
Иул построят Альбу-град.
Но ты и сам не просчитайся!
С аркадянами побратайся!
У них с латинцами вражда.
На помощь призовешь аркадян —
И Турн пропал, будь он неладен!
70 Всё войско перебьешь тогда.

Настало время пробужденья.
Вставай с молитвой и не трусь!
Меня ты знаешь, без сомненья:
Я Тибром издавна зовусь.
Я водами от века правлю.
Тебя в несчастье не оставлю!
Я не упырь, не черный дух.
Здесь будет град над городами!
Так предначертано богами!» —
80 Промолвил дед и в реку — плюх!

Эней проснулся, встрепенулся.
Он после ночи стал бодрей.
Водою тибрской всполоснулся,
Прочел молитву поскорей.
«Челны, — сказал он, — снаряжайте
И сухарями нагружайте!»
К подножью дуба бросил взгляд,
И дрожь по телу пробежала:
Там белая свинья лежала,
90 С ней — тридцать белых поросят!

Их заколоть велел он: свиньи
Пойдут Юноне на обед,
И, жертву принеся богине,
Эней избавится от бед.
На два челна троянство село.

Пустились вниз по Тибру смело
К Эвандру — помощи просить.
Леса, луга, пески и воды
Дивились: что за мореходы?
100 Отколь у них такая прыть?

Как долго плыл Эней — не знаю,
Однако в праздник наш герой
К желанному причалил краю.
Шел у Эвандра пир горой.
В ту пору, будучи под мухой,
Трудился царь над варенухой,
И хмель бродил уж в головах.
Все были в опьянение сладком,
Но перетрусили порядком,
110 Троян увидя на челнах.

«По воле или по неволе?
Из горных или дольных стран?
Вы — с миром или биться в поле?» —
Аркадский крикнул им горлан.
«Троянец я, Эней отважный,
Как вы — латинцам враг присяжный, —
С челна последовал ответ. —
С дружиной издалёка еду
К царю Эвандру на беседу.
120 О нем наслышан целый свет».

Паллант, Эвандра сын красивый,
Навстречу гостю поспешал;
Поклон отвесивши учтивый,
К отцу радушно приглашал.
Смышлен царевич был аркадский.
Эней Палланта обнял братски,
С ним общий отыскал язык.
Эвандра увидав с попами,
Со старшиною и панами,
130 Троянец брякнул напрямик:

«Мол, так и так, — ты справедливый,
Достойный царь, хотя и грек!
Тебе я друг, пока мы живы,
Латинцам недруг я навек.

Просить хочу твою особу,
Не дашь ли войска мне в подсобу,
Чтоб нашим насолить врагам?
Я, кошевой Эней Троянец,
Как бесприютный оборванец,
140 По всем скитаюсь берегам.

К тебе пришел не без отваги:
Не знал, какой найду привет?
Отведаю медку иль браги?
Брататься будем или нет?
Я руку дам тебе в задаток.
Она, поверь, не трусит схваток
И злейших не щадит врагов.
Со мной геройская дружина.
Ей довелось терпеть безвинно
150 Людские козни, месть богов.

Меня ужасно допекает
Рутульский Турн, собачий сын:
Латина к битве подстрекает,
Грозит сожрать меня, как блин.
Я затяну очкур на шее
Иль-утоплюсь в пруду скорее,
Чем пану Турну покорюсь.
Не у него в горсти фортуна!
Еще в кулак зажму я Турна!
160 Дай рать — с постылым поборюсь!»

Эвандр Энею молчаливо
Внимал и ус крутил, добряк.
С усмешкой, поглядев пытливо,
Троянцу отвечал он так:
«Эней Анхизович, присядьте!
Здоровья попусту не тратьте.
Господь наш милостью богат!
Вам войско снаряжу в подмогу,
Дам провианту на дорогу,
170 Отсыплю и мешок деньжат!

Не погнушайтесь хлебом-солью,
Галушки кушайте, борщок!
Не церемоньтесь, ешьте вволю
И — на подушки, на бочок.

За мной не будет остановки:
Мы на заре, без жеребьевки,
Полки сколотим — и в поход!
Даю — на дружеской основе,
Не ставя никаких условий,
180 Люблю я крепко ваш народ!»

Уж для голодного троянства
На всех столах стояла снедь.
Иные поостыли яства,
Пришлось их снова разогреть.
Рассольник подали с гренками,
Рубцы, похлебку с потрохами,
И куры с фаршем были тут,
Еще язык лежал говяжий;
Столешницы ломились даже
190 От изобилья вкусных блюд.

Где смачно естся, там и пьется —
Так слышал я от земляков.
В утробе уголок найдется
Всегда для лакомых кусков.
Эней со свитой не дремали,
Во здравье чары поднимали,
А также и за упокой.
Все гости выпили чин чином
За процветанье батьки с сыном,
200 «Ура» крича наперебой.

Троянцы спяну разбрехались
И, небывальщину плетя,
С аркадянками женихались,
Кто — так, а кто и не шутя.
Эвандр ударился в рассказы
Про Геркулесовы проказы:
Как злого Кака он убил,
Какие Как чинил всем беды
И, в честь Геракловой победы,
210 Какой устроен праздник был.

Все крепко залили за ворот,
Едва держались на ногах.
Эней побрел с Эвандром в город,
Дорогу щупая впотьмах.

Он спать остался на ступеньках,
А царь пополз на четвереньках
И в хате под прилавком лег.
Там было старику вольготно.
Он в бурку завернулся плотно
220 И захрапел, как только мог.

Окутал сумрак пеленою
Равно и трезвых и хмельных.
Троянцы спали с перепоею,
Забыв о горестях своих.
Венера, соскочив с полатей,
Простоволосая, в халате,
К Вулкану кралась босиком,
Как будто с ним и не венчалась,
А скрытно по ночам встречалась
230 И в кузню бегала тайком.

На то и женская уловка,
Чтоб нас новинкой приманить:
Куда как хороша плутовка,
А ей охота — краше быть!
Венера устремилась к мужу.
Все прелести у ней наружу.
Косынку сорвала сама,
Обтянут стан донельзя, ворот
Чуть не до пояса распорот.
240 Кто поглядит — сойдет с ума.

Кузнец Вулкан, суровый с виду,
Ковал для Зевса молний пук,
Но задрожал, узрев Киприду,
И молот выронил из рук.
Венере мигом стало ясно,
Что потрудилась не напрасно.
Она Вулкана в губы — чмок!
На шею кинулась, повисла,
Отяжелела и раскисла.
250 Глаза уперла в потолок.

Вулкан и сам размяк, что кваша;
Венера — ну мотать на ус:
Скорей на приступ! Ломит наша!
К нему теперь я подобьюсь.

«Вулканчик, миленький, красивый,
Мой друг надежный, справедливый,
Ты крепко любишь ли меня?»
— «Люблю со всей сердечной страстью
Клянусь тебе кузнечной снастью!» —

260 Сказал поспешно бог огня.

Хитрец к Венере с миной сладкой
Прильнул умильно, не дыша;
Так льнет к просителям украдкой
Писец, чернильная душа.
Венера начала мздоимца
Молить за своего любимца:

«Энею моему, Вулкась,
Доспехи скуй из меди, стали, —
Ни меч, ни пуля чтоб не брали, —

270 И чистым золотом укрась!»

«Ох, для тебя, моей утехи, —
Вулкан с одышкой молвил так, —
На диво сделаю доспехи:
Палаш, и панцирь, и шишак.
Щит супротив клинков рутульских,
Не хуже табакерок тульских,
Покрою золотом я сам;
Там будет и насечка с чернью
(Фигурки, притчи, изречения)

280 И побрякушки по краям».

Кто станет осуждать Венеру?
Все жены так морочат нас.
Иная, по ее примеру,
Для просьбы выбрав добрый час,
К супругу на колени вскочит,
Целует, ластится, щекочет,
Голубит, гладит, жметя, льнет,
Лепечет: «Родненький, красавчик...»
И, каждый развинтив суставчик,

290 По-свойски дело повернет.

Летит на тучке втихомолку
Венера в Пафос отдохнуть;
Торопится в свою светелку,
Чтоб на защелку дверь замкнуть,

Красу измятую расправить,
Щипцами пряди раскудрявить,
Примочки к пятнам приложить.
Киприда для сынка родного
Собой пожертвовать готова
800 И в кузнице с Вулканом жить.

Хромой Вулкан подручных будит.
Собрав свинец, железо, медь,
Он кузнецов работать нудит,
Велит металлы разогнуть.
Меха раздули попроворней,
Заполыхало пламя в горне.
Вулкан без усталости кует,
Потеет, злится, смотрит зверем
И колотушки подмастерьям,
810 Чтоб не ленились, раздаст.

Уж солнце верх взяло над мраком.
Пробило шесть, и кто-нибудь
Уже закусывал со вкусом,
Успев как следует хлебнуть.
Трещали воробьи, сороки,
Багрила потаскуха щеки,
Открылись лавки и лари.
Укладывался спать картежник,
И молотком стучал сапожник,
820 Спешили в суд секретари.

А наши харкали, стонали.
Их разбирали вчерашний чад.
Они похмелые проклинали.
Никто и жизни был не рад!
Вздыхая, льдом протерли очи,
Чтоб освежиться после ночи,
И стал бодрей троянский род.
Хлестнув горелки духовитой,
Собраньем Речи Посполитой
830 Решили двинуться в поход.

По сотням тотчас рассчитали
Аркадских резвых пареньков.
Их числить ратниками стали,
Им дали в сотники панов,

Значки с хоругвью войсковою,
Бунчук с пернатой булавою,
Запас недельный сухарей,
Мушкеты, пики с палашами,
Бочонок серебра — рублями.
340 Муки, пшена, колбас, коржей.

Палланта подозвал родитель:
«Доколе в бабки, мол, играть?
Ты будешь войска предводитель.
Я снарядил Энею рать.
Иди, служи на бранном поле,
Чем с девками гонять на воле
Да голубей таскать у всех!
Ты с нынешнего дня начальник.
Запомни: батька — твой печальник!
350 Ленивый сын — отцовский грех.

Ступай! Послушен будь Энею.
Не прячься под его крылом.
Он славен доблестью своею,
Владеет ратным ремеслом.
Не бойтесь недругов, аркадцы!
Хлещите в ус и в рыло, братцы!
Ваш атаман — Паллант, он — хват.
Деритесь храбро, умирайте,
Врагов Энеевых карайте!
360 Вам гетманом — Эней, мой сват.

Прошу, Анхизович, покорно:
За хлопцем присмотрите там!
Он — малый с головой, бесспорно,
Читать обучен по складам,
Да дурень — молодой, горячий,
Неосторожный, нетерпачий...
Легко ему попасть в беду.
Не дай господь — убьют беднягу!
Я заживо в могилу лягу,
370 Как рак на суше, пропаду.

Берите рать, ступайте с богом!
Зевеса воля такова.
Все угостились за порогом,
Эвандра слушая слова.

«Радушно встретят вас лидийцы
И против Турна-кровопийцы
Пойдут с охотой воевать.
Мезентий ими помыкает,
Теснит, на чинш не отпускает,
380 Они готовы бунтовать».

Взвилось над головами знамя,
Геройски зашагала рать.
Пошли иные со слезами.
Кто покидал жену, кто — мать,
У третьего была зазноба.
Судьба следит за ними в оба,
Отнять заветное грозя.
Для милой мы терять готовы
Клейноды, животы, обновы,
390 Но чести нам терять нельзя!

Итак, бойцы глаза утерли,
Питейным славно подкрепясь;
Они под марш унылый перли,
А во главе — троянский князь.
И за ближайшим буераком
Расположились бивуаком;
Эней порядки наводил.
Паллант по армии дежурил,
Очей ни разу не зажмурил;
400 Троянец по лесу бродил.

Но в полночь самую глухую
Эней, желая задремать,
Увидел тучку золотую,
На ней свою родную мать.
Бела, румяна, круглолица,
Кровь с молоком, как говорится,
А носик вздернутый слегка;
Благоухая, возлежала,
Доспехи чудные держала
410 Венера, глядя на сынка.

«Эней, надень скорей доспехи!
Их выковал тебе Вулкан.
Теперь получают на орехи
Рутульский Турн, Бова, Полкан!

Булат ломается и гнется,
Как только панциря коснется.
Его и пули не берут.
Рубись, коли, сражайся, бейся
И на Юпитера надейся.
420 Тебе уж носа не утрут!»

Приятный запах испустила:
Амбре и мяту, базилик;
На тучке в Пафос покатила.
Эней издал восторга крик!
Надел Вулкановы доспехи,
Любуясь ими без помехи,
Привесил к поясу палаш.
Насилу поднял щит чудесный
(Нелегко был презент небесный)
430 И загляделся витязь наш:

На том щите посередине,
Где чернь с насечкой золотой,
Томилась муха в паутине,
Паук толкал ее ногой.
Поодаль плачущий Телешик
Из миски уплетал кулешик.
К нему по гладкому щиту
Злодейски крался змей крылатый.
Он семиглавый был, рогатый,
440 А хвост — без малого с версту.

Набор отменный на заламах,
Чеканка дивная была:
Фигуры витязей знакомых
И, в назиданье, их дела.
Всё так искусно, живо, с толком:
Иван-царевич с серым волком,
Катигорох, Кузьма-Демьян,
Кашей, дурак со ступой новой, —
В семье последыш непутевый, —
450 И славный рыцарь Марципан.

Троянец, натянув доспехи,
Готовил недругам подвох;
Он пана Турна для потехи
Надумал захватить врасплох.

Но, замысел Энея зная,
Ирисю шлет Юнона злая
К его сопернику в шатер:
Рутула пробудить от спячки,
Разбередить его болячки,
460 Чтоб он в табак Энея стер!

Пан Турн, зевая, ждал вертепа.
К нему Ирися как шмыгнет!
Ночной порой рутул свирепый
С тоски хлестал ахтырский мед.
Любя Лависю, был он в горе,
Печаль топил в питейном море,
Армейский соблюдал закон:
Кто в карты не на ту поставил,
Хвать пунша — и беду поправил!
470 И точно так же — кто влюблен!

«Ты что? — Ирися щебетала. —
Сидишь без дела и клюешь?
Напала лень? Ума не стало?
Добро троянцам отдаешь?
Отъелся кот — и не до мышки!
Знать, не поймет Панько Оришки.
Уж если ты такой байбак,
Куда тебе с Энеем биться!
С Лавинией не лезь любиться.
480 Ты годен лишь гонять собак.

Не дремлет настоящий воин;
Как ты, без просыпу не пьет,
Смекает, мыслит, — будь спокоен! —
Такой всех недругов побьет!
К чертям! Живей опохмеляйся!
Подмогой спешно заручайся!
Ты новой Трои не щади!
Эней подался на чужбину,
Лихую сколотил дружину.
490 Не оплошай теперь, гляди!»

Пихнула столик; вся посуда —
Бутылки, чарки — кувырком!
Осталась лишь осколков гряда.
Турн отшвырнул ее пинком.

Все страсти в голову толкнулись,
Любовь и злоба в нем проснулись.
Он бушевал, осатанев,
Рычал, троянской жаждал крови,
Ревел: «На штурм!» — и в этом зове
500 Сливались ненависть и гнев.

Собрав немедля пеших, конных,
Для битвы Турн построил рать.
Головорезов беспардонных
Послал под крепость — задирать.
А сам верхом на Белоглазом
Два корпуса на приступ разом
Повел, — верней сказать, помчал.
Отряд с Галесом и Мезапом,
Чтоб укрепленье взять нахрапом,
510 Вдоль Тибра двинулся на вал.

Троянцы заперли ворота,
Энея терпеливо ждут.
Познав превратностей без счета,
Не стали унывать и тут.
В предвиденье осады скорой,
Давай везде крепить затворы,
Колоды громоздить плашмя.
Глядели в башенные щели,
А носа высунуть не смели.
520 Шептались, трубками дымя.

И порешили всей громадой,
Когда рутул на них наплет.
Отсиживаться за оградой, —
Пускай он штурмом вал берет.
Троянцы так и поступили.
Свинец проворно растопили;
Живица начала бурлить;
В котлах кипели деготь, масло,
Смола, — гостям незванным назло.
530 Кто сунется — чтоб сверху лить.

Ко рву приблизившись вплотную,
На Белоглазом Турн скакал.
Пустивши конных врассыпную,
Как оглашенный, выкликал:

«Сюда, трусливые троянцы!
На бой, вредливые поганцы!
Зарылись в норы, как кроты.
А где Эней ваш — бабий праздник?
Сидит за прялкой, безобразник?
540 Наколюбродил — и в кусты?»

Рутулы под командой Турна
Срамили, лаяли троян;
Врагов ругали нецензурно,
Честили хуже, чем цыган.
К ним тучами пускали стрелы,
И всадники, не в меру смелы,
Пытались перепрыгнуть ров.
Трояне уши зажимали,
Обидной брани не внимали,
550 Но каждый биться был готов.

Пан Турн заскрежетал зубами:
Сидят себе — и ни гугу!
Как быть? Таранить стены лбами?
Не выйдет, хоть согнись в дугу.
Не зря, наверно, говорится,
Что злоба — сатане сестрица.
С ней впрямь не растается бес.
Со зла придумал Турн уловку
Под сатанинскую диктовку.
560 В башку его сам черт залез!

Велит раздуть огонь гигантский
Пан Турн у тибрских берегов.
Он хочет флот зажечь троянский
И доконать своих врагов.
За дело принялись вояки
(Вредить другому склонен всякий),
Готовят гибель кораблям.
С трутом древесным, с фитилями,
С лучиной, с жаром, с головнями
570 Бегут, неся огонь к волнам.

Сперва затлело, закурилось,
И пламень голубой взвился,
А там и солнце закоптилось, —
Такой дымище поднялся!

От пимфы Турновой, в тревоге,
Чихали на Олимпе боги;
Угар богиням в ноздри лез;
Они метались, точно козы,
Дым ел глаза, бежали слезы;
580 Как винокур был сам Зевес.

Венеру за душу щипало,
Что с флотом поступили так,
И сердце горько замирало:
Ведь сядет сын на мель, как рак!
В слезах печали и унынья
Вскочила в тарантас богиня,
На облучке сел Купидон,
И на кобыле сухопарой
К Цибеле поспешили старой —
590 К яге помчались на поклон.

Цибела, — знают в каждой школе, —
Была родная мать богов.
Она смирилась поневоле,
Когда осталась без зубов.
Тихонько на печи сидела,
С кулешиком лепешку ела,
Не лезла в Зевсовы дела.
В знак уваженья из корчаги
Сливал ей Зевс остатки браги
600 Той, что Юнона лишь пила.

Брехней недаром докучала
Венера Зевсу много раз:
Такая вышла ей опала,
Что показать нельзя и глаз.
Теперь Цибеле поклонилась
И за услугу посулилась
Купить ей сбитню на алтын.
Лишь просит-молит: «Поищи ты
У Зевса для троян защиты,
610 Чтоб флота не лишился сын!»

Любила сладости старуха,
Как перед сбитнем устоять?
Была к тому же стрекотуха,
Охотница язык чесать.

Едва стащив Цибелу с печи,
Взял Купидон ее на плечи,
В хоромы Зевсовы понес.
Зевес, узрев такую гостью,
Сгреб молча оселедец горстью,
620 Насупил брови, сморщил нос.

С дороги покряхтев маленько,
Цибела кашлять начала,
В подол сморкнулась хорошенько
И дух пять раз перевела.
«Сатурнович, помилосердствуй!
Своей родимой поусердствуй! —
Слезливо шамкала она. —
Бессмертных смертный унижает
И только что не бьет, а лает.
630 Гора моя посрамлена.

Мою ты знаешь гору Иду,
Где лес и с капищем алтарь.
Я из-за них терплю обиду,
Какой не снес бы твой свинарь!
На сруб я продала троянам
(Твоей молельни прихожанам)
Дубков и сосен — строить флот.
Уста Юпитера велели,
Чтоб эти брусья не истлели,
640 Переходя из рода в род.

Взглянув теперь на Тибра воды,
Ты видишь — корабли горят?
Их палят Турновы уроды
И крепко всех богов косят.
Еще не то тебе подстроят!
Спусти им — власть твою присвоят.
Дадут нам киселя тогда!
Расхитят лес, разроют Иду,
Меня раздавят, словно гниду,
650 Тебя прогонят навсегда».

«Не беспокойтесь, пани матка! —
Зевес с досадою сказал. —
Всех проучу, и будет гладко;
Ваш Турн, анафема, пропал!»

Взглянул, мигнул, махнул рукою
Над Тибром, чудною рекою, —
И врозь поплыли корабли;
Как гуси, в воду окунулись,
В сирен проворно обернулись,
660 А те и песни завели.

Войска рутульские в испуге
Дрожали от таких чудес.
И стон прошел по всей округе.
Мезап дал драла и Галес.
Тут порскнули и рутуляне,
Как от дождя в шатер цыгане.
Обратно повернула рать.
Один лишь Турн совался всюду,
Давая толкованье чуду,
670 Бегущих силясь перенять:

«Ребятюшки, мол, не робейте!
То божье знаменье для нас.
Свой страх откиньте и рассейте.
Пришлось сказать Энею — пас!
Чего мы с вами не спалили,
То боги сами потопили.
Теперь троянцы в западне.
Живьем их в землю втопчем, вдавим,
Всех разом на тот свет отправим.
680 То воля божья, верьте мне!»

Но велики у страха очи.
Спасался каждый, кто как мог,
И возвращаться не охочи,
Летели все, не чуя ног.
На поле Турн один маячит,
А войско врассыпную скачет.
Пан Турн огрел коня хлыстом
И шапку на глаза насунул,
Во все лопатки в лагерь дунул,
690 Конек лишь завертел хвостом.

Глядеть на бегство пана Турна
Троянцам было по нутру;
Дивились оборотням бурно
И толковали всё к добру.

Ума, однако, не теряли
И Турну зря не доверяли:
С врагом воюешь — не плошай!
Он побежал — ты не гоняйся,
Он струсил — ты остерегайся.
700 Разок скиксуешь и — прощай!

Двойную стражу выставляют
На башнях для ночной поры
И фонари уж заправляют,
Чтоб их повесить на шнуры.
Вдоль вала ходят караулы.
Всё стихло. Улеглись рутулы.
Лишь кое-где блестит огонь.
Как видно, в Турновом обозе
Не помышляли об угрозе.
710 Храпеть оставим этих сонь!

На страже возле главной башни
Стояли Низ и Эвриал.
Не сыщешь удалцов бесстрашней!
Их черт веревочкой связал.
Хоть были крови не троянской, —
Иной какой-то, басурманской, —
Но знали службу казакі.
Молодцеваты, крепки, ловки,
Пошли к Энею по вербовке;
720 Водили дружбу земляки.

«Забраться бы сейчас к рутулам! —
Так Эвриалу Низ шепнул. —
Хоть перережь их всех огулом —
Никто б ногой не шевельнул!
Храпят, как видно, с перепоею.
К ним тайной подкрадусь тропею,
Энею доблесть покажу.
Покруче заварю я кашу,
Разинь храпящих ошарашу,
730 На нож я сотню посажу!»

«Как! Ты — один? Меня оставишь? —
Спросил у Низа Эвриал. —
Сначала ты меня удавишь,
Чтоб я от земляка отстал!

С тобой не расставался сроду —
С тобой пойду в огонь и воду!
Не побоюсь и смертных мук.
Трусливый — дружбы не достоин!
Мне говорил: «Умри как воин!» —
740 Покойный батька мой, сердюк».

«Потыкай пальцем в лоб сначала!
От рыцарства с ума не спать! —
Прикрикнул Низ на Эвриала. —
Есть у тебя старуха мать!
Ей, бедной, немощной и хворой,
Не сын ли должен быть опорой?
Ты для нее обязан жить!
Легко ль ей будет без приюта,
Под гнетом лет и скорби лютой,
750 Скитаясь в людях, слезы лить!

Вот я, к примеру, сиротина.
Расту, что во поле горох,
Такая у меня судьбина:
Эней — отец, а мать — бог.
Хоть пригожусь чужой отчизне.
А если б я лишился жизни —
Кому от этого печаль?
Тебя убьют — родимой горе.
Сойдет она в могилу вскоре.
760 Ужель тебе ее не жаль?»

«Разумно, Низ, ты рассуждаешь,
А все-таки не прав кругом!
Меня в одном ты убеждаешь,
Умалчиваешь о другом.
Где общее добро в упадке —
Отца и мать покинь для схватки!
Ты долг обязан исполнять.
Энею дали мы присягу,
И за него костями я лягу!
770 Над этим разве властна мать?»

Низ увидел, что спор напрасен.
Обнявшись крепко с земляком,
Он тут же вымолвил: «Согласен!»
И в ратушу пошли молчком.

В палату, где со старшиною,
Готовясь к завтрашнему бою,
Сидел Энеев сын Иул,
Явились пареньки честные,
Врата покинув крепостные,
790 Когда сменился караул.

«Стояли под одной из башен
Мы с Эвриалом на часах.
У недругов огонь погашен.
Спокойно спят они впотьмах.
Мы можем по тропе укромной
Прокрасться в лагерь ночью темной,
Насквозь пройти рутульский стан
И срочно донести Энею,
Что злобный Турн с ордой своею
790 Суется в крепость, как шайтан.

Пускай дозволит нам громада!
Мы дернем — счастья попытать.
Пока не встало солнце, надо
Энея-князя повидать».
— «В столь смутное для Трои время
Полно отваги наше племя!» —
Раздался одобренья гул.
И все троянцы, без изъятья,
Раскрыли смельчакам объятья.
800 Братину им поднес Иул.

Как сын Энея и наследник,
Похвальную сказал он речь
И Низу подарил «победник»
(Так величал Иул свой меч).
Для дорогого Эвриала
Не пожалел того кинжала,
Что у вдовы стащил отец.
Чины сулил им за услугу,
Обоим обещал по плугу,
810 Земли под пашню и овец.

Был Эвриал дружка моложе:
Ему двадцатый шел годок;
Не ус темнел на белой коже,
А первый мягонький пушок.

Но воин был — храбрей не надо,
Силач и рыцарского склада.
А прослезился наш казак:
Ведь он с родимой разлучался,
Шел умирать и — не прощался.
820 Он, сердцу покорясь, размяк.

«Иул Энеевич! Не дайте
Загинуть матушке моей.
В нужде, в несчастье помогайте,
Заместо сына будьте ей.
Вы маменьку любили тоже.
Я у своей — одна надежа! —
Промолвил нежный Эвриал. —
Вверяю вам покой мамашин!
Мне смертный бой теперь не страшен.
830 Умру за вас, как обещал!»

Иул в ответ: «Напрасно тужишь!
Твой труд, поверь, не пропадет.
Ты, Эвриал, нам честно служишь,
Не зря кладешь за нас живот.
Считай меня роднее брата!
Старушку сберегу я свято.
Довольствие назначу ей,
Паек, одёжу и квартиру;
Пшена, муки, яиц и сыру
840 В избытке — до скончанья дней!»

Давайте-ка с отважной парой
Отправимся в рутульский стан!
Зашел за тучи месяц ярый,
И на равнину пал туман.
Порой полночной всем рутулам —
И сотникам и есаулам —
Уснуть сивуха помогла.
Себя заботой не тревожа,
Вблизи костров потухших лежа,
850 Беспечные не ждали зла.

Там часовые на мушкетах
Валялись, будто напоказ.
Храпели пьяные в пикетах,
Встречая свой последний час.

И, стражу сняв передовую,
Пошли друзья наудалую.
«Из рутулян повыбью блох! —
Промолвил Низ. — Управлюсь духом,
А ты к земле приникни ухом,
860 Чтоб не застигли нас врасплох».

Сперва Рамент он проведаль,
Башку отсек в один момент,
Составить завещанья не дал;
К чертям навек пошел Рамент.
Кто сколько проживет на свете,
Он по руке гадал, — заметьте, —
Не мысля о конце таком.
Мы часто ворожим, пророчим, —
Да только не себе, а прочим, —
870 К цыганкам бегая тайком.

На Рема и его героев
Обрушился отважный Низ.
Передушил он ложкомоев
И прихлебателей-подлиз,
А их начальника, облома,
Притиснул, как Фому Ерема;
Затем, подняв дареный меч,
Схватил за бороду густую
Он супостата и пустую
880 Макитру отделил от плеч.

Серран в сорочке, без кафтана,
Покушав досыта, уснул.
Низ ворвался в шатер Серрана,
Мечом по пузу полоснул.
И вслед за этим, словно в ступе,
Зад сплющил с головою вкупе.
Из мужа получился рак:
Торчала голова конфузно
Меж ног, и поднималось гузно.
890 Картинно умирал бедняк!

И Эвриал, попав к рутулам,
Без дела тоже не стоял.
Подобно земляку, огулом
Постылых в пекло отправлял.

Нигде не встретивши отпора,
Колол и резал без разбора,
Трудился, как в овчарне волк.
Косил подряд простых, вельможных,
И выборных, и подпомощных.
900 Кого сгребет, того и — шелк!

А Ретус прискакал с пирушки,
Разделся, жженки выпил он
И повалился на подушки.
Его уже клонило в сон.
Но Эвриал кинжал Иула
Воткнул в раскрытый рот рутула
И горемыку приколол,
Ни дать ни взять, как цветик алый
Прикалывает к покрывалу
910 Для украшения женский пол.

Остервенясь, в шатер к Мезапу
Рванулся было Эвриал,
И тот его зажал бы в лапу, —
Да земляка он повстречал.
Хоть Низ был сорванец немалый,
Лихой, запальчивый, удалый,
Однако удержал дружка:
«Врагам пустили кровь нехудо!
Пора улепетнуть отсюда,
920 Чтоб не памяти нам бока».

Как волк в овчарне втихомолку
Смиранных потрошит ягнят,
Как хищный хорь, подобно волку,
Терзает в темноте цыплят,
Как, накуривши дымом серным,
В ночи с нахальством беспримерным
Без шуму крадут бурсаки
Гусей, индюшек, уток жирных
Из хлева у гевалов мирных
930 (Чем промышляют и дьяки),

Так наши смелые вояки,
В рутульский стан сумев залезть,
От крови красные, как раки,
Энея защищали честь.

А где любовь к отчизне светит —
Там вражья сила гибель встретит.
Там сердце крепче, чем свинец.
Не властна там судьба-злодейка.
Там жизнь — алтын, а смерть — копейка.
940 Там рыцарь, хват — любой птенец.

Итак, задав рутулам жару,
Бродили Эвриал и Низ,
Как музыканты по базару,
Хотя от крови грунт раскис.
Поляк, об этом беспокоясь,
Жупан бы подоткнул по пояс,
А наши перли напролом.
Спешили удалыцы к Энею —
Похвастать храбростью своею
950 И рассказать о Турне злом.

Уже из лагеря счастливо
Ушли два дюжих молодца:
Лаптишки хлюпали, и живо
Стучали смелые сердца.
Явился месяц из-за тучи,
Рассеялся туман летучий,
Всё предвещало добрый путь.
И вдруг навстречу из долины
С полком латинские дружины —
960 Волсент! Как нашим улизнуть?

Они, попавши в передрягу,
Бегут быстрее гончих псов.
Бедняги к лесу дали тягу
От супостатов, от врагов;
Так пара горлинок невинных
Летит — спастись в лесах пустынных
От хищных ястреба когтей.
Но если суждено быть худу —
Оно тебя найдет повсюду.
970 Не скроешься за сто морей!

Наездники и пехотинцы
Пустились догонять вояк.
Опушку окружив, латинцы
Им не дают уйти никак.

Часть войска по лесу шныряла
И выследила Эвриала.
Проворный Низ на вербу влез.
Попался, как волкам овечка,
От вербы этой недалечко
990 Дружок его, головорез.

И Низ увидел Эвриала,
Над коим тешились враги.
Душа его затосковала.
Зевесу крикнув: «Помоги!» —
Копье в латинцев он пускает,
Сульмону сердце пробивает,
Тот сразу валится, что сноп.
Как будто не было Сульмона!
Не охнув, не издавши стона,
990 Зевнул в последний раз и — хлоп.

Стрела со свистом полетела
И Тагу врезалась в висок.
Его безжизненное тело
На желтый падает песок.
Волсент, бойцов утратив пару,
Клянет невидимую кару
И в ярости, как вол, ревет:
«За кровь моих Сульмона, Тага
Ответишь головой, бродяга!
1000 Ступай за ними, обормот!»

Без лишних слов на Эвриала
Он замахнулся палашом.
Вся храбрость Низова пропала,
И сердце стало кулешом.
К Волсенту мчится что есть силы:
«Творишь пеккату, братер милый,
Ты морс невинному несешь:
Я — стультус, лятро, нечестивец,
Злодей, неквиссимус, убивец!
1010 Постой! Ты кровь напрасно льсшь!»

Рука Волсента не сдержалась:
Головку с плеч срубил он вмиг,
И кавуном она каталась,
Невнятно лепетал язык.

Кораллы губ уже синели,
И щеки алые бледнели.
Густых кудрей сваялся шелк,
Померкли молодые очи,
Покрывшись мглою вечной ночи,
1020 И голос навсегда умолк.

При виде трупа Эвриала
Рассвирепел его земляк,
И, выпуская злости жало,
К Волсенту ринулся смельчак.
Как молния летит сквозь тучу,
Промчался сквозь латинцев кучу,
Врага настиг в один момент.
Схватил его за чуб рукою
И в сердце меч всадил другою —
1030 Дыханье испустил Волсент.

Как искра с порохом зажженным
Должна исчезнуть заодно,
Так Низу с ворогом сраженным
Погибнуть было суждено.
Осатаневшие латины
Не пощадили казачины
И голову ему снесли.
Так Низ и Эвриал дружили,
Так жизнь отважно положили,
1040 Посмертно славу обрели.

Из крепких сучьев и брезента
Носилки смастерив, латынь
Поволокла на них Волсента,
Которому пришел аминь.
А две казацкие головки
С собой помчали, как дубовки,
Швырнув их попросту в мешок.
Но в лагере об эту пору
Застали, как на бойне, гору
1050 Печенок, легкого, кишок.

Как только небосклон зарделся,
Светильник Феба запылал,
Пан Турн покушал, огляделся
И снова биться пожелал.

Ударить приказал в клепало,
Чтоб войско сразу выступало,
И прихватить велел с собой
Казацьи головы для смеху,
Чтоб за недавнюю потеху
1060 Троянцам отплатить с лихвой.

Но в крепости, по уговору,
Молчком сидел троянский род;
Запрятались, как мыши в нóру,
Когда вблизи мяучит кот.
При этом были все готовы
Погибнуть ради Трои новой
И чашу смертную испить,
Чтоб отстоять свою свободу,
Не покориться сумасброду,
1070 Затрещину ему вклепить.

Рутулы налетели бурно.
Троянцы сдачи дали так,
Что брюхо скорчило у Турна
И расчесал икру вожак.
Велит он, вне себя от злости,
На глум поднять убитых кости,
Чтоб лютых недругов кольнуть:
На жерди перед самым валом
Несчастных Низа с Эвриалом
1080 Головки буйные наткнуть.

Троянцы с вала различали,
Чьи головы вблизи торчат,
И горькой предались печали,
Утративши таких ребят.
Ужасный слух про их кончину
Потряс троянскую дружину,
И слезы проливала рать.
Оцепенев от скорбной вести,
Едва не умерла на месте
1090 Старуха, Эвриала мать.

Как будто разум потеряла:
Седые волосы рвала
И в грудь со стоном ударяла,
Лицо щипала и скребла.

Вдоль вала бегала бабуса.
Когда же голову Эвруся
Она узнала на колу —
Еще сильнее заметалась:
Вопила, ерзала, каталась
1100 И распростерлась на валу.

Истошным голосом завывала:
«Сыночек, свет моих очей!
На то ль тебя я породила,
Чтоб сгинул от лихих людей?
Чтоб ты в недобрую годину
Увел старуху на чужбину
Свой век в сиротстве коротать?
Моя ты радость и отрада!
Моя заслона и ограда!
1110 Ты на кого покинул мать?

Куда идти убогой, хворой?
Кто злую долю облегчит?
Кто будет мне в беде опорой?
Кто участь горькую смягчит?
Теперь прощайте все поклоны,
Что получала во дни оны
От вдов, девчат и молодежи
За брови дивные соболю,
За очи ясные соколю...
1120 Ты был красою вечерниц!

Найти бы мне твой труп казацкий
И тело белое обмыть,
Назло дружине супостатской
В могилу с честью проводить.
О боги! Я ли в том повинна,
Что вы единственного сына
Дозволили обречь на смерть
И молодецкую головку
Над бедной матерью в издевку,
1130 Как тыкву, насадить на жердь?

Недолго наживет на свете,
Рутулы, ваш собачий род!
Пусть вас казнят родные дети!
Пускай издохнет ваш приплод!

Как жаль, что я не зверь, не львица,
Не кровожадная волчица,
Чтоб вас, убийцы, растерзать!
Чтоб, исторгая рев из пасти,
Рвать сердце с требухой на части,
1140 Мослы с рычаньем разгрызаты!»

Тут не один троянский воин
Сочувственные слезы лил.
Прощаньем горестным расстроен,
Асканий нюни распустил.
Сильнее всех сморкался, хлипал,
На недругов проклятья сыпал
Энея доблестный сынок.
С поклоном подступивши, бабку
Схватил Энеевич в охапку,
1150 В землянку с вала уволок.

А тут кричат и трубят в трубы,
В свистелки дуют и в рога,
Вопят, брат брата лупит в зубы,
Враг налетает на врага.
Тут — ржанье конское и топот,
Там — гомон, стукотня и ропот,
Смятенье, сто напастей злых!
Так сбитень пенится горячий,
Так в кабаке шумит подьячий,
1160 Хоть, вправду, выноси святых!

— Гей, муза! — к панночке стыдливой
Взмолюсь. — Приди, хоть на часок!
Прошу тебя, не будь спесивой
И помоги сложить стишок.
Ты дай мне силу и уменье,
Чтоб мог я описать сраженье.
Здесь должен твой звучать язык!
Ты, девка, слышно, не брыклива,
Да жаль, от старости сварлива.
1170 Прости! я брякнул напрямик,

И в самом деле провинился:
Девицу старой объявил,
Хоть с ней никто и не любился,
Не женихался, не шутил.

Ох, сколько муз таких на свете,
Во всяком городе, в повете!
Покрыли б доверху Парнас.
Я музу кличу не такую:
Веселую и молодую;
1180 А старых — залягай Пегас!

Рутулы кинулись на стены,
Карабкаются, как жуки.
Свирепый Турн, покрывшись пеной,
Кричит: «Дружнёнько, казаки!»
Троянцы тоже не зевают,
Швырять каменья поспевают,
Рутулов плющат, словно мух,
Толкут, как в ступе, вражье семя.
Рутулы упустили время,
1190 И ослабел в них бранный дух.

Троянцы до седьмого пота
Врагов молотят и крошат.
Спорится у троян работа,
Рутулы, как вьюны, пищат.
И Турн велит, обеспокоен,
Из маслобитен, воскобоек
Свезти немедля толкачи.
Тотчас перед его очами
Явились вместе с толкачами
1200 Все воскобой-силачи.

И, как таранами, без счета
Пошли они удары класть.
Гремели и тряслись ворота,
От боя вся трещала снасть.
Турн силы вдвое прибавляет,
Он сам тараны направляет,
Ворота с петель сбить велит.
Упали! .. Стуком оглушили,
Троянцев многих сокрушили,
1210 И Турну в крепость вход открыт.

Мне муза молвит: «Не пугайся!»
— «Беда троянцам! Как же быть?»
— «В чужую сказку не мешайся!
Не в силах Турн их победить!»

Троянцы, в грохоте и громе,
Преграду громоздят в проломе.
За нею грудью встала рать.
Рутулы бесом извивались,
В пролом, однако, не совались,
1220 И Турн не знал, что предпринять.

Был Геленор боец на славу,
А Лик — кулачник и горлан.
Под стать степному волкодаву
Был краснорожий сей мужлан.
Обоим по колено море,
Безделица — любое горе,
Забава — головы срывать.
Друзьям давно уж не терпелось:
Как для корысти им хотелось
1230 Тычков рутулам надавать.

Плечищами толпу раздвинув,
Пан Геленор и красный Лик,
Протиснувшись, жупаны скинув,
Сквозь кутерьму, содом и крик,
Рутулов тасовали славно,
А те вручали им исправно
Квитанцию в своих долгах.
Лик только тем и отличился,
Что пану Турну изловчился
1240 Заехать в зубы впопыхах.

Но Турн великий был разбойник.
Он Лика сплющил в один мах.
С разбитым носом Лик, покойник,
Лежал у недруга в ногах.
Туза смертельного в ту пору
Успели дать и Геленору,
Погиб второй головорез.
Рутулов это взвеселило
И так сердца их ободрило,
1250 Что и трусливый в драку лез.

Нажали дружно, напустились,
Рутулы кинулись на вал.
Троянцы, словно черти, злились,
Рутулов били наповал.

Вокруг вздымались пыли клубы,
Трещали кости, ребра, зубы,
Из губ, носов хлестала кровь.
Кто бил, кто резал, кто рубился,
Кто вверх тормашками валился,
1260 Кто полз и поднимался вновь.

Ожесточившись без предела,
Все до надсады бились тут.
Упорство всеми овладело,
И каждый стал не в меру лют.
Легар, пестом хватив с разгона,
Дух выпустил из Эмфиона
И зубы стиснул сам навек.
Лутеций бил Илионея,
Циней — Арефа, тот — Цинея.
1270 Кто резал, кто колол, кто сек.

Слыл Ремул хвастуном в народе,
Троюродный был Турну сват
И, глуповатый по природе,
Всегда всё делал не в попад.
Он тешить стал свою натуру,
Троян корить, бесчестить сдуру,
Себя и Турна величать:
«Ага, проклятые поганцы,
Огарки Трои, оборванцы!
1280 Пришел черед вам погибать!

Мы вас отучим колобродить,
Морочить девок, вдов морить,
В чужих наделах верховодить,
Свои порядки заводить.
Давайте вашего повесу!
Я вмиг его отправлю к бесу.
Как мух, расплющим вражью рать.
Мы дух ваш вытесним, троянцы!
Мы вас отучим, голодранцы,
1290 Латинские потапцы жрать!»

Иул Энеевич нагнулся,
Злость полыхнула из очей.
Как шкурка на огне, надулся
От бестолковых он речей.

Схватил булыжник, изловчился,
Глазок зажмурил, приложился
И камнем в лоб рутула — бух!
Хвостун умолк и повалился.
Иул сердечно взвеселился.
1300 Взыграл в троянах бодрый дух.

В виски и в зубы тулумбасы
Летели с каждой стороны.
Полезла требуха, колбасы,
Все пенились, как кабаны,
И, разъярившись через меру,
По-сербски величали веру.
Всяк чем попало, тем крошил.
Поднялся писк, стенанья, охи,
Враг на врага скакал, как блохи,
1310 Кусался, грыз, щипал, душил.

Служили у троян два брата.
Был каждый с виду — Голиаф, —
Широкоплечий и косматый,
Овец глотал, что твой удав!
Крещен был старший Битиасом
И с Кочубеевым Тарасом
Сровнялся ростом бы, ей-ей!
Другой силач Пандаром звался
И, вялый, как верблюд, слонялся,
1320 Хотя и был версты длинней.

Подняв тяжелые дубины,
Вдвоем у городских ворот
Стояли братья-исполины
И защищали в крепость вход.
Они присели, притаились,
Троянцы ж отступить пустились,
Заманивая рутулян.
Стремглав рутульская пехота
Летит в раскрытые ворота —
1330 Атаковать троянский стан.

Но в город сунься лишь — куда там!
Тотчас в яичницу собьют.
Тут Битиас с Пандаром-братом
Рутулов кровь нещадно льют.

Рутулы с криком в город рвутся,
Как под серпом колосья — гнутся.
Жужжа, как над копной цепи,
Две исполинские дубины
Утюжат головы и спины
1340 И всех молотят, как снопы.

При виде этакой прорухи
Со злости Турн осатанел
И, вздрогнув, как бы от сивухи,
К своим на помощь полетел.
Протиснувшись к троянам в крепость,
Турн показал свою свирепость,
И кровь рекою полилась.
Убил Афидна и Мерона
И поспешил туда с разгона,
1350 Где управлялся Битиас.

С наскока треснул булавою
По шее, великан упал,
Об землю грянул головою
И крепость всю поколебал.
Ревет, и душу испускает,
И воздух громом наполняет;
На всех напал великий страх.
От смерти не сумев укрыться,
Погиб верзила, как мокрица.
1360 И исполин есть червь и прах!

Пандар, увидя гибель брата,
Смешался, дрогнул, сробел
И от злодея стратилата
Стал удирать, куда цел.
Бежал он, подоткнувши полы,
Переступал он частоколы,
Спеша от Турна улизнуть.
Засовами задвинул входы,
К воротам подвалил колоды,
1370 От битвы вздумал отдохнуть.

Но, в крепости заметив Турна,
Пандар был сильно удивлен.
В нем злоба закипела бурно,
И сразу расхрабрился он.

«Попался, висельник поганый,
К нам навязался, гость незванный! —
Пандар стал к Турну подступать. —
Постой, тебя я крепко вздую,
Из тела выбью душу злую.
1380 Теперь тебе несдобровать!»

А Турн с издевкой отвечает:
«Келебердянская верста!
Уж как я бью — твой братец знает.
Тебе ль не накручу хвоста?»
Гигант все жилы напрягает
И камнем в Турна запускает.
Послал бы в ад его Пандар.
Откуда ни возьмись — Юнона.
И, как незримая заслона,
1390 Богиня приняла удар.

Рутул, защитой ободренный,
Врага вогнать задумал в гроб.
На помощь он призвал Юнону
И саданул Пандара в лоб.
Он исполина с ног сбивает,
До мозга череп расшибает.
Погиб и этот великан!
На что трояне были хваты,
Но от второй такой утраты
1400 Сердца смутились у троян.

Пан Турн удачей ободрился,
Троянцам смерть он приносил,
Как боров бешеный ярился
И без пощады всех косил.
Рассек он саблей Филариса,
Яичницу сбил из Галиса,
Он голову Крифею снес
И надавал в бою жестоком
Таких щелчков кулачным докам,
1410 Что высунуть боялись нос!

И стали в крепости троянцы
Свои пожитки собирать.
Как трусившие новобранцы,
Они решили тягу дать.

Предвидя сей исход печальный,
Троян обозный генеральный,
Серест вельможный им кричит:
«Куда? Ни с места! Что такое?
Бежать троянам с поля боя?
1420 Стыдом наш славный род покрыт!

Не сладите с одним буяном,
А вас до черта собралось!
Прокрался в огород к троянам
Рутульский шелудивый пес.
Иль мы кочевники-бродяги?
Иль не хватает нам отваги?
Не помним дедовских побед?
А князь наш бедный что помыслит?
Ведь нас он воинами числит!
1430 Что скажет о троянах свет?

Все сокрушайте супостата!
Давайте скопом напирать!
Тесните недруга, ребята,
Раз в жизни только помирать!»
Ого! Троянцы ободрились,
На Турна разом навалились.
Пропал он, как тут ни лукавь!
Пан Турн вертелся, извивался,
До Тибра кое-как добрался,
1440 Прыг в реку — и пустился вплавь.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Как кролик, Зевс моргнул усами,
Олимп, как листик, затрясло;
Сверкнула молния с громами,
Всех подхватило, понесло.
Богини, боги, полубоги,
Простоволосы, босоноги,
Стремглав бегут в базарный суд.
Влетел туда Юпитер ярый,
На них свирепо гаркнул старый,
10 Как на собак псари орут.

«Доколе, — закричал он гневно, —
Олимпа имя вам срамить,
Друг с дружкой грызться ежедневно
И смертных смертными травить?
Обычай ваш совсем не божий.
Вы на сутяжников похожи!
За что мытарите людей?
Не дам поблажки братье вашей:
С небес повытолкаю вашей
20 И прикажу пасти свиней.

Вы, олимпийские фиглярки!
Не будет снисхожденья вам.
Задам березовой припарки
Всем зубоскалкам и юлам.
Забудете свои повадки.
Уж больно вы до смертных падки —
Что грек до нежинских колбас.
Вы сеете раздор всегдашний!
За жениханье, плутни, шашни
30 Всех окуну в сапожный квас.

Иль погоню вас на работу,
В смиренный упрячу дом.
Навеки отобью охоту
Везде устраивать содом.
Я вас, богинь, на ум наставлю:
В Сечь Запорожскую отправлю!
Там знаете ведется как?
Днем спят хмельные, крадут ночью,
Плюют на трескотню сорочью
40 И жен меняют на табак.

Не вы народ мой сотворили.
Вам не создать и червяка!
Зачем людей вы разъярили
Из-за такого пустяка?
Клянусь я собственным престолом,
А также Гебиным подолом, —
Кто сунется — расквашу лбы.
Пока Эней и Турн дерутся,
Пусть все терпенья наберутся,
50 Жалеючи свои чубы».

Венера молодежи смелой,
Живя с военными, слыла,
Битки в трактирах с ними ела,
Без церемоний пунш пила;
Привыкла щеголять в шинели,
Спать на соломенной постели,
Горелку с перцем продавать,
Мыть офицерские манишки,
В возке трястись без передышки,
60 Днем печься, ночью замерзать.

С драгунской выправкою, смело
Венера к Зевсу подошла.
Не запиналась, не робела
И залпом речь произнесла:
«Тебе, мой батя величавый,
Известен каждый шаг лукавый.
Ты знаешь — где, и как, и что.
Всю землю оком обнимаешь,
Другим — за небом надзираешь.
70 Тебя не проведет никто.

Ты ведаешь, зачем троянцев
Позволил грекам победить,
Энея с горсткой голодранцев
Нептуну не дал потопить.
Ты знаешь, по чьему почину
Эней приплыл к царю Латину,
Откуда к Тибру он махнул.
Что ты определяешь словом,
Того не отменяешь новым.
80 Скажи, при чем же здесь рутул?

И что такое Турн за цаца?
Он самовольничать привык!
Фригийцам некуда податься!
Их щиплет всякий еретик.
Когда б не происки Юноны,
Кто б нарушал твои законы?
Ей любо стравливать людей.
Богами твой приказ похерен:
Эней-то ведь сынок Венерин:
90 За Турна — весь Олимп, ей-ей!

Троян и бедного Энея
Ленивый только не пугал.
Терпели пуше Прометея,
Что в трубку огонька украл.
Такую взбучку с пересолом
Им задали Нептун с Эолом,
Что и сейчас ни встать ни сесть!
Другие боги. . . — Боже правый!
Ты знаешь их дела и нравы! —
100 Живьем Энея рады съестъ.

Отец! Властитель олимпийский,
Взгляни! Я слезы лью рекой.
Спаси от мук народ фригийский!
Он сотворен твоей рукой.
Я за других страдать готова,
Я — мать, меня карай сурово,
Но пожалей моих детей.
Скажи хоть слово, знак утешный
Поддай Венере многогрешной,
110 Чтобы жил Иул, чтоб жил Эней».

«Молчать! Сквернавка, потаскуха! —
Юнона в ярости частит. —
Как дам тебе, трещотке, в ухо!
Очипок с головы слетит!
Кого пред Зевсом ты порочишь?
Блудливая кошчонка, хочешь
Расстроить между нами лад?
Ты за кого меня считаешь?
Неужто, сучища, не знаешь,
120 Что мне Юпитер — муж и брат?

Зевес! Ужель тебе не стыдно,
Что пред тобою дрянь и прах
Болтает о богах обидно
И судит о твоих делах?
Какой ты мира повелитель
И олимпийцев предводитель,
Когда ты против шлюхи — пас? . .
Размяк перед моргуньей мерзкой,
Никчемной сводницей цитерской!
130 Она тебе милее нас.

Ей вышла от Вулкана взбучка —
За Марса розгами порол!
Сидела на цепи, как сучка.
Вулкан ей отхватил подол.
Ты с ней обходишься, как с честной.
Тебе про это знать не лестно!
С ней нянчишься, с другими строг.
Она и Трою разорила,
Она Дидону уморила.
140 Все пакости идут ей впрок!

Где затесалось это зелье —
Там всё крапивой поросло.
Настало б на земле веселье,
Исчезни этакое зло!
Из-за нее в Латыни смута,
Приходится троянцам круто,
И Турн Энею стал врагом.
Из-за нее везде напасти.
Она — причина всех несчастий
150 На небе, на земле — кругом!

Легко ли? На меня кивает,
Сама же, натворив беды,
К Зевесу жалобно взывает:
Мол, только-только из воды!
Невинничает, как Сусанна;
Скажите! Недотрога панна,
Жила на хуторе весь век!
Хоть лопни с бабкою своею —
Я место укажу Энею;
160 Богиня я! — он человек».

Ругни Венера не стерпела,
Юнону лаять начала.
Тут перепалка закипела
И в свалку чуть не перешла.
Богини в гневе — те же бабы
И так же на уторы слабы.
С досады невесть что сбрехнут.
Доходит и до потасовки,
Горланят, что твои торговки,
170 Род, племя и приплод клянут.

«Молчите, чертовы сороки!
Попутал вас, бублейниц, бес.
Обеим отобью я щеки! —
Вскричал разгневанный Зевес. —
Не стану баб карать громами,
Велю по пяткам чубуками
Ударов сотню отсчитать,
Чтоб мирно жили вы отныне.
Уж я вас проучу, богини!
180 Олимп заставлю подметать.

А ну-ка уши наострите,
Послушайте, что я скажу.
Молчать! Разиньте рты, замрите.
Кто пикнет — рожу разmozжу.
Промеж латинцев и троянцев
И разных Турновых поганцев
Никто в побоище не лезь,
Не суйся ни к кому с подмогой,
Воюющих князьков не трогай!
190 Увидим, кто сильнее здесь».

Юпитер смолк, моргнул бровями,
И боги порскнули вразброд.
Простимся тоже с небесами,
Сойдем на землю в свой черед
И, став на Шведскую могилу,
Военную посмотрим силу.
Я схватку опишу сейчас.
Чтоб легче справиться с работой,
На юбку музе дам с охотой:
200 Пускай пополнит рифм запас.

Турн отдышался, обсушился,
Глотнул горелки с имбирем;
Шатер покинув, петушился,
Глядел на крепость сентябрем.
Опять — труба! Тревога! В сечу
Все ринулись врагам навстречу,
Чтоб их побольше утолочь.
Испробовав троян удалость,
Рутулы поживились малость,
210 Насилу развела их ночь.

Эней по Тибру возвращался
К троянам в тишине ночной.
В челне с Паллантом угощался,
Усердно пил со старшиной.
Он стычками с богами хвастал,
Рассказывал, как всюду шастал.
Чесал язык и сам Паллант.
Царевич врал, как сивый мерин,
Не хуже, чем сынок Венерин.
220 К брехне имел большой талант!

— Ты спишь, седая царь-девица?
О муза дряхлая, очнись!
Прокашляйся живей, сестрица,
Ко мне, беззубая, склонись
И Расскажи — какой там леший
К Энею, конный или пеший,
Пошел, чтоб Турна доконать?
Ты, муза, грамоте училась,
В полтавской школе отличилась.
230 Должна всех поименно знать!

Я слышу бормотанье музыки:
С Энеем, дескать, плыл Массик,
Бездельник, лодырь толстопузый
И здоровенный, словно бык.
Отродье стеховской шинкарки,
Тигренко следовал на барке.
С ним сотня добрых забулдыг.
Бок о бок шли дубы Аванта.
Он был придирчивей сержанта:
240 Чуть что — по спинам так и стриг!

Как плащ, надев свиную шкуру,
На байдаке торчал Астур;
Служил он лежнем винокуру
И с виду был довольно хмур.
Поодаль плыл Азиллас-модник,
Пономарихе нашей сродник.
Давно ли он таскал суму?
Фортуна вмиг простолюдина
Перекроила в господина.
250 Таких чудес я знаю тьму!

А кто на легоньком дубочке,
Раззолоченный в пух и в прах,
Сидит в распахнутой сорочке
С турецким чубуком в зубах?
Да это — Цинарис, картежный
Цехмейстер, плут, наглец безбожный.
Прохвостов шайку он ведет.
Не в битве, так в картежной схватке
Уложат Турна на лопатки,
260 И недруг по миру пойдет.

Кто в шляпе, в епанче суконной
И с толстой книжкой в руках
Толкует вкривь и вкось законы,
Знай спорит о своих правах?
Юрист из Глухова речистый,
Что выбился в канцеляристы, —
Добродий некий Купавон.
Ища поживы не впервые,
Вдобавок метя в значковые,
270 Вступил к Энею в легион.

А тот беззубый, говорливый,
Сухой, лядаший, как скелет,
Брехун плешивый и сварливый?
То выкрест, знаешь ли, Авлет.
С другой недавно окрутился
И за беспечность поплатился:
Из жару в полымя попал.
Теперь с чертовкой развязался:
К Энею в войско записался,
280 Лазутчиком на время стал.

Еще там было с полдесятка,
Всё мелюзга и гольтепа.
В таких не будет недостатка,
Хоть сгинь их целая толпа.
«А сколько всех, — сказала муза, —
Считать по пальцам — мне обуза.
Не знаю! Врать я не хочу.
На счетах класть я не училась,
Зарубки делать не трудилась.
290 Как было, так и лепечу!»

Возница в небе повернулся,
Стожары выше поднялись.
Кой-кто под буркой растянулся,
Не все, однако, улеглись.
Иные у костров искались,
Другие хлюпали, плескались —
Онучи мыли в тишине.
Дремали вполпьяна старшины,
Лежали, разметав чуприны,
800 Кто — на боку, кто — на спине.

Один Эней не спал в то время
И думал — как ему верней
Спасти троянский род и племя?
(За всех в ответе был Эней!)
Как Турна, дьяволова сына,
Побить, прибрать к рукам Латина
И успокоить весь народ?
Измучившись таким вопросом,
Эней увидел перед носом
810 Довольно странный хоровод.

Ни рыбы, знаете, ни раки,
А словно бы кружок девчат;
Ныряют, плещут, как собаки,
Мяучат кошками, кричат.
Эней со страху чуть не треснет!
Читает в голос «Да воскреснет...»,
Он слышит визг и хохотню;
Свалился на помост, а чуда —
Давай тащить его оттуда,
820 Кто — за́ полы, кто — за мотню.

Одна такая тварь скакнула
К нему сверчком или блохой
И к уху накрепко прильнула,
Подобно гадине лихой:
«Давно ли мы с твоей персоной
Таскались по воде соленой,
Возили весь троянский род?
Мы — Идского холма лесины, —
Дубки, орешины, соснины.
830 Из нас построен был твой флот,

Уже рутул до нас добрался
И не шутя огонь раздул.
Зевес, однако, постарался
И нас в русалок обернул.
Такая вышла передряга!
Чуть без тебя Иул, бедняга,
Не отдал душеньки богам.
Спеши на выручку дитяти,
Спасай троян от вражьей рати.
840 Ты должен духу дать врагам!»

Энея за нос ущипнула,
На том и кончив разговор,
И по воде хвостом плеснула,
Скликаючи своих сестер.
Русалки вмиг зашевелились,
Всем хороводом навалились —
Троянский подтолкнули флот.
Эней узрел свой стан в осаде
И крикнул в гневе и в досаде,
850 Что Турн черёво надорвет!

По пояс в воду прыгнул с лодки
Эней, в кулак собрав мотню;
Взмолился маменьке-красотке,
Призвал с Олимпа всю родню.
Тут соскочил Паллант, и с ходу —
Плюх-плюх за ним вся сволочь в воду.
«Смелей! — вскричал Анхизов сын. —
На помощь удальцам троянам
И на погибель басурманам,
860 Шагайте левой, как один!»

Троянцы в крепости узрели,
Что подоспел с подмогой князь,
И сразу будто одурели.
Земля под ними затряслась.
С ужасным топотом и гулом
Стремглав бегут они к рутулам
И супостатов бьют, как мух.
Пан Турн Энея ненароком
Вдали приметил ярым оком.
870 Со злости занялся в нем дух.

«Ребята, бейтесь, не виляйте!
Час грозной сечи наступил.
Дома и жен своих спасайте! —
Он в исступленье завопил. —
Стопы не отдадим бахвалам!
Их кости загребем оралом,
В нас — больше храбрости. Вперед!
Все олимпийцы нам ограда.
Чужих боков жалеть не надо.
380 Смутился, вишь, троянский род!»

Увидя кавардак во флоте,
С войсками к Тибру Турн валит;
Сам ерзает, как черт в болоте,
И про пожнву всем бубнит.
Он выбрал молодцов на славу,
Проворно их построил в лаву
И на союзных двинул вскачь.
Знай рубится, кричит, балует,
Как будто шутит, не воюет.
390 Был Турн увертлив и силач.

Эней-пройдоха, сам не промах,
В боях возрос и стал старей;
Был вожаком во всех содомах,
Видал медведей и хорей.
На свечку фукает пугливо
Дитя; Энею дурь — не диво!
Знавал он всяких мастаков.
Эней глядит на Турна косо,
Добраться пробует без спроса
400 До вражьих ребер и боков.

Сперва по темени Фарона
Погладил острым кладенцом
Столь метко, что Фарон с разгона
Вильнул вверх донцем, вниз лбом.
Засим Лихаса в брюхо тыкнул.
Тот повалился и не пикнул.
Упал без головы Кисей,
Под стать мешку с мукой, а Фара
В лепешку с одного удара,
410 Играя, превратил Эней.

Сынок Анхизов куролесил.
Он супостатов потрошил.
В бою немало начудесил
И без разбора всех крошил.
Паллант впервые шел на битву,
Горланил, как еврей молитву,
Носился из конца в конец,
До драки был не в меру жаден
И громко подстрекал аркадян,
426 Ярился, словно жеребец.

Но Даг — рутул весьма лукавый —
Узнал в Палланте новичка
И вздумал ради вящей славы
Поддать царевичу тычка;
Паллант, однако, изловчился,
И Даг с душою разлучился.
В аркадях закипела кровь.
Летят, несутся, пыль вздымая,
Как хворост, вражью рать ломая.
430 Что значит подданных любовь!

Паллант Эвандрович наскоком
Успел Гибсона уложить.
Пырнул в висок над правым оком —
И приказал он долго жить.
Смертельная постигла кара
Его и яростного Лара.
Вон Ретий в роспусках летит.
Паллант его схватил, — о боги! —
Ударил, как пузырь, об дроги,
440 И третий недруг был убит.

Вот! Вот! Ярится, бесом дышит
Агамемноненко Галес
И быстрым бегом всё колышет,
Точь-в-точь как в гневе сам Зевес.
Круша противников жестоко,
Он вышиб дух из Демотока,
Наткнул Фарета на клинок,
Прищелкнул, как блоху, Ладона.
Кричит: «Палланта, ветрогона,
450 Мне хватит на один глоток!»

Паллант, голубчик, молодчина,
Стоит, скрепясь, как твердый дуб,
И ждет — какая образина
Ему надрать желает чуб?
Дождался — и врагу с разгона
Такого закатил трезвона,
Что вверх тормошками он стал.
На горло наступив Галесу,
Паллант его отправил к бесу,
460 Ногами гневно растоптал.

И напоказ поставил задом
Авента, в зад его пихнув;
И Клавз отважный рухнул рядом,
Того же чаду здесь нюхнув.
Лишь сунься! — отутюжат хватски
Паллант и сброд его аркадский.
Турн видит: им пренебрегли.
И впрямь от этакой ватаги
Не меду жди, а только браги;
470 На камень косы тут нашли.

У Турна помутился разум.
Что супротив него Полкан!
Знай носится на Белоглазом,
Ревет, как раненый кабан.
Летит к Палланту, лошадь хлещет,
Зубами лязгает, скрежещет, —
Вот-вот укусит молодца!
Турн саблищей как замахнется
Да к шее конской как пригнется!
480 Так ловит хитрый кот скворца.

Паллант вильнул, под стать лисице,
И Турну оберучь мечом
Так запалил по пояснице,
Что дернул супостат плечом.
Паллант не дал ему очнуться,
Он нападения увернуться
И звезданул рутула в лоб.
Тот не поморщился. Куда там!
Кругом обшился он булатом
490 И был как в оболочке боб.

Палланта он мазнул чеканом
По черепу что было сил.
За русы кудри бездыханным
Царевича с коня сташил.
Из раны кровь текла густая
И запеклась, уста смыкая.
Недолог был Палланта век.
Увял, сердешный, поневоле
Былинкой скошенной в поле:
500 Турн череп надвое рассек!

На труп, злодею ненавистный,
Он стал могучею пятой.
С Палланта снял рукой корыстной
Ремень с лядúnкой золотой.
На своего коня взвалился,
Над мертвым паничем глумился
И крикнул, довершив удар:
«Возьмите рыцаря, аркадцы!
Союзнику Энея, братцы,
510 Эвандру отнесите в дар».

Аркадцы, увидав утрату,
Сдержать рыданий не смогли
И учинить клялись расплату,
Хотя бы все костями легли.
На щит Палланта положили,
Калмыцкой буркою прикрыли
И с поля потащили в стан.
Его оплакивали бурно,
Ругали кровопийцу Турна.
520 Да где ж троянский наш султан?

Громам и грохоту я внемлю,
Вокруг — смятенье вижу я.
Кто так трясет сырую землю?
Ее колеблет сила чья?
Как вихрь бушует на дорогах,
Как воды пенятся в порогах,
Так в ярости Эней летит;
Кровавой жаждет он расправы,
От гнева все дрожат суставы.
530 Он за Палланта отомстит!

«До лясу! . . Я вас, лиходеев!
Траву недолго вам топтать.
Куда как зол табак Энеев:
За Стиксом будете чихаты!»
Эней ревел, скакал, совался,
Как бык свирепый бесновался.
Вояк рутульских потрошил.
Махнет мечом — врагов десятки
Ложатся, выставляя пятки.
540 Так в лютом гневе их крушил!

Как ястреб хищный на цыпленка,
На Мага напустился он;
Пропаала слабая душонка,
Из тела запросилась вон!
Поджилки затряслись у Мага.
В ногах валялся он, бедняга,
Поосил в неволю взять живьем,
Но с белым светом распрощался.
Вдогон другим Эней помчался,
550 Врага пришив к земле копьем.

И на бегу поймал за рясу
Попа рутульского полку.
Он смертного набрался трясу,
Как пес, катаясь по песку.
Расстался с жизнью храбрый Нума,
Утратив и Сереста, кума.
Эней башку с Тарквита снял,
Камерта сбил с коня, Ансула
И Лука, грозного рутула,
560 К чертям за раками послал.

Покамест недругов калечит
По десять враз Анхизов сын,
На поле боя рвет и мечет,
Рутульских не щадя старшин, —
На таратайке в гневе яром
Стремглав летят Лукул с Лигаром,
Торопят, горячат коней.
Энея растоптать с разгону
Пытались братья, но к Плутону
570 Их души отослал Эней.

Он молодецки управлялся.
Рутулов молотил он всласть,
От супостатов избавлялся
И в городок спешил попасть.
Меж тем латинскую когорту
Троянцы протурили к черту
И, после вылазки лихой,
Навстречу своему Энею
Бежали, вешались на шею,
580 Галдели все наперебой.

Иул, как комендант исправный,
Здесь не ударил в грязь лицом
И как начальник войска главный
Предстал перед своим отцом.
Иул Энею рапортует,
А тот в уста его целует.
Не подкачал-таки сынок!
Недаром сердце трепетало,
Надежду лестную питало,
590 Что из дитяти будет прок.

Подвыпив, мордою склонялся
К Юноне на плечо Зевес.
Как дурень, чмокался, лизался,
К супружнице со скуки лез.
«Гляди, — сказал он ей в улогу, —
Как Турн дает троянцам ходу!
Они пустились наутек.
Венера — тьфу перед тобою.
Ты дивно хороша собою!
600 Всяк ладит на тебя силок.

Бессмертие мое ярится,
Роскошной ласки жду, дрожа.
Олимпа и земли царица!
Юпитеру ты — госпожа.
За смачный поцелуй твой сразу
Весь мир получишь без отказа». —
Вздыхнув, богиню стиснул так,
Что вместе с ним сама Юнона
Едва не скovyрнулась с трона.
610 Зевес набил себе синяк.

Хотя на хитрости пуститься
Матерой вздумалось лисе,
Юнона, козырь-молодица,
Уловки разгадала все.
«О ты, — сказала, — светоч ярый!
О езуит Олимпа старый!
Речей медовых зря не трать.
Уже давно меня не любишь,
А только с пьяных глаз голубишь.
620 Не подсыпайся! Полно врать.

Напрасно ты меня морочишь.
К чему туманить белый свет?
Как с девочкой балясы точишь!
Мне, знаешь ли, не двадцать лет.
Тебе не стану я перечить,
Но ты не позволяй увечить
Троянцам Турна моего.
С отцом он должен повидаться
И перед смертью попрощаться.
630 Мое желанье таково!»

Сказала — и впилась в Зевеса,
За поясницу обняла,
И свет померк в очах — завеса
Обоим на глаза легла.
Размяк Зевес, как после пару,
И вылакал подпенка чару.
Ни в чем Юнону не стеснял.
Она с ним в котика играла,
А в мышки так защекотала,
640 Что он раскис и задремал.

Все олимпийцы без изъятья
И громахающий их пан,
Нимало не стыдась, без платья
Гуляли, на манер цыган.
Нагая, как ладонь, Юнона
Скатилась тут же с небосклона
И парубком оделась вмиг.
Призвав на помощь Асмодея,
Обличье приняла Энея,
650 Помчалась к Турну напрямик.

Рутул ужасно расходился.
Досадой был он обуян.
Несолоно хлебав, сердился —
Зачем не припугнул троян?
Вдруг призрак в облике Энея,
В плаще покойного Сихея
Явился Турна задирать:
«Никчемный рыцарь, замухрышка!
Тебе, мозглявый витязь, крышка!
660 А ну-ка выйди помирать!»

Присяжный враг, держась кичливо,
Донельзя Турна уязвил.
На поединок звал криливо,
Вдобавок трусом отъявил.
Пан Турн затрясся, обозлился,
Холодным потом весь облился,
Проклятье изрыгнул в ответ.
Конем на призрак напирает,
А тот вильнул и удирает.
670 Рутул за ним помчался вслед.

Тот — не уйдет, сей — не догонит.
Вот-вот пырнет врага мечом!
Но в ярости ревет и стонет
Пан Турн, оставшись ни при чем.
«Ага, голубчик, удираешь?
Не в куклы с девками играешь!
Поймаю панича за чуб!
Со смертью мигом обвенчаю
И воронов потешу стаю.
680 Пусть расклюет она твой труп!»

Пан Турн за призраком Энея
Пустился к морю на коне.
Противник, будто бы робея,
Вдруг очутился на челне.
Рутул к Энею в лодку прыгнул
И думал, что его настигнул.
Теперь-то можно будет всласть
Над супостатом поглумиться
И кровью вражеской упиться,
690 В большие храбрецы попасть!

Но сам собою по безбурным
Волнам, покинув берега,
Челнок помчался с паном Турном.
Он счастлив был загнать врага.
Наскучив этой заварушкой,
Юнона в небо шасть кукушкой.
Едва не треснул молодец,
В сердцах очнувшись среди моря.
Да что поделаешь! — и с горя
700 Поплыл туда, где жил отец.

Юнона славно пошутила
И Турну пулю отлила.
На всех туману напустила,
Глаза Энею отвела.
Он был как в шапке-невидимке,
И плавал взор его, как в дымке.
Но, сызнова прозрев, Эней
Пришиб Лутага, Лавза; Орсу,
Парфену, Палму сбавил форсу;
710 Сгубил немало силачей.

Под самый городок троянский
Мезентий нагло подступал
И выкликал по-басурмански,
Что, дескать, пан Эней пропал!
«Давай, — кричит, — на ровном месте
С тобой сойдемся честь по чести,
Как двое стоящих парней!»
Столкнулись так, что от усилья
Рванулись, хрустнув, сухожилья.
720 Врага с коня спихнул Эней.

Пощады на давая чванным,
Всадил в Мезентия палаш,
И дух его со словом бранным
Пустился в черту на шабаш.
Эней победой утешался,
С дружиной славно угощался,
Зевеса жертвой ублажив.
До поздней ночи пьянство длилось,
И всё троянство с ног валилось.
730 Эней и сам был еле жив.

Уж заряница не с полушку
Светилась в небе, а с пятак
Или с пшеничную галушку,
И небо рдело, словно мак.
Анхизов сын созвал громаду
И молвил: «Нужно по обряду
Нам упокоить мертвецов.
Пускай возьмутся все трояне
По-братски, дружно с поля брани
740 Таскать убитых удальцов».

Эней Мезентия доспехи
На пень высокий насадил,
Но, видит бог, не для потехи:
Он Марсу этим угодил.
Пень выглядел, как рыцарь знатный:
Шишак и панцирь, щит булатный,
Копье с флажком и тяжкий меч.
Эней прокашлялся, сморкнулся,
К своей дружине обернулся
760 И выпалил такую речь:

«Герои! Казаки! Трояне!
Храбритесь! Наша, слышь, берет!
Поганый сей чурбан заране
Латинский град нам отопрет.
Но, прежде чем начнете биться,
Для мертвых нужно потрудиться;
Палланта, павшего в бою,
Эвандру бедному отправить
И поименно всех прославить,
780 Кто смелость выказал свою».

Эней в курень подался вскоре,
Где труп царевича лежал.
Вздыхал аркадский подкоморий
И мух любистком отгонял.
Троянские здесь плаксы были
И, как от боли в брюхе, выли.
Эней разрюмился и сам:
«Эхма, увял мой цветик мака!
То был недюжинный рубака.
770 Видать, угодно так богам!»

Сплели носилки из ракиты
И камышовый балдахин,
Чтоб наш покойник родовитый,
Единственный Эвандров сын,
Явился ко двору Плутона
Как пан, как знатная персона,
А не задрипанный голяк.
Палланта женщины обмыли,
По-праздничному нарядили,
780 Заткнули за щеку пятак.

Когда уж было всё готово,
Пришел соборный протопоп.
Надгробное начавши слово,
Он сбился и в затылке скреб.
Сказал: «Покойник сей не дышит,
Не видит, стало быть, не слышит.
Ей-ей! Увы! Он мертв, аминь!»
Народ премного умилился,
Растрогался и прослезился,
790 Забормотал: «Пан отче, сгинь!»

Палланту покадив, чин чином
Беднягу вынесли на двор;
Его узрев под балдахином,
Эней рыдал и очи тер.
Усопшему на покрывало
Пошло Дидоны одеяло —
Сынка Анхизова трофей.
Носилки взгромоздив на плечи,
Тащились воины далече —
800 К Эвандру, в город Паллантей.

И в чистом поле, на просторе,
Эней простился с мертвецом,
Сказав: «Бурливо жизни море!
Вольно́ играть ему пловцом.
Прощай, приятель задушевный!
За нынешний твой вид плачевный
Рутулу я воздам с лихвой».
Палланту низко поклонился,
Облобызав его, пустился
810 Домой с поникшей головой.

Во власти грустных размышлений
К себе вернулся пан Эней,
И только что ввалился в сени,
Как натолкнулся на гостей.
Пришли послы царя Латина,
Все сплошь — ассессорского чина;
Один — армейский капитан;
Он век по свету волочился
И по-фригийски научился.
820 В посольстве был он драгоман.

Латинец родом познатнее
Немедля выступил вперед.
Кто не поймет его рацей —
Прочтите этот перевод:
«Окостенелый труп — не враг.
Как воин он уже не дорог:
Лежит на поле без души!
О князь, тела убитой рати,
Как водится, земле предати
860 Ты, сделай милость, разреши!»

Эней, к добру с рожденья склонный,
Сказал послам латинским так:
«Латинус рекс неугомонный,
А Турнус пессимус дурак.
И кваре вам сражаться мекум?
Латинуса считаю цекум,
Сеньорес, олухами — вас.
Латинусу рад пацем даре,
Пермитто мертвых погребаре,
840 И корам вас мой гнев угас.

Один лишь Турнус недруг меус,
Сам эрго дебет воевать;
Так хочет фатум! — ут Энеус
Вам будет рекс, Амате зять.
Назначив с Турнусом дуеллюм,
Мы приведем ад финем беллюм.
Не всем же сангвис проливать!
Укажет глядиус, вель деус,
Достоин Турнус иль Энеус
860 Латинским сцетро обладать?»

Посольству речь пришла по нраву,
И первый осмелел Дрансес.
Не посрамил свою державу,
В карман за словом не полез.
Воскликнул: «Ты на свет родился
Затем, чтоб он тобой гордился.
О князь! Величье — жребий твой.
Мы всё в уста Латину вложим,
Царю мы уяснить поможем,
860 Что дружба с Турном — звук пустой».

Пошли на мировую вскоре,
До срока прекратили рать
И положили в договоре
Латинских плотников призвать,
Чтоб живо помогли троянцам,
Бездомным этим голодранцам,
Достроить новый городок;
Чтоб нарубить вольготно было
Дубков, осины на стропила,
870 Сосновых натесать досок.

И, согласясь на мировую,
Пустили чарочку кругом;
Пошла гульня напропалую,
Делились дружно табачком.
Одни порядком нагрузились,
Другие с мертвыми возились;
В лесах стояла стукотня.
Сложив забот военных бремя,
Троянцев и латинцев племя
880 Сошлись, как близкая родня.

Эвандра всхлипы, вопли, крики,
Стенанья, — словом, без прикрас
Печаль аркадского владыки
Я описал бы вам как раз.
Да полно! Стоит ли усилий?
На это нужен сам Вергилий!
Вдобавок ныть я не мастак.
Мне охи, слезы — пуще смерти.
Я сроду не грустил, поверьте.
890 Авось, друзья, сойдет и так!

Блеснула в небесах денница,
Померкли звезды, и опять
Взялась троянская станица
Убитых воинов таскать.
Эней с Трахоном разъезжает,
К трудам дружину понуждает;
Кладут, как бревна, труп на труп,
Сухой соломой покрывают
И троекратно поливают
920 Смолой и маслом каждый сруб.

Вот искры высекли огнивом,
И пламя обняло тела,
И память вечную с надрывом
Завыли так, что жуть брала.
Здесь кость, и плоть, и жир скворчали;
Иные смалец источали,
У многих лопался живот,
И было дымно, чадно, смрадно.
Жрецы трудились тут изрядно:
910 Искони бе хаптурный род.

Однополчане, други, сваты,
Отец и сын, свояк и кум,
Во имя горестной утраты,
А кто и просто наобум,
В костры швыряли седла, сбрую,
Доспехи, обувь дорожную,
Мешки онуч, лаптей, сапог,
Ляду́нки, сабли, шапки, свитки;
Оружье, утварь и пожитки
920 Метали, как снопы на ток.

В Лавренте тоже грустно было,
Народ являл прискорбный вид;
Сжигали мертвецов уныло,
Ревели на чем свет стоит.
Где сын пропал ни за копейку,
Там клял отец войну-злодейку,
А с ней и дряхлого царя;
И девка крепко убивалась,
Что без венца вдовой осталась,
930 Утративши богатяря.

Растрепаны, простоволосы,
Метались женщины, крича,
И на себе терзали косы,
Одежды рвали сгоряча.
Латина громко поносили,
Истошно выли, голосили,
Рыдали подле мертвых тел;
Себя, стенаая, били в груди,
Ругали Турна: гибнут люди
840 Из-за его любовных дел!

Браня рутула за упорство,
Твердил Дрансес: «Его вина!
Пусть выйдет на единоборство —
И сразу кончится война».
Нашелся между тем сутяга,
Брехун, юрист, крючок, плутяга,
Который Турна защищал,
И все Аматины клеветы
Давали шепотом советы,
950 Чтоб нипочем не уступал!

Толкнулись к хану Диомиду
Тогда латинские послы;
Вернулись, — молвить не в обиду, —
Не так чтоб очень веселы.
Латин запиской именною
Созвал вельмож со старшиною,
Чтоб выслушать своих послов.
Поспешно собрались вельможи,
Что ко двору Латина вхожи,
960 И молвил царь без дальних слов:

«Венул! Ты человек правдивый
(Об этом знает наша Сечь)
И, говорят, небоязливый.
Перескажи мне хана речи!»
— «О царь, я твой слуга смиренный,
Никчемный самый и презренный,
Не гневайся! — сказал Венул. —
Мужичья правда очи колет,
А панская — как пан изволит!
970 Нам хан такое завернул:

„Не с мордой, говорит, Латина
Троянских одолеть вояк!
Не лучше ль было для почина
Узнать, каков Эней казак?
Когда мы осаждали Трою,
Оборонять пришлось герою
Богов домашних и родню;
Он на закорках в злую пору
Отца втащил на Иду-гору,
980 Не посчитайте за брехню!

Латину растолкуйте внятно:
Эней мне кажется святым.
Идите лучше на попятный
И не воюйте больше с ним.
Да есть ли дети впрямь такие,
Чтоб кудри батькины седые
Ценили выше всяких благ?
Зачем обманывать Латина?
Мне мил Анхизов сиротина.
990 Энею, братцы, я не враг.

Прощайте, домини латинцы!
Счастливый путь, поклон царю!
Отдайте вы свои гостинцы
Троянскому богатырю
И, не шутя, не для блезира,
Просите у Энея мира!“»
На том и речи был конец.
В предчувствии лихой години,
Латин исполнился кручины.
1000 Дрожал на лысине венец.

Немножко помолясь, очнулся
Латин от невеселых дум,
Но, глядя сентябрем, надулся
И был с вельможами угрюм.
«Что! Взяли? — молвил с кислым видом. —
Носились больно с Диомидом,
А он и дулю показал.
Вам было загодя, болванам,
Управиться с троянским паном,
1010 Покамест ног на стол не клал.

Теперь Анхизова отродья
Не протурить вовеки нам.
Ключок землицы и угоды
Отдам троянским шатунам:
Поля, луга, леса, покосы,
Для рыбной ловли — Тибра косы.
И станет нам Эней — сосед.
Не захоти он здесь остаться
И по свету пустись болтаться, —
1020 Мы всё ж избавимся от бед.

С Энеем нужно лад уставить:
К нему сейчас десятков пять
Послов с подарками отправить, —
Да позатейливей сыскать!
Повидло, сало, осетрину,
На праздничный кафтан люстрину,
Цветной кушак Энеем дам,
Козловые сапожки тоже
И табеньки тисненой кожи.
1030 А нуте! Как сдается вам?»

Дрансес был краснобай великий
И пану Турну лютый враг.
Усы расправив, он владыке
Латинскому ответил так:
«О царь над здешними местами!
Твоими пить бы мед устами.
Ты в нас вливаешь бодрый дух.
К тебе сердцами тяготеем,
Сидим, молчим, солим, потеем,
1040 Не смея высказаться вслух.

Пускай заносчивый, надутый,
Похожий впрямь на сатану,
Разбойник, ненавистник лютый,
Что всех людей втравил в войну,
Что причинил нам столько боли,
Народу тьму сгубил на поле,
А сам — за шапку и бежать,
Что вас, вельможи, за нос водит, —
Пусть этот храбрый Турн выходит
1050 С Энеем силы поравнять.

Пусть нас покинет честь по чести,
Царевне пусть вернет покой,
Пускай живет в своем поместье,
А к нам, в Латию, — ни ногой.
Благое, царь, прими решение,
Энею сделай подношение:
Ему Лавинию отдай.
Ты нам даруешь мир желанный
И уврачуешь царства раны;
1060 С Энеем дочке будет рай.

Тебя, пан Турн, прошу отныне
Любовь к Лавинии забыть,
Не потакать своей гордыне
И кровь латинцев пощадить.
Эней ведь нас не задевает,
Тебя лишь драться вызывает.
Ступай, с троянцем поборись
И, если ты — не пустомеля,
Геройство докажи на деле:
1070 Побить Энея умудрись!»

Пан Турн разгневался, однако!
Кривились губы, весь дрожал,
Зубами лязгал, как собака,
Синей утопленника стал.
Вскричал: «Матерый ты лгунище!
Всех козней мерзостных жилище!
Равняешь витязя с хорем?
В народе распускаешь бредни,
Клевещешь, как брехун последний,
1080 Ты на меня перед царем,

Что, дескать, я хочу оттяпать
Головку лысую твою;
Да пропади ты, старый лапоты!
Не стану честь марать свою!
А ты, Латин благолюбивый,
Давно ли стал такой пугливый,
Что царство для тебя — пустяк?
Перед Энеем ползай раком,
Пластайся перед сим трояком!
1090 Дождешься мира! Как не так!

Но если миру я — помеха,
И в поле ждет меня Эней,
И смерть моя для вас потеха, —
Отвага есть в душе моей!
Мечом по-прежнему владея,
Не испугаюсь я злодея,
Столкнемся мы лицом к лицу.
Будь он Полканом иль Бовою,
Я с ним померяюсь главою!
1100 Дам бой Энею-беглецу».

В конгрессе с Турном препирались,
А чужестранцы в тот момент
Брать город штурмом собирались.
Эней привел их под Лаврент.
Пропали рассужденья втуне,
Латин пустил со страху слюни;
«Вот вам и мир!» — съязвил рутул.
Сробели старшина со знатью,
А Турн явился перед ратью
1110 И даже глазом не моргнул.

Опять народ зашевелился.
Шум, гам, смятение, суета.
Кто чертыхался, кто молился.
Кто — в крик, а кто сомкнул уста.
Опять война! Опять кручина!
Заботы гнут в дугу Латина.
Он кается от всей души —
Зачем не стал Энею тестем?
Теперь бы тихо-мирно есть им
1120 Коржи, потапцы да кныши!

Одев булатом грудь и спину,
Троян закоренелый враг
Подуськивал свою дружину
Побить Энеевых бродяг.
Сначала подскочил к Камилле,
Как добрый жеребец к кобыле.
Мессапа дьявольскую рать
Царице дал он в подкрепление
И прочитал ей наставление —
1130 Куда-де с войском напирать.

Сказал — и на гору-громаду
Махнул до самых облаков.
Устроить он хотел засаду —
Фригийцам надавать пинков.
Эней на вал повел ватагу
И приказал: «Назад ни шагу!» —
Пред строем обнажив свой меч.
Идут! Идут, сомкнувшись тесно,
Сразиться с недругами честно.
1140 Идут, костями готовы лечь.

Троянцы налетели дружно,
Наваливались на врагов
И оттесняли их натужно
До самых городских валов.
Латынь, оправясь от удара,
Атаки отбивала яро.
За чуб таскал чин чина там,
Как петуха петух — за гребень.
Толкли один другого в щебень
1150 И молотили по зубам.

Но вот Арунт убил Камиллу.
Тогда латинцев обнял страх;
Утратили задор и силу,
Бежать пустились впопыхах.
Их дула Троя в хвост и в гриву.
Латинцы — быть бы только живу! —
Назад чесали во всю прыть.
Ворота башен замыкали,
Своих в укрытье не пускали:
1160 Чужих боялись напустить.

Турн скорчил пакостную мину,
Увидя, что произошло.
Хоть плюнь, — скривил он образину
И на людей косился зло.
Едва не лопнул он с досады
И вывел войско из засады.
Покинул спешно гору, лес
И только что сошел в долину,
Как натолкнулся на дружину —
1170 Узрел Энеевых повес.

Мгновенно разгорелись страсти.
Хотели Турн и пан Эней
Друг друга разодрать на части.
Был каждый лют, как Асмодей.
Не обойтись бы тут без боя.
По счастью, в воду с перепоя
Пан Феб до времени залез,
И под покровом темной ночи
У всех слипаться стали очи.
1180 Любой уснул головорез.

Несолоно хлебавши снова,
Пан Турн остался в дураках.
Латину буркнул он сурово,
Зубами скрежеща в сердцах:
«Скажи задрипанным троянцам, —
Твоим проклятым голодранцам, —
Пускай не пьются назад!
Иду с Энеем потягаться,
В своих проступках оправдаться.
1190 Убить и околеть я рад!

К Плутону ль отошлю Энея?
Ввалюсь ли в пекло невзначай?
Мне жить, ей-богу, солонее!
Врагу Лавинию отдай. . .»
— «Эхма! — Латин тут отозвался. —
С чего ты так разбушевался?
А если рассержусь и я?
Под старость лет брехать мне стыдно.
Чтоб не было богам обидно,
1200 Скажу всю правду, не тая:

За земляком не быть Лависе!
На это есть судьбы запрет.
От олимпийских сил завися,
За послушанье жду я бед.
Меня Амата уломала
И так бока мне натолкала,
Что я Энею отказал.
Жить? Нет ли? Что ж, тебе виднее!
Но было бы всего умнее,
1210 Когда б меня ты развязал

И позабыл мою Лависю.
На свете мало ли невест?
Ну взял бы Муньку или Присю,
Из этих, из других ли мест. . .
В Ивашках, Мыльцах, Пушкаривке,
И в Будищах, и в Горбанивке
Теперь девчат хоть пруд пруди!
На этот счет у нас не скудно.
Замужнюю украсть не трудно, —
1220 Ты только по душе найди!»

Тем временем явись Амата!
В князька рутульского впилась,
Лобзала в губы стратилата,
Над ним рыдала и тряслась.
«С Энеем не спеши сразиться! —
Сквозь слезы молвила царица. —
Коль треснешь — пропаду и я!
Нас боги без тебя покинут,
Латинцы и рутулы сгинут,
1230 А заодно и дочь моя».

Пан Турн, от гнева цепenea,
Не хочет знать ни слез, ни слов,
Гонца немедля шлет к Энею,
Чтоб завтра биться был готов.
Эней сгорал от нетерпенья.
Он дожидался столкновенья,
Чтоб Турну отхватить башку,
И сам спешил гонца отправить —
Условиться, как рать расставить;
1240 Был с паном Турном начеку.

К заре кишмя кишело всюду.
Сметая всё перед собой,
Тьма-тьмушая честного люду
Ломила поглазеть на бой.
Чтоб не теснить полки полками,
Межевщики пришли с колками
И стали площадь размерять.
Свиней, овец, козлов заклали
Жрецы, молясь, чтоб ниспослали
1250 Им олимпийцы благодать.

В доспехах праздничных, под стягом,
Рядами стройными, как в бой,
Шло войско молодецким шагом,
И ратник пыжился любой.
Две армии враждебных вскоре
Расположились на просторе.
Со всех сторон валил народ,
Толкался, напирал, толпился;
Всяк лез, пихался — торопился
1260 Узреть побоища исход

Юнона, как богиня, знала,
Что Турну суждено пропасть,
Но голову себе ломала,
Нельзя ли отворотить напасть?
Покликала сестрицу Турна,
Русалку, что звалась Ютурна;
Всё рассказав ей под шумок,
Велела хитрости набраться
Да не зевать, иначе братца
1270 Сотрут, как пить дать, в порошок.

Покуда эти две мудрили,
Здесь двое снаряжались в бой.
Свои за них богов молили:
«Пускай в яичницу герой
Собьет врага!» Но слух некстати
Прошел среди рутульской рати,
Что Турн-де может скиксовать.
Он загодя смотрел уныло,
Скривился так, что лучше было
1280 Сраженья впрямь не затевать.

А тут Ютурна для затравки
В ряды втесалась, как на грех.
Вертелась наподобье шавки
И живо всполошила всех.
Затем прикинулась Камертом,
Твердила, подбоченья фертом,
Что стыдно Турна выдавать,
Стоять при этом сложа руки,
Себя же — обречь на муки
1290 И шею под ярмо совать.

Раздался гул в рутульском войске.
Негромко возроптала рать,
А после гаркнули по-свойски,
Чтоб замирение разорвать.
Ютурна фигли здесь творила,
Скворцами кобчика травила,
И заяц волка искусал.
Толкуя всё к добру, лаврентцы
Дивились чуду, как младенцы.
1300 К войне Толумний подстрекал.

Рутулов подбивая драться,
Он первый выскочил вперед,
Пальнул в Гилипенка, аркадца,
И взбеленил аркадский род.
И снова завязали сечу!
Друг другу понесли навстречу.
Кто мчится на коне, кто пеш.
Кричат и рубят, бьют, стреляют,
Лежат, бегут и догоняют.
1310 Не поле битвы, а кулеш!

Эней правдивый был парняга,
Ему претил такой разлад.
А тут враждебная ватага
Послать фригийцев хочет в ад!
«Сбесились? — крикнул. — Что такое?
Деремся я да Турн — всех двое.
А мир ломать вы не вольны!»
Внезапно стрелка зажужжала,
Впилась в бедро и задрожала, —
1320 И кровь забрызгала штаны.

Хромая, обливаясь кровью,
К себе в шатер Эней побрел.
Иул заботливо, с любовью,
Энея под руку повел.
А Турн взыграл и, полон чванства.
На супротивное троянство,
Коня пришпорив, налетел,
Храбрится, яростью вскипает,
Бьет, режет, рубит, насыпает
1330 Кругом холмы из вражьих тел.

Сначала Фи́ла с Тама́рисом
Об землю головами — бух!
Затем Хлоре́я с Себа́рисом
Расплющил, как букашек двух;
Дерету, Главку, Ферсилогу
Поранил руки, шею, ногу;
Врагов калечил вновь и вновь.
Конем их растоптал без счету,
И тот бродил, как по болоту,
1340 Месил копытом грязь и кровь.

Коробилась душа Эне́я,
Пока троянцев Турн косил.
Страдая пуще Промете́я,
От боли он лишился сил.
Япид, цирюльник лазаретный,
Всех порошков знаток приметный
И не последний коновал,
За пояс полы затыкает,
По локоть руки обнажает
1350 И нос очками оседлал.

Увидел, приступивши к делу,
Что в мякоти шпене́к застрял;
Прикладывал припарку к телу,
И шилом в ране ковырял,
И смазывал сапожным варом,
Но все труды пропали даром.
Япид бессилен. . . Вот печаль!
Давай тисочками, клещами,
Шипцами, крючьями, зубами
1360 Тащить предательскую сталь.

Щемило сердце у Венера́.
Подол повыше подобрал,
Она принять спешила меры —
Сынку нарвать лечебных трав.
Добыл проворный Купидончик
Га́рлемских капель ей флакончик,
Живой воды принес ведро.
Смешали, наскоро взболтали,
Слегка над зельем пошептали,
1370 Энею полили бедро.

Лекарство было чудотворным,
Промыло рану, боль сняло
И с копейцом стрелы упорным
Япиду сладить помогло.
Эней опять приободрился,
В мамашин панцирь нарядился,
Взял меч в окрепшую ладонь.
Летит расправиться с врагами,
В своих раздуть отваги пламя,
1380 Разжечь в них мужества огонь.

За ним — фригийцы-воеводы!
А войско ходит ходуном,
Как в мельничных колесах — воды,
И всё ворочает вверх дном.
Эней лежачих объезжает
И беглецов не догоняет,
Ища рутульского князька.
Ломает голову Ютурна,
Не знает, как спасти ей Турна
1390 От смертоносного клинка.

У девушек свои уловки.
Сумей лишь за сердце задеть!
Не растеряются плутовки
И сатану поймают в сеть.
Ютурна с облака спорхнула,
Возницу братнина спихнула,
На всем скаку за вожжи — хватъ.
Пан Турн гонял тогда в телеге:
Надселся Белоглазый в беге,
1400 Пришлось в обозе отдыхать.

Конями ловко управляя,
Ютурна вьется меж полков;
Как от борзых лиса, виляя,
Спасает брата от врагов.
С ним где-то впереди маячит,
Назад напропалую скачет,
Но где Эней, там Турна нет!
Троянцу это не по вкусу:
Турн празднует бесстыдно трусу!
1410 Эней стремглав помчался вслед.

И, взора не спуская с Турна,
Во все гужи за ним тянул,
Но смухлевала вновь Ютурна,
И враг заядлый улизнул.
А тут еще Мессап с наскоку
Метнул в Энея камнем сбоку.
Эней, по счастью, не погиб.
Он уберется от изъяна,
И только верх его султана
1420 Булыжник, пролетая, сшиб.

Такой предательской повадкой
Анхизов сын был оскорблен.
Зевесу помолясь украдкой,
На всю громаду гаркнул он.
Вперед полки внезапно двинул
И с войском на врагов нахлынул.
Ну шпиговать, крошить и сечь,
Рубить рутулов и латинцев,
Наездников и пехотинцев.
1430 Но как бы Турна подстеречь?

Я, братцы, не надеюсь даже
Картину битвы набросать,
Хотя и тщусь как можно глаже
Стихи об этом написать.
Такая уж моя планида,
Что выйдет разве панихида —
Простая роспись, без затей,
Всем воинам, убитым в поле,
Сложившим кости поневоле
1440 По прихоти своих князей.

Сей участи не избежали
Цетаг, Танаис и Толон;
Энеем сражены, лежали
Невдалеке Онит, Сукрон;
Троянцев Гилла и Амика
Спихнула в пекло Турна пика. . .
Да где ж их поименно знать!
Ведь супостаты так смешались,
Стеснились, что уже кусались, —
1450 Руками не могли махать.

И фыркнула в башку Энею
Его божественная мать,
Чтоб он войскам сказал рацею,
Велел им город штурмом брать,
Пробить в Лаврент столичный дверцу,
Задать Латину с Турном перцу,
Рутульских проучить собак.
Анхизов сын старшин скликает,
На новый подвиг подстрекает;
1460 Взойдя на холм, кричит он так:

«Моим словам не удивляйтесь.
Не я, — Зевес их произнес.
С дружиной тотчас отправляйтесь
Брать город, где паршивый пес
Латин-изменник жрет сивуху,
Пока мы бьемся что есть духу.
Рубите вдоль и поперек!
Сожгите царскую палату,
Спалите ратушу! Амату,
1470 Чтоб не царапалась, — в мешок!»

Оружьем войско загремело,
Как будто прокатился гром.
Построилось и полетело
К стенам Лаврента пряником.
Для штурма лестницы таскали
И стрелы тучами пускали,
Огни метали через тын;
И, чтоб услышал неприятель,
Кричал Эней: «Ваш царь — предатель!
1480 Всех зол причина — ваш Латин!»

А кто в столице оставался,
Тому грозила впрямь беда.
У всех рассудок взбунтовался,
Бежать стремились — но куда?
Кто трясся, кто облился потом.
Иные бросились к воротам —
В Лаврент открыть троянцам вход.
Другие кинулись к Латину
И призывали старичину,
1490 Чтоб лез на вал — спасать народ.

Амата глянула в оконце,
И бросило царицу в жар:
От дыма, стрел затмилось солнце,
Пылает в городе пожар;
Не видя Турна, ужаснулась,
И в жилах кровь у ней свернулась.
Нашел на бедную туман.
Ей Турн мерещился убитый:
Из-за нее стыдом покрытый,
1500 Он стал посмешищем троян.

Всё, всё ей сделалось постыло,
И жизнь казалась немила.
Себя кляла, Олимп костила,
Одежды царские рвала.
Амата, здравый смысл утратив,
С ума, по всем приметам, спятив
И волю дав своей хандре,
Забормотала ахинею,
Очкур накинула на шею,
1510 Повесилась на очкуре.

Конец Аматы басурманский
Лависю будто огорчил.
«Увы!» — воскликнула по-пански
И ну дрочиться что есть сил.
Цветные платья рвет, швыряет,
Убор печальный примеряет, —
Царевне черное под статы!
Мгновенно галкой нарядилась
И перед зеркальцем училась
1520 Умильно хлипать и моргать.

Об этом горестном уроне
Узнали в городе, в полках.
Латин, развалина, тихоня,
Едва держался на ногах.
Он по теченью плыть пустился
И столь плачевно искривился,
Что стал похожим на башмак.
Весть про Аматину кончину
Повергла всю латынь в кручину.
1530 Смутился даже Турн, смельчак.

Когда надумала царица
На шее затянуть очкур,
Пан Турн давай кричать, браниться,
Остервенел, как злобный кнур;
Руками машет с диким ревом,
К войскам несется — грозным словом
Прервать кровопролитный бой.
Послушны Турнову приказу,
Латинцы и рутулы сразу,
1540 Утихомирясь, стали в строй.

Эней обрадовался вести,
Что Турн выходит биться с ним;
Осклабясь, постоял на месте
И помахал копьём своим.
Прямой, как струнка, величавый,
Бывалый, дошлый, тертый, бравый, —
Ни дать ни взять — Нечёса-князь!
Глазами все его сверлили,
Враги — и те его хвалили,
1550 Свои ж любили, не боясь.

Тут вожаков свирепых пара
Сошлись, вступить готовы в бой.
Зубами заскрипели яро,
Переглянувшись меж собой.
Со свистом сабельки взлетели,
Цок-цок! — лишь искры заблестели;
Один другого хворостят.
Пан Турн ударил, не робея,
Сбил кирею с плеча Энея.
1560 Эней попятился назад.

Опомнившись, врагу с наскока
Сто за сто отплатил Эней.
Чужой клинок в мгновенье ока
Он саблей разрубил своей.
Как Турну быть? Собрав отвагу,
Он думает — не дать ли тягу?
Нельзя без сабли воевать.
Давай бог ноги! Без оглядки
Рутулец Турн во все лопатки
1570 Стал от Энея удирать.

Бежит пан Турн, и причитает,
И просит у своих меча.
Никто беднягу не спасает
От рук троянца-силача.
Но, вмиг успев перерядиться,
Явилась перед ним сестрица
И в руку сунула палаш.
И снова сабельки блистали,
И снова панцири бряцали,
1580 И Турн приободрился наш.

Не в силах скрыть свою досаду,
Зевес бранить Юнону стал:
«Не ждешь ли, чтоб тебя по заду
Я молниями отхлестал?
От вас, от баб сварливых, дрягчи!
Задать бы вам хорошей встряски!
Давно известно всем богам:
Эней Троянец будет с нами
Кормиться теми ж пирогами,
1590 Какие печь велю я вам!

Где разум твой, скажи на милость?
Бессмертного ты не убьешь.
Зачем за Турна ты вступилась,
Людскую кровь напрасно льешь?
Его сестрицу на проказу
Подбила: по чьему приказу
Палаш Ютурна принесла?
Оставь-ка ты в покое Трою!
Уже троянскому герою
1600 Довольно сделала ты зла!»

Юнона тут угомонилась
И Зевсу молвила: «Ей-ей,
Глупа была я, провинилась!
Прости, отец мой! Прав Эней.
Пусть оседлает он рутула,
Латина прочь спихнет со стула,
Свой род здесь крепко утвердит.
Но только пусть латинцев племя
Блюдет и в будущее время
1610 Язык, название, веру, вид».

«Что ж, быть по-твоему отныне!» —
Жене Юпитер отвечал.
Плясала с радости богиня,
А Зевс «метелицу» свистал.
Всё на безменах он развесил
И, чтоб никто не куролесил,
Ютурну отослал на дно.
Не смертных писана руками
Та книга Зевсова с судьбами,
1820 В которой всё предрешено!

На Турна наступает грозно
Эней с копьем наперевес.
Врагу кричит: «Сдавайся, поздно!
Теперь тебя не спрячет бес!
Как ни вертись — хоть серым волком
Оборотись ты тихомолком,
Хоть зайчиком проворным стань,
Хоть в небо лезь, ныряй хоть в воду, —
На дне морском сышу и с ходу
1830 Расплющу этакую дрянь!»

Эней надменными речами
Нисколько Турна не смутил.
Пожав широкими плечами,
Он ус беспечно закрутил
И молвил: «Нечего хвалиться,
Покуда не в руках синица!
Я вовсе не тебя боюсь,
Но олимпийцы нами правят,
Они теснят меня и дают.
1840 Лишь перед ними я смирюсь».

Сказавши, повернулся круто
И камень в пять пудов берет.
Но понатужился, как будто
Рутулец Турн уже не тот.
Не прежняя в нем удаль, сила.
Ему Юнона изменила,
А без богов — какой размах?
И камень изменил тяжелый!
Не долетев, он рухнул долу,
1050 И Турна взял великий страх.

Эней в счастливую годину
Копье покрепче раскачал
И Турну, гадовому сыну,
На память вечную послал.
Как за цыпленком ястреб дикий,
Гудя, свистя, несется пика
И в левый бок рутульца — тык!
Свалился Турн подобно жерди.
От боли корчась, ждет он смерти,
1660 Клянет Олимп, как еретик.

Латинцы громко ужаснулись,
Рутулы испустили клич,
Троянцы едко усмехнулись,
А боги пили магарыч.
Пан Турн одолевает муки,
К Энею простирает руки
И слово слезное речет:
«Не жизни я хочу подарка!
Твоя, Анхизович, припарка
1670 За Стикс меня поволочет.

Есть у меня родитель милый.
Он стар, беспомощен и хил;
С тоски сойдет небось в могилу!
Но мне уж этот свет постыл;
Как казакá, тебя прошу я,
Мне милость окажи большую:
Когда умру, сражен тобой,
Отправь безжизненное тело
Отцу, — сверши благое дело! —
1680 И выкуп можешь взять любóй».

Эней совсем преобразился,
Услышав горестную речь;
Он чуть было не прослезился,
И Турна миновал бы меч.
Но вдруг патронницу Палланта
По блеску золотого канта
Наш витязь опознал на нем,
Внезапным гневом пламенея;
И затряслись уста Энея,
1690 И взор запылал огнем.

Схватил он Турна за чуприну
И вверх тормашками швырнул,
Нажал коленом на детину
И басом громовым рыкнул:
«Ты нам, троянцам, в посрамленье
Надел Палланта снаряженье
И думаешь уйти живым?
Но сам Паллант мечом Энея
Спровадит в пекло лиходея.
1700 Ступай к чертям, дядьям своим!»

Эней, сказав такое слово,
Свой меч вонзил рутулу в рот
И трижды повернул сурово,
Чтоб лишних избежать хлопот.
Безропотно покинув тело,
Душа рутула полетела
К Плутону в пекло неспроста.
Не будет никогда вольготно
Тому, кто прожил беззаботно,
1710 Тому, чья совесть нечиста.

1794 — нач. 1820-х гг.

ПЪЕСЫ

НАТАЛКА ПОЛТАВКА

Опера малороссийская в двух действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Возный Тетерваковский.
Горпина Терпилиха — вдова-старуха.
Наталка — дочь ее.
Петро — любовник Наталки.
Микола — дальний родственник Терпилихи.
Макогоненко — выборный села.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Театр представляет село при реке Ворскле. Чрез сцену — улица малороссийских хат, к реке ведущая, и в сей улице хата Терпилихи.

ЯВЛЕНИЕ I

Наталка (*выходит из хаты с ведрами на коромысле, подойдя к реке, ставит ведра на берегу, подходит на край сцены в задумчивости и поет*).

Ж 1

Веют ветры, веют буйны, и деревья гнутся.
Ой, как стонет мое сердце, а слезы не льются!..

Без конца теперь терплю я горе-неудачу,
Лишь тогда мне легче станет, как тайком поплачу.

Не помогут слезы горю, — сердцу ж легче будет.
Кто счастливым был часочек, долго не забудет.

Есть же люди, что и этой завидуют доле.
Разве счастлива былинка, что поднялась в поле?

Без росы она на солнце клонит стебель тонкий,
Без любимого жить тяжело и в родной сторонке.

Где ты, милый, чернобровый? Всё тебя зову я...
Погляди, как я страдаю, без тебя тоскую.

Полетела бы к тебе я, да куда — не знаю.
Посмотри, как без тебя я с горя иссыхаю.

Кто теперь меня обнимет, кто здесь приголубит,
Если нет того со мною, кто меня так любит?

Ах, Петро, Петро! Где ты теперь? Может, скитаешься в
нужде да горе и проклинаешь свою долю, проклинаешь
Наталку за то, что пристанища из-за нее лишился? А мо-
жет... (*плачет*) позабыл, что я живу на свете! Ты был
беден, любил меня и много горя за то принял, и должен
был меня оставить; я тебя любила и теперь люблю. Мы
теперь ровня с тобою; я стала такой же бедной, как и
ты. Вернись же ко мне! Пусть поглядят на тебя хоть
разочек мои очи, а потом и закроются навсегда...

ЯВЛЕНИЕ 2

Наталка и Возный.

Возный. Благоденственного и мирного пребывания!
(*В сторону.*) Удобная оказия предстала сделать ей пред-
ложение наедине!

Наталка (*кланяясь*). Добрый день, добродию пане
возный!

Возный. Добродию!.. Добродию!.. Я хотел бы, что-
бы ты звала меня — того, как его — не вышеупомянутым
имярек.

Наталка. А я зову так, как все наше село вас ве-
личает, уважая вашу ученость и ум.

Возный. Да не о том, милушечка, — того, как его —
я хлопочу. Но желаю из медовых уст твоих умильтель-
ное название, сообразное чувствам моим, услышать. Вот
послушай!

От юных лет не знал я любви,
Не ощущал возжжения крови,
Как вдруг предстал Наталкин лик ясный,
Как райский крин — душистый, прекрасный

Утробу всю потряс...
Кровь взволновалась,
Душа смешалась, —
Настал мой час!

Настал мой час, и сердце всё стонет!
Как камень, дух в пучине зол тонет.
Безмерно — ах! — люблю ты, девицу,
Как жадный волк младую ягницу.

Твой предвещает зрак
Мне жизнь дражайшу,
Для чувств сладчайшу,
Как с медом мак.

Противны мне Статут и разделы,
Иски, суды страх надоели.
Несносен мне синклит весь бумажный,
Противен также чин мой преважный.

Утеху ты подай
Душе смятенной,
И драгоценный
Дай сердцу рай!

Не в состоянии поставить тебе на вид всей силы любви моей!.. Когда бы я имел — того, как его — столько языков, сколько артикулов в Статуте или запятых в Магдебургском праве, то и их недостало бы для восхваления красоты твоей! Ей-ей, люблю тебя... до бесконечности.

Наталка. Бог с вами, добродию!.. Что вы говорите... Я речей ваших никак в толк не возьму.

Возный. Лукавишь — того, как его — пташечка моя! Прекрасно все понимаешь. Ну, коли так — скажу кратко: люблю тебя и хочу на тебе жениться!

Наталка. Грех вам над бедной девушкой смеяться. Разве я вам ровня? Вы пан, а я сирота. Вы богатый, а я бедная. Вы возный, а я простого рода. Да и по всему я вам не пара.

Возный. Изложенные в ответных речах твоих резоны — того, как его — для любви ничтожны... Сердце, часто реченною любовью уязвленное, по всем законам, божеским и человеческим, не взирает ни на породу, ни на лета, ни на состояние. Она любовь — того, как его — все к равенству приводит. Рцы одно лишь слово: «Люблю вас, пане возный!» — и аз, вышеупомянутый, готов принести присягу о верном и вечном союзе с тобою.

Наталка. Есть у нас пословица: знайся конь с конем, а вол с волом. Ищите себе, добродию, в городе панночку. Мало ли там судейских, чиновничьих и поповских дочек? Любую выбирайте! Вот пройдите в воскресенье или в другой праздник по Полтаве, — так увидите таких красоток, таких красоток, что и рассказать нельзя!..

Возный. Много я видел и лепообразных, и богатых. Но сердце мое — того, как его — не имеет к ним поползновения. Ты одна возбудила иск к нему на вечные времена, и душа моя ежечасно взывает к тебе, и даже в неположенный к тому час.

Наталка. Воля ваша, добродию, а вы так образовательно говорите, что я ничего и понять не могу. Да и не верю, что так скоро и горячо можно было бы влюбиться...

Возный. Не веришь? Так знай же, что я тебя давно уже — того, как его — полюбил! Как только вы с матерью у нас на селе жить стали. Околичности дел моих, возникающие из неудобных обстоятельств, удерживали меня от признания. Теперь же читаю — того, как его — благорасположение в очах твоих. До формального определения участи моей объяви мне в обусловленные сроки партикулярную резолюцию: могу ли я — того, как его — без отсрочек, волокиты, проторей и убытков получить в вечное и потомственное владение тебя — движимое и недвижимое имущество души моей — с правом владеть тобою спокойно, беспрекословно и по своей воле — того, как его — распоряжаться? Скажи, говори, отвечай, ответствуй! Могу ли быть — того, как его — мужем пристойным и угодным душе твоей и телу?

Наталка (поет).

М 3

Видно шляхи полтавские, в славную Полтаву,
Не вводите ж сироту вы в недобрую славу!
Я проста и небогата, но честного роду.

Не стыжусь и прясть, и шить я, и ношу я воду.
Вы ученый, вам бы знаться с панскою семьею!
Как же можно вам венчаться с девушкой простою?

Есть немало горожанок — хороша любая.
Вы — пан возный, не нужна вам девушка простая!

(По окончании пения говорит.) Вот, добродию пане возный! Не смейтесь надо мною, сиротой беззащитной! Одно только и есть у меня богатство — доброе имя. Из-за вас люди станут обо мне шептаться. А для девушки, коль о ней люди начнут что недоброе говорить...

Музыка начинает играть прелюдию. Наталка задумывается, а Возный рассуждает и смешные показывает мины на лице.

ЯВЛЕНИЕ 3

Наталка и Возный. И после Выборный, показавшись на сцену, поет.

№ 4

Дед рыжий, бабка рыжа,
Батька рыжий, мамка рыжа,
Дядька рыжий, тетка рыжа,
Брат рыжий, сестра рыжа,
Сам я рыжий, с рыжей жил,
Рыжий рыжую любил.

Ой, по горе по Панянке,
В понедельник спозаранку
Новобранцы выходили,
Речь с шинкаркой заводили:
— Где, шинкарка, твой товар?
— Еду, братцы, на базар!

Шли три ляха на три шляха,
А татары на четыре,
Шведы в поле тоже были.
А казак лишь замахнулся —
Лях, татарин содрогнулся,
Швед совсем в дугу согнулся...

По мере приближения Выборного к оркестру, Наталка подходит к ведрам, берет их и уходит домой.

Возный. Что это, никак — того, как его — новая песня, пане выборный?

Выборный. Да это, добродию (*кланяется*), не песня, а так, нескладница. Пою иногда, что в голову влезет. Извините, пожалуйста, не заметил вас.

Возный. Ничего, ничего... Откуда? Не из гостей ли идете? — того, как его?

Выборный. Из дому иду. Гостя провожал: заезжал ко мне наш заседатель, пан Щипавка. Так уж, знаете, не без того — выпили по одной, по другой, по третьей, студнем да колбасой закусили, да вишневки кварту раздавили. Как говорится, и подкрепились...

Возный. А что, пан Щипавка не рассказывал ли чего нового?

Выборный. Где там не рассказывал. Жаловался очень, что всему земству теперь туго приходится. Так что не только заседателям, а и самому комиссару совсем уж не то, что прежде было... Такая, говорит, напасть, что совсем трудно служить стало. То, говорит, что раньше даром доставалось, теперь либо выпрашивать надо, либо покупать.

Возный. Ох, правда, правда! Даже в уездном суде и во всех присутственных местах уныние воспоследовало. Малейшая проволочка или там прижимочка просителю, как раньше водилось, почитается за уголовное преступление! Любую взяточку, сиречь — вынужденный подарочек, очень искусно у истца или у ответчика канючить приходится. Да что и говорить! Теперь и при рекрутских наборах совсем не тот порядок ведется... Трудно становится жить на свете!

Выборный. Зато нам, простому народу, будет легче, если начальство станет богобоязненным и справедливым и не даст больше писарским пьявкам кровь из нас высасывать. Да куда же вы, добродию, снарядились?

Возный. Намеревался я — того, как его — посетить вдовствующую дьяконицу, да увидевши тут Наталку... (*вздыхает*) остановился с ней побеседовать.

Выборный (*лукаво*). Наталку? А где же (*осматривается*) она?

Возный. Может, домой пошла.

Выборный. Золото, а не девка. Наградил же бог Терпилиху дочкою! Мало того, что красива, умна, ловка и ко всякому делу способна, — сердце у нее очень доброе. Как она уважает мать свою, как почитает старших! А уж

такая работающая, такая рукодельница, — и себя и мать своими трудами содержит!

Возный. Нечего сказать, — того, как его — хороша, хороша! И уже в таком возрасте...

Выборный. Да уж давно пора бы... Только вот — сирота, да еще и бедна. Никто на нее и не зарится.

Возный. Однако слышал я, что сватались к Наталке женихи. И весьма достойные! Например, тахтауловский дьячок, знаменитый басом своим; он изучил Ермолой и даже печерско-лаврский распев знает. Другой — того, как его — волостной писарь из Восьмачек — человек не бедный и службу свою беспорочно продолжающий вот уже год почти. Третий — подканцелярист из суда, по имени Скоробрех. И многие другие. Но Наталка...

Выборный. Что, отказала? И хорошо сделала. Тахтауловский дьячок горилки много пьет и уже с голосу спадать начал. А волостной писарь и подканцелярист Скоробрех, как рассказывают, оба вертопрахи и голодранцы, ваша милость. Наталке же нужно не грамотея, а хозяина хорошего, чтобы умел хлеб сеять и жену с матерью кормил да поил.

Возный. Почему же ей грамотея не надо? Наука — того, как его — в лес не заведет. Образованность не есть преткновение или помеха ко вступлению в законный брак. Скажу о себе: правда, я — того, как его — образование имею, но по благодати всевышнего при этом еще и человек. А по милости дворян — возный! Хотя живу и не так, как люди, но все же рядом с людьми. И денежки водятся, и копейка про черный день в запасе есть. Признаюсь тебе по-приятельски: будет чем и жену и еще кого-нибудь — того, как его — кормить и одевать.

Выборный. Так почему бы вам не жениться? Пора бы уже, кажется. Или вы в монахи постричься хотите? Иль, может, суженой на примете еще нет? Не хотите ли, чтобы про вас на свадьбе такую одну песенку спели? Вот, слушайте! (*Выборный поет.*)

№ 5

Ой, под вишнею, под черешнею
Стоял старый с молодою, словно с ягодкою. (2)

И просилася, и молилася:
— Пусти ж меня, старый дедко, на улицу погулять!

— Я и сам не пойду, и тебя не пушу.
Хочешь ты меня оставить, мужа старого. (2)

Не кидай меня ты, моя голубонька!
Куплю тебе хатку, да еще и жатку,
И прудок, и лужок, и вишневый садок.
— Не хочу я хатки, не хочу и жатки.
Ни прудка, ни лужка, ни вишневого садка. (2)

Ой ты, старый дедугá, изогнулся, как дуга,
А я молоденька, гулять я раденька...

Возный. Коли другим нос натянули, то и мы остерегаемся. Наталка многим женихам печеного кабака поднесла. Глядя на сие, я и себе на уме.

Выборный. А вам-то что за дело до Наталки? Будто все девки на нее похожи? Не только света, что в оконце: много этого добра на свете! Да от такого пана, как вы, у любой поджилки задрожат.

Возный (в сторону). Признаюсь ему в моей любви к Наталке! Послушай, пане выборный! Что скрывать — того, как его — я люблю Наталку всей душою, всеми помыслами и всем сердцем своим. Жить без нее не могу. Ее лик — того, как его — со мною повсюду. Как ты думаешь? Как советуешь поступить мне в сем положении?

Выборный. А что тут долго думать! Послать сватов за рушниками — и делу конец! Старая Терпилиха с ума еще не спятила, чтобы вам отказать.

Возный. Ох-ох-ох! Со старухой-то просто, да вот молодая нос задирает!.. Я уже с ней говорил как полагается. Намеки — того, как его — подавал. Так нет, куда там!..

Выборный. Что же она говорит? Чем отговаривается?

Возный. Она излагает доводы — того, как его — нерезонные: приводит примеры знакомства вола с волком и коня с конем; называет себя сиротою, а меня паном. Себя бедною, а меня богатым. Себя простою — того, как его, — а меня возным. И решительный приговор учинила, что я ей, а она мне — не ровня, — того, как его.

Выборный. А вы ей что?

Возный. Я ей пояснил, что любовь все равняет.

Выборный. А она вам что?

Возный. Что мне пристойнее жениться на панночке, а не на простой крестьянке.

Выборный. А вы ей что?

Возный. Что она — того, как его — единая моя госпожа.

Выборный. А она вам что?

Возный. Что она не верит, чтобы можно было — того, как его — так сильно полюбить.

Выборный. А вы ей что?

Возный. Что я ее давно уже люблю.

Выборный. А она вам что?

Возный. Чтоб я отвязался от нее.

Выборный. А вы ей что?

Возный (*с жаром*). Что? Ничего!.. Черт тебя сюда принес — того, как его — Наталка убежала, а я с тобой остался.

Выборный. Эх вы, грамотеи! В гору лезете, а под носом у себя ничего не видите! Наталка обманывала вас, когда говорила, что вы ей не ровня. Не то у нее на сердце.

Возный. Не то? А что бы такое?

Выборный. А вот что: другого любит! Вы, может, слышали: когда жили они в Полтаве и покойный Терпило еще жив был, взял он к себе в приемыши некоего Петра, сироту. Хлопец вырос на славу — крепкий, ладный, проворный, работающий. Был он старше Наталки года на три или четыре. С нею вместе воспитывался и рос. Терпило и Терпилиха любили своего воспитанника, как сына родного. Да и было за что. Он и Наталка жили, как брат с сестрой. Да Терпило, понадеявшись на свой достаток, стал заводить знакомства с людьми познатней да побогаче. Начал, видишь ли, устраивать пирушки с по-вытчиками, канцеляристами, купцами и разными ремесленниками — пил, гулял, деньгами сорил. Промысел свой оставил, имущество понемногу промотал, пьянствовать начал. Стал покрикивать на Петра из-за Наталки и выгнал его из своего дома. А как не стало у него и последнего хорошего работника, вконец извелся. И умер Терпило в бедности, оставив жену и дочку без куска хлеба.

Возный. Как же случилось — того, как его — что Терпилиха очутилась в нашем селе?

Выборный. У Терпилихи в городе, на Мазуровке, была добрая усадьба с рубленой хаткой, амбаром, погребом, садом. Терпилиха после смерти старика все это продала, перешла в наше село, купила себе хатку и теперь живет здесь, как видите.

Возный. А вышереченный — того, как его, — Петро, он где обретаётся?

Выборный. Бог его знает! Как ушел со двора — будто в воду канул: и слуха нет. Наталка без ума его любит, из-за него всем женихам отказывает. Да и Терпилиха без слез о Петре не может вспомнить...

Возный. Нет в Наталке благоразумия: любить такого человека, от которого — того, как его — может, и костей не осталось. Лучше синица в руках, чем журавль в небе.

Выборный. Или, как один грек сказывал: «Лучше живой хорунжий, чем мертвый сотник». А я все-таки думаю, кабы добрый человек нашелся, то Наталка вышла бы замуж, потому что они с матерью так бедно живут, что невомоготу становится.

Возный. Друг любезный! Предприми перед Наталкой и ее матерью хождение по моему сердечному делу. Если выиграешь — того, как его — любовное ко мне Наталки расположение и убедишь ее доводами сильными, чтобы до брачного ложа на законном основании довести, то я для тебя — того, как его — ничего не пожалею. Верь — без дани, без пошлины кому хочешь иск предъявлю и контроверсии сочиню. Божусь в том: ей-же-ей!

Выборный (*немного подумав*). Ну что ж! Спрос не беда. Ничего плохого в этом нет. Только Наталка-то не промах. Ох и умная, и догадливая девка!

Возный. А ты попробуй! Ты сумеешь — того, как его — извернуться. И хитро, и умно, и без лишних затрат. А коли что, то и приврать можно приязни ради.

Выборный. Приврать? Ну нет, спасибо! Врать и обманывать — перед богом грех, да и перед людьми известно.

Возный. Ох, простота! Кто же теперь — того, как его — не врет, кто не обманывает? Поверь мне: если бы здесь собралось много народу, а с неба вдруг ангел с огненной розгой слетел и воскликнул: «А ну, лгуны и обманщики, прячьтесь, не то накажу вас!» — ей-богу, все присели бы к земле — потому что совесть нечиста. Блаженна ложь, когда она на пользу ближних. Да беда-то в том, что — того, как его — часто лжем мы или выгоды своей ради, или для погубления других.

Выборный. Оно так, конечно... Все люди грешны. Однако ж...

Возный. Что «однако ж»? Все грешны, да еще как!.. И каждый другого обманывает, как вздумает. Тут, как ни верти, а выходит круговая порука. Слушай!

М 6

Всякому городу нрав и права,
Всяка имеет свой ум голова.
Всякий по прихоти важен и горд,
Всякого манит к наживе свой черт. } (2)

Лев раздирает волка в куски,
Волк же хватает козла за виски.
Влезть в огороды козел норовит,
Каждый берет то, что плохо лежит. } (2)

Всякий, кто выше, тот низшего гнет,
Сильный бессильного давит и жмет.
Бедный богатому верный слуга,
Корчится, гнется пред ним, как дуга. } (2)

Тот, кто не смажет, тот возом скрипит,
Кто не словчится, тот сзади сидит.
Каждому ложка без масла суха.
Кто же на свете живет без греха! } (2)

Выборный. Так-то оно так! Только большим грешникам это часто с рук сходит, а маленьким такую взбучку задают, что до старости памятно будет. Ну, ладно, пане возный, я вас уважу. Пойду к старухе Терпилихе. Кто знает — может, что и выйдет. Может, и с удачей будем, коли ваша доля счастливая.

ДУЭТ М 7

Возный и Выборный.

Ой, доля людская, доля ты слепая,
Часто служишь злым, нечестным всегда помогаешь.

Добрый горе терпит, по земле толчется.
И всё невпопад выходит, за что ни возьмется. (2)

Ты с одним лукава, к другому добра ты,
Другой живет, как сыр в масле, не зная утраты. (2).

Без разума люди могут жить прекрасно,
А с разумом да в несчастье тратят век напрасно. (2)

Ох, доля, зачем ты так несправедлива:
К одним — благосклонна, с другими — спесива. (2)

(По окончании пения уходят.)

Сцена переменяется и представляет внутренность хаты Терпилихи.

ЯВЛЕНИЕ 4

Терпилиха прядет, Наталка шьет.

Терпилиха. Опять ты запечалилась, Наталка! Опять ты о чем-то задумалась?..

Наталка. Из ума нейдет у меня наше горькое житье.

Терпилиха. Что же поделаешь? Вот уже три года, как мы по бедности продали свой домик на Мазуровке, покинули Полтаву и перешли сюда жить. Покойный твой отец довел нас до этого.

Наталка. Ох, мама!.. Так, видно, ему на роду было написано: жить богатым до старости, а умереть в нищете. Чем же он виноват?

Терпилиха. Лучше было бы мне умереть. Не терпела бы такой беды. И все из-за твоего упрямства!

Наталка (*оставляя работу*). Из-за моего упрямства вы беду терпите? Мама!

Терпилиха. А как же? Сколько хороших людей сваталось — и умных, и зажиточных, и честных, а ты всем отказала. Скажи, на что же ты надеешься?

Наталка. На бога надеюсь. Лучше мне в девках поседеть, чем идти за тех женихов, что ко мне сватались!.. Нечего сказать — хорошие люди!

Терпилиха. А почему и нет? Дьячок тахтауловский чем не жених? Он и грамотный, и умный, и копейка у него водится. А волостной писарь и подканцелярист Скоробрешенко? Чем они не люди? Кого же ты думаешь дожидаться — может, пана какого-нибудь или губернско-го панича? Лучше всего, выходила бы за дьячка — был бы верный кусок хлеба. Сначала была бы дьячихой, а там, глядишь, и попадешь!

Наталка. Хотя бы и протопопшей, — бог с ними! Пускай все они будут умными, богатыми и более учены-

ми, чем наш возный, а что делать, коли сердце мое к ним не лежит и все они мне противны!.. Да пропади они пропадом, эти грамотей!

Терпилиха. Знаю, чем они тебе не по сердцу. Петро у тебя из головы не выходит! О глупостях ты думаешь. Четыре года от него ни слуху ни духу.

Наталка. Ну и что ж! Ведь и он ничего о нас не знает, а мы живы. Так и он жив, так и он о нас помнит, да боится вернуться.

Терпилиха. А ты забыла, как покойный отец твой напоследок невзлюбил Петра? Умирая, он не дал своего благословения на твое с ним замужество. Так и моего тебе не будет.

Наталка (*подбегает к матери, схватывает ее руку и поет*).

№ 8

Ой, мама, мама, сердце не гадает:
Кого раз полюбит, с тем и умирает. (2)

Лучше умереть мне, чем жить за немилым,
Лить всё время слезы, сохнуть до могилы. (2)

Бедность ли, богатство — всё божья воля,
Разделить их с милым — счастливая доля! (2)

Разве тебе, мама, не дочь я родная,
Тебе ль непонятна моя доля злая?

К моему ты горю жалости не знаешь,
Кто мне люб — навеки забыть заставляешь?..

(*Пропевши, говорит.*) Ой, мама, мама! Не губи ты дочки своей! (*Плачет.*)

Терпилиха (*с чувством*). Опомнись, Наталка! Ты ведь у меня одна, ты — кровь моя. Разве я захочу тебя погубить? Бедность моя да старость заставляют меня поскорее тебя замуж выдать. Не плачь, дочка! Не враг я тебе. Правда, Петро хороший парубок, да где же он? Пускай придет, вернется к нам. Он не лежебока, работать он любит. С ним до нищеты мы не дойдем. Только все же... Кто его знает — может, пропал где, а может, на другой женился и забыл тебя. Теперь так бывает, что одну будто любит, а о другой думает.

Н а т а л к а. Петро не такой: сердце мое за него ручается. И оно предвещает мне, что он к нам вернется. Если бы он знал, в какой мы бедности живем, он с края света прилетел бы, чтобы нам помочь.

Т е р п и л и х а. Не очень-то доверяй своему сердцу! Вещун-то этот часто обманывает. Приглядишься, как теперь все на свете делается, да так же и о Петре думай. А лучше всего было бы, если бы ты была мне покорной да меня слушала.

М 9

Разве тебе, дочка, не добра желаю,
Если кого зятем сама выбираю?
Ой, дочка, дочка, мое сердце тужит,
Где ж тебе добуду хорошего мужа?
Где Петро твой ходит? Может, он женился,
Может, он с тобою навеки простился?
Ой, дочка, дочка, мое сердце тужит,
Где ж тебе добуду хорошего мужа?
Стары мои годы, живу через силу,
Петра не дождавшись, сойду я в могилу.
Ой, дочка, дочка, мое сердце тужит,
Где ж тебе добуду хорошего мужа?
Тебя ж без приюта, с горькою нуждою
На кого оставлю бедной сиротою?
Ой, дочка, дочка, мое сердце тужит,
Где ж тебе добуду хорошего мужа?

Ты к тому ведешь, чтоб не довелось мне видеть тебя замужем. Чтобы из-за твоего упрямства я и своего века не дожидла... Бедность наша, слезы и твоя разборчивость в гроб меня уложат. *(Плачет.)*

Н а т а л к а. Не плачьте, мама! Я покоряюсь воле вашей. За первого жениха, вам угодного, замуж пойду. Перенесу свое горе... Забуду Петра... И никогда плакать больше не стану.

Т е р п и л и х а. Наталка, доченька моя! Ты все для меня на свете. Прошу тебя, выкинь Петра из головы! И будешь ты счастливой. Никак кто-то прошел мимо окна? Не к нам ли? *(Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ 5

Наталка (одна). Трудно, мама, выкинуть Петра из головы, а еще труднее из сердца! Да что делать!.. Дала слово за первого жениха выйти замуж. Все надо перенести, чтобы мать была спокойна. Скреплю сердце свое, перестану грустить, осушу слезы свои... Веселую буду. Женихи, которым я отказала, в другой раз не привяжутся. Возному я так отрезала, что он приставать ко мне не захочет. Больше как будто и нет никого на примете. А там... Ох! Сердце мое щемит отчего-то... (Приметя приближение к двери, садится за работу.)

ЯВЛЕНИЕ 6

Наталка, Терпилиха и Выборный.

Выборный. Помогай бог, Наталка! Как себя чувствуешь, как поживаешь?

Наталка. Ох, живем и маемся, как горох при дороге: кто ни пройдет, тот и щипнет.

Терпилиха. Нас, бедных и беспомощных, как согнутое деревцо, всякая коза гложет.

Выборный. Кто же виноват в этом, старая? Выдала бы дочку замуж, вот и было бы кому за вас заступиться.

Терпилиха. Я этого только и хочу. Да вот...

Выборный. А что такое? Может, женихов нет, или еще что? А может, Наталка...

Терпилиха. В том-то и горе. Сколько ни сватались — и хорошие люди, — она все одно: не хочу да не хочу!

Выборный. Удивительно мне и странно, что Наталка так говорит. Никак уж этого от ее разума не ожидал.

Наталка. Это вам так кажется. Никто не ведает, кто как обедает...

Терпилиха. Вот она всегда так: поговорками да отговорками и вывертывается. А как добавит еще охов да слез — у меня и руки опустятся.

Выборный. Пора бы тебе, Наталка, за ум взяться! Ты уже девка, а не дитя малое! Кого ты дожидаться? Не из города ли такие причуды принесла? Ну, там-то панночки друг перед другом чванятся и женихами брезгуют: тот некрасивый, тот небогатый, тот неловкий. Один слишком смиренный, другой чересчур бойкий. Тот курносый, тот носатый. Зачем не военный? А если и военный,

то почему не гусар? Так перебирая, досидятся до того, что потом на них никто и не взглянет.

Наталка. Не равняйте меня, пане выборный, с горожанками. Я не привередничаю и женихов не перебираю. Вы знаете, кто за меня сватался. Что же, вы хотите меня с моста в воду спихнуть?

Выборный. Правда, замуж выйти — не дожидик переждать. Все же, думается мне, если бы человек надежный попался, то не нужно — ради себя, ради матери — ему отказывать. Вы люди небогатые...

Терпилиха. Небогатые!.. Такая бедность, такая нищета, что я не знаю, как дальше и на свете жить!..

Наталка. Мама! Бог нас не оставит. Есть и беднее нас, а живут же.

Терпилиха. Верно, что живут. Но жизнь-то какая у них?

Наталка. Кто живет честно, трудами рук своих кормится, тому кусок черствого хлеба слаще мягкой булки, неправдою нажитой...

Терпилиха. Говори, говори! А в старости-то горько терпеть нужду и во всем недостаток. (*К Выборному.*) Хотя не годится своей дочкой хвалиться, но скажу вам, что она у меня доброе дитя: обещала для моего покоя за первого жениха замуж выйти, только был бы хорошим человеком.

Выборный. О Наталкином уме и добром сердце нечего и говорить — все матери ее своим дочкам в пример ставят. Только от правды не уйдешь: без приданого трудно сейчас бедной девушке замуж выйти; хоть будь она мудрее царя Соломона и красивее прекрасного Иосифа, а может умереть седою панной.

Терпилиха. Наталка! Слышишь, что люди-то говорят? Пеняй после на себя, а не на кого другого!

Наталка (*вздыхает*). Я и так горе терплю...

Выборный. Можно вашему горю пособить. (*Лукаво.*) Есть у меня на примете человек и степенный, и богатый, и Наталка очень ему по душе прищлась.

Наталка (*в сторону*). Вот и беда мне!..

Терпилиха. Шутите, пане выборный!

Выборный. Зачем шутить? Знаю хорошего жениха для Наталки. А коли правду сказать, то я и пришел от него поговорить с вами, пани Терпилиха.

Наталка (*с нетерпением*). А кто он такой, этот жених?

Выборный. Наш возный, Тетерваковский. Вы его знаете... Чем не жених!

Наталка. Возный! Да разве он мне ровня? Сметесь вы надо мной, пане выборный!

Терпилиха. А я так привыкла к своей доле, что боюсь и поверить, что это правда.

Выборный. С какой же стати мне вас обманывать? Возный полюбил Наталку и хочет на ней жениться. Никакого тут дива нет! Ну, скажите скорее, что вы об этом думаете?

Терпилиха. Я-то всей душой такому зятю рада.

Выборный. А ты, Наталка?

Наталка. Побойтесь вы бога, пане выборный! Мне страшно и подумать, что такой пан — грамотный, разумный, степенный — вздумал на мне жениться... Скажите мне сначала, для чего люди женятся?

Выборный. Для чего? Для того... А ты будто и не знаешь?..

Наталка. Думается мне: для того чтобы завести хозяйство, семью, жить дружно, в любви до самой смерти, быть верными и во всем помогать друг другу. А пан, который женится на простой девушке, будет ее верно любить? Он все будет думать, что выручил ее из бедности, вывел в люди и что она ему не ровня. Он станет глядеть на нее с презрением и обходиться с нею без всякого уважения. Жена для такого пана хуже наймички! Будет как крепостная...

Терпилиха. Ну вот! Всякий раз она так занесется, что потом и не справиться с нею! Коли на то пошло, я скажу: если бы не приемыш наш Петро, и Наталка была бы как шелковая!..

Выборный. Петро? Да где же он? Сколько уж лет, как он пропал?

Терпилиха. Да года чуть ли не четыре.

Выборный. Ну, Наталка совсем с ума спятила, если любит запропастившегося Петра! А ты еще говоришь, что она доброе дитя! Как же так, если она видит, как ее родная мать на старости в бедности, всегда с заплаканными глазами, чуть не умирает от голода, и не сжалится над нею? И ради кого? Ради бродяги, голяка, который теперь, может, в остроге сидит, или умер, или в солдаты завербовался!..

В продолжение сего монолога мать и дочь плачут.

Выборный.

Эй, Наталка, не противься!.. (2)

Терпилиха.

Пожалей родную
Мать свою седую...
Согласися!..

Наталка.

Не плачь, мама, не журися!.. (2)

Выборный.

Забудь, бога ради,
О Петре-бродяге!
Покорися!..

Терпилиха.

Будь же, дочка, мне послушна!..

Наталка.

Тебе покоряюсь,
На всё соглашаюсь
Прямодушно!..

Все трое.

Где дружба в семействе, где мир и тишина,
Там счастливы люди, блаженна сторона.

Их бог благословляет,
Добро им посылает
На долги времена!

Терпилиха. Доченька моя! Голубка моя! Прижмись к моему сердцу — покорность твоя придаст мне жизни и здоровья. За твою любовь, за уважение ко мне бог тебя не оставит, мое дитятко!

Наталка. Мама, мама! Все для тебя стерплю, все для тебя сделаю, и коли бог поможет мне осушить твои слезы, то я всех счастливее буду на свете! Только!..

Выборный. А все-таки «только». Куда ни кинь, все клин! Выкинь-ка дурь из головы! Завей горе веревочкой, молчи и дыши!

Терпилиха. Верно, дочка! Если и взбредет тебе

какой-нибудь вздор на ум, вспомни, для кого и для чего выходишь замуж за возного.

Наталка. Да уж я сказала: все для тебя сделаю! Только чтобы не спешили со свадьбой!..

Выборный. А зачем ее откладывать в долгий ящик? Ведь мы не судейские!

Терпилиха. Надо все-таки к свадьбе подготовиться. Хоть рушники и есть у нас, да кое-что еще надобно...

Выборный. Были бы рушники, а о нарядах вам беспокоиться нечего. Наш возный — черт его не берет! — на свой счет такую пышную свадьбу закатит, что любо-дорого! Послушайте меня — сегодня же устроим сватовство. Подавайте рушники, а там уже договоритесь с женихом о свадьбе! Прощайте! Смотри, Наталка, не вздумай на попятный, как сваты придут. Помни, что ты обещала матери. Прощайте, прощайте!

Терпилиха. Прощайте, пане выборный! Спасибо вам за вашу приязнь. *(Уходит вместе с Выборным.)*

ЯВЛЕНИЕ 7

Наталка *(одна)*. Не минула меня горькая доля. Возный хуже репья прицепился. И, видно, выборный Макогоненко всей беде заводи! Боже милосердный! Что со мной будет? Страшно и подумать, как буду я с немилым век свой жить!.. Нелюбимого ласкать, постылого любить... Куда мне деваться? Где искать помощь? Кого просить? Ох, горюшко мое! Добрые люди, помогите мне! Пожалейте меня! А я от всей души жалею девушек, которые в такую же беду попали, как я теперь... *(Становится на колени и, поднимая руки вверх, говорит.)* Боже! Уж если твоя воля, чтобы возный меня замуж взял, так вырви любовь к Петру из моего сердца и обрати к возному душу мою! Без этого чуда пропаду я навеки... *(Встает и поет.)*

№ 11

Что ж ты, речка, замутилась? Не волна ли сбила?
Что же мне сейчас так грустно? Или мать побила? (2)

Нет, не мать меня побила — сами слезы льются,
От немилого здесь сваты у дверей толкутся. (2)

Приди, милый, и увидишь, что терплю я муку.
От тебя, хоть ты и в сердце, берут мою руку. (2)

Спеши, милый, спаси меня от лютой напасти!
Коли буду за нелюбым, то должна пропасть я... (2)

З а н а в е с

Д Е Й С Т В И Е В Т О Р О Е

Театр представляет прежнюю улицу.

ЯВЛЕНИЕ 1

Мик о л а (*один*). Один живу на свете, как былинка в поле... Сирота бесталанный, без роду, без племени, без пристанища. Что делать, и сам не знаю. Был в городе, искал места — и всюду опоздал! (*Думает.*) Отправлюсь в пекло на три дня! Пойду на Тамань, пристану там к черноморцам! Хоть из меня хорошего казака и не выйдет, так есть же у них и похуже меня! Люблю я казаков за обычай! Коли не пьют, так других бьют, — а без дела не гуляют. Ну-ка, спою их песню, которой меня заporожец Сторчогляд выучил...

Ж 12

Гомон, гомон, гомон, гомон по дуброве.
Туман поле покрывает. Мать из хаты выгоняет.

— Иди, сын мой! Иди, сын мой, прочь скорее.
Пускай тебя орда возьмет! (2)

— Уж меня-то, уж меня-то орда знает,
В чистом поле объезжает, в чистом поле объезжает!

— Иди, сын мой! Иди, сын мой, прочь из хаты.
Пускай тебя ляхи возьмут! (2)

— Уж меня-то, уж меня-то ляхи знают,
Медом-пивом угощают, медом-пивом угощают.

— Иди, сын мой! Иди, сын мой, прочь из хаты.
Пускай тебя турчин возьмет! (2)

— Уж меня-то, уж меня-то турчин знает!
Сребром-златом наделяет, сребром-златом наделяет.

— Иди, сын мой! Иди, сын мой, прочь из хаты:
Пускай тебя москаль возьмет! (2)

— Уж меня-то, уж меня-то москаль знает,
Жить с собою, жить с собою приглашает!

С москалями жить не плохо добрым людям,
С ними бить татар и турок будем, будем!

Так и я хочу быть с черноморцами! Буду тетерю есть,
горилку пить, трубку курить и черкес бить! Только там
не надо признаваться, что я грамотный: у них, говорят,
с умничанием-то нельзя вперед выскакивать. Ну, это де-
ло простое: дурнем нетрудно прикинуться...

ЯВЛЕНИЕ 2

Петро (*выходит на сцену и, не видя Миколы, поет*).

№ 13

Солнце всё ниже,
Вечер всё ближе,
Скоро ль тебя я,
Скоро ль тебя я,
Сердце, увижу!

Ты обещалась
Любить всей душою,
Ни с кем не знаться
И всех чураться,
А быть лишь со мною,

Мое серденько,
Когда б мы оба
Друг друга верно,
Честно, примерно
Любили до гроба!

Ох, коль приду я,
Тебя не застану —
От горя и муки
Сложу свои руки
И мертвым стану...

Микола (*в сторону*). Он не из нашего села. Я его
не знаю.

Петро (*в сторону*). Что это за село? Не узнаю.

Микола (*подходит к Петру*). Здорово, приятель!
Ты, сдаётся, не здешний!

Петро. Нет, не здешний.

Микола. Откуда же ты?

Петро. Я? *(С улыбкой.)* Не знаю, как бы тебе сказать. Откуда хочешь...

Микола. Неужто ты забыл и то место, где родился?

Петро. Я его не забыл, потому что и вовсе его не знаю.

Микола. Что же ты за человек?

Петро. Как видишь, бобыль бездомный. Брожу от села к селу, а теперь иду в Полтаву.

Микола. У тебя в Полтаве родичи или знакомые?

Петро. Нет у меня ни родичей, ни знакомых. Какие же родичи или знакомые у сироты?

Микола. Вижу, что ты такой же, как и я, — бездомный.

Петро. Нет у меня ни кола ни двора. Весь тут.

Микола. Эх, браток мой! *(Берет Петра за руку.)* Знаю я хорошо, как тяжело быть сиротой и не знать, где голову приклонить.

Петро. Твоя правда, браток! Но я, благодаренье богу, до этого часу так прожил на свете, что меня никто ничем не обидел. Не знаю, оттого ли, что у меня одинаковая с тобою доля, или оттого, что ты хороший парень, только сердце мое к тебе тянется, как к родному брату! Будь моим другом!..

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же и Возный выходит от Терпилихи с перевязанною рукою шелковым платком. Выборный — в белом рушнике через плечо, каковые дают в Малороссии старостам при сватанье. Возный выходит вперед и прохаживается впоперек сцены с довольною миною. Микола и Петро стоят в стороне поодаль, а Выборный громко говорит в дверь Терпилихи.

Выборный. Да иди же, Борис, иди с нами! У меня к тебе дело есть...

Терпилиха *(в своей хате)*. Оставьте его в покое, пане выборный! Пускай немного в себя придет.

Выборный. На улице скорее проветрится.

Терпилиха. В хате лучше. Тут никто не увидит и не осудит.

Выборный. Ну и ладно! *(Отходит от двери.)* И не стыдно! Хотя на сватанье и хватил через край окаянной варенухи. *(Увидя Миколу.)* Здравствуй, Микола! Что ты тут делаешь? Давно вернулся из города?

Возный. Не обретається ли в городе каких-нибудь любопытных новостей?

Выборный. Ведь ты был на базаре — что там слышно?

Микола. Ничего не слышал, ей-ей, ничего. Да в городе теперь не до новостей. Там старые дома ломают, да застраивают улицы новыми домами, да крыши красят, да мостки для пешеходов делают, чтобы в грязь ходить можно было, — смотреть любо...

Возный. Смотреть любо, а слушать, что горожане и купечество говорят, любо или нет?

Выборный. Что ж они станут говорить? Ведь не они и не сами придумали так город перестраивать. Кто же виноват беспечным людям, что заранее не запаслись бревнами, досками, щепою. Потому и трудно. Вы думаете, начальству весело принуждать других выполнять то, что им приказывают? Что поделаешь, некуда деваться, ежели нужно управляться.

Возный. Что правда, то правда, крутенько взялись, но ведь и то сказать, каждый хозяин для себя и строит.

Микола. Иные хаты такие были, что если бы не приказали их сломать, то они от ветра сами попадали бы и своих хозяев передавили бы. Если прислушаться, кто всех больше жалуется на эту перестройку, окажется, что одни тузы, богачи. А люди среднего разбора молча строят. Зато и город станет, — словно мак зацветет! Если бы покойные шведы, что под Полтавой погибли, восстали, то не узнали бы Полтавы!

Возный. А не слышал ли ты по крайней мере — того, как его — об обидах, спорах и грабежах? Или — того, как его — о жалобах да об исках?

Выборный. Что его спрашивать! Он по городу вон считал, да рот разинув ходил. (*К Миколе.*) Что же ты, остопоп, не поклонись пану возному, не поздравишь его? Не видишь разве, что он обручился?

Микола. Поздравляю вас, добродию. А с кем же бог привел?

Возный. С девицею, наипрекраснейшей из всего села и прилежащих окрестностей!

Выборный. А с кем, не скажем. Поломай-ка себе голову. (*Отходя.*) А это что за парубок?

Микола. Это знакомый мой. Идет из Коломака в Полтаву на заработки.

Возный. Однако разве — того, как его — дорога из Коломака в город через наше село проходит?

Петро. Я нарочно зашел сюда, чтобы с ним пови-
даться.

Выборный и Возный уходят.

ЯВЛЕНИЕ 4

Петро и Микола.

Петро. Это, никак, начальство в вашем селе?

Микола. Кой черт начальство. Он только живет тут. Возный, видишь ли, вот и задирает нос, что паном считается. Судейский, и такой хапуга, что с родного отца готов шкуру содрать.

Петро. А тот, другой?

Микола. Это — выборный, Макогоненко. И добрый был бы человек, да беда, что хитер как лисица. Во все стороны мечется, где ни посеет, там и вырастет. Где черт ногу сломит, пошли Макогоненко — сразу дело обернет.

Петро. Вон оно что! Кого же они высватали?

Микола. Я догадываюсь. Тут живет одна бедная вдова с дочкой. Верно, Наталку возный и просватал. За нею много женихов увивается.

Петро (*в сторону*). Наталку! (*Успокоясь*.) Да не одна же Наталка на свете. (*К Миколу*.) Так, видно, Наталка богата, умна, хороша собой?

Микола. Это правда — и хороша, и умна, к тому же еще и добрая девушка. Только не богата. Они с матерью недавно тут поселились и живут очень бедно. Я дальний их родственник и хорошо знаю их трудное житье.

Петро. А раньше где они жили?

Микола. В Полтаве.

Петро (*с ужасом*). В Полтаве?..

Микола. Что же ты не своим голосом вскрикнул?

Петро. Микола, брат мой родной! Скажи по правде, давно ли Наталка с матерью тут живут? И как они про-
зываются?

Микола. Давно ли они тут живут? (*Говорит про-
тяжно, как будто в мыслях рассчитывает время*.) Чет-
вертый уже год. Они покинули Полтаву сразу же после
смерти отца Наталки.

Петро (*вскрикивает*). Так он умер!

Микола. Что с тобой?

Петро. Ничего, ничего... Скажи, пожалуйста, как же они прозываются?

Микол а. Старуха — Терпилиха Горпина, а дочка — Наталка.

Петро всплескивает руками, закрывает ими лицо, опускает голову и стоит неподвижно.

Микол а (*бьет себя по лбу и делает знак, как будто что-то отгадал, и говорит*). Я не знаю, кто ты, и сейчас не спрашиваю, но вот послушай!

М 14

Ветер веет под горой,
Ой, Петрусь, любимый мой!
Ой, лихо, — не Петрусь,
Лицо бело, черен ус! (2)

Полюбила Петруся,
Да сказать боюсь я!
Ой, лихо, — не Петрусь.
Лицо бело, черен ус! (2)

За того за Петруся
Крепко била мать меня.
Ой, лихо, — не Петрусь,
Лицо бело, черен ус! (2)

Где ж блуждает мой Петрусь,
Что ж его не дозовусь?
Ой, лихо, — не Петрусь,
Лицо бело, черен ус! (2)

Я, хоть девка молода,
Всё же знаю, что беда.
Ой, лихо, — не Петрусь,
Лицо бело, черен ус! (2)

Что, может, не отгадал? (*Обнимает Петра.*)

Петро. Да, отгадал! Я тот самый несчастный Петро, которому Наталка пела эту песню, которого она любила и обещала помнить до смерти, а теперь...

Микол а. Что теперь? Мы еще ничего не знаем. Может, и не ее просватали?

Петро. Нет, замирает мое сердце, чует великое горе. Братец Микола, ты говорил мне, что приходишься им

роднею. Не сможешь ли разведать о сватовстве Наталки? Буду знать, какова моя доля!

Мик о л а. Отчего нельзя? Если хочешь, я тотчас же пойду и обо всем разузнаю. Скажи только, говорить ли Наталке, что ты здесь?

Петро. Коли она свободна, то скажи ей про меня. А коли ее уже просватали, то лучше не говори. Пускай я один буду горевать и сохнуть с тоски! К чему же ей вспоминать о том, кого она так легко забыла?

Мик о л а. Подожди, Петро, упрекать Наталку. Насколько я ее знаю, она не потому идет за возного, что тебя забыла! Подожди меня тут! (*Уходит к Терпилихе.*)

ЯВЛЕНИЕ 5

Петро (*один*). Четыре года уже, как разлучили меня с Наталкою! Я был тогда бедняком и любил Наталку без всякой надежды. Теперь, нажив кровавым потом копейку, я спешил показать богачу Терпиле, что достоин его дочки. А вместо богатого отца нашел мать и дочку беспомощными, в бедности. Все, казалось, приближало меня к счастью! И вот, надо же опоздать на один день, чтобы горевать всю жизнь! Кого беда настигнет, тому уже ни в чем нет удачи. Правду песня говорит, что соседу все удается, все его любят, все к нему льнут, а для другого — как отрезано. (*Поет.*)

№ 15

У соседа бела хата,
Жинка — клад, живет богато.
У меня же нет хатинки,
Нету счастья, нету жинки. } (2)

За соседом — молодежи,
За соседом и вдовицы,
И дивчата глаз не сводят —
Все вокруг соседа ходят. } (2)

Сосед раньше меня сеет, —
У соседа зеленеет.
Не ходил я бороздою,
И не сеял ничего я. } (2)

Все соседа восхваляют,
Все соседа уважают, —

Я ж напрасно время трачу } (2)
И, один на свете, плачу...

Во время пения Макогоненко выходит на сцену, слушает и по окончании подходит к Петру и говорит.

ЯВЛЕНИЕ 6

Петр и Выборный.

Выборный. А ты, сынок, и петь горазд!..

Петро. Да не так уж чтоб очень, а все-таки...

Выборный. Скажи мне, откуда ты идешь, куда, что ты за человек?

Петро. Я человек бездомный. Странствую. Ищу работы. Теперь иду в Полтаву.

Выборный. Где же ты побывал, что видел, что слышал?

Петро. Долго все рассказывать! Был у моря, был и на Дону, был и на линии, и в Харьков заходил.

Выборный. И в Харькове был? Говорят, красивый город?

Петро. Хороший город! Много там любопытного. Я и в театре побывал.

Выборный. Где? В театре? А что такое театр, город или местечко?

Петро. Нет, это не город и не местечко, а большой дом в городе. Туда вечером съезжаются паны, сходятся все, кто заплатить может, и смотрят комедию.

Выборный. Кумедию? (*Знак удивления.*) И ты видел, друже, кумедию? Какова она?

Петро. И не раз видел. Это такое диво, что посмотришь раз — и другой захочется.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Возный.

Возный. О чем это, сват, — того, как его — ты разглагольствуешь с пришельцем?

Выборный. Да тут чудеса, добродию! Этот парень был в театре и видел кумедию. Он начал было мне рассказывать, какова она, да вы перебили.

Возный. Кумедия, сиречь лицедейство... (*К Петру.*) Продолжай, любезный.

Петро. В комедии — одни выйдут, поговорят-поговорят да и уйдут. Другие выйдут — то же самое делают. А то под музыку поют, смеются, плачут, бранятся, дерутся, стреляются, закалываются и умирают.

Выборный. Вот она какова, кумедия! Есть что посмотреть, ежели люди до смерти убиваются! Бог с нею совсем!..

Возный. Они не убиваются и не умирают — того, как его — по-настоящему, а так, делают вид и искусно прикидываются мертвыми... Ого, если бы и вправду убивались, было бы за что деньги платить!

Выборный. Так это только обманом деньги выколачивают. Скажи-ка, приятель, какое тебе больше других понравилось, как пан возный называет, лицемерство?

Возный. Не лицемерство, а лицедейство!

Выборный. Ну, ну! лицедейство...

Петро. Мне полюбилась наша малороссийская комедия. Там была Маруся, были Климовский, Прудиус и Грицько.

Выборный. Расскажи нам, что они говорили, что делали.

Петро. Пели московские песни на наш голос. Климовский танцевал с москалем. А что говорили, понять было трудно, потому что эту штуку написал москаль по-нашему и очень слова перепутал.

Выборный. Москаль? Ну, нечего и говорить! Должно быть, сильно напутал и намешал гороху с капустой?

Петро. Климовский был образованный, песни складывал и выборным казаком был. Служил в полку пана Кочубея во время баталии со шведами под нашей Полтавой.

Возный. В полку пана Кочубея? Но в славные полтавские времена — того, как его — Кочубей не был полковником и полка не имел. Пострадавший от изверга Мазепы за верность государю и отечеству Василий Леонтьевич Кочубей был генеральным судьей, а не полковником.

Выборный. Так-то оно так, да, не во гнев сказать вашей милости, это черт знает что.

Возный. Большая неправда выведена перед взорами публичности. За сие малороссийская история вправе призвать сочинителя к ответу.

Петро. Там и Искру почитают...

Возный. Искра, шурин Кочубея, был полковником полтавским и пострадал вместе с Кочубеем чуть не за год до Полтавской баталии. Следовательно, думать надо, что и полком оң не командовал во время сражения при Полтаве!

Петро. Там и Прудису, и его писаря Грицька на посмешище людям вывели. Будто они царскую казну утаили.

Возный. Вот это дело возможное, и за это сердиться не следует. В семье — того, как его — не без уroda. Разве есть земля, чтобы праведными Иовами была населена? Два плута на селе и селу бесчестья не делают, не только что целому краю.

Выборный. Вот только некрасиво, что москаль взялся по-нашему и про нас писать, не выдавши нашего края, не зная обычаев и поверий наших! Если не поп, то...

Возный (*перебивая*). Полно, довольно, хватит, будет болтать! Какое тебе дело до чужой выгоды? Пойдем-ка лучше к моей будущей теще!..

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ 8

Петро (*один*). Горько мне слышать, что другой, а не я, зовет Терпилиху тещею! Так, значит, Наталка не моя? Наталка, которую я любил больше всего на свете! Для которой обрек жизнь свою на все беды, для которой стонал от тяжелой работы, для которой скитался на чужбине и по копейке собирал заработок, чтобы разбогатеть и навек назвать ее своею! Сам бог благословил мои труды, а Наталка все же достается другому. Эх, злая доля моя! Почему ты не такая, как у других? (*Поет.*)

Ж 16

Ой, шел казак с Дону, да с Дону до дому,
Да с Дону до дому, да сел над рекою.

Да сел над рекою, проклиная долю:
Ох, доля моя, доля, доля моя злая!

Доля моя злая, что ж ты не такая,
Что ж ты не такая, как доля чужая?

Другим даешь много, меня обижаешь,
Всё то, что мне мило, теперь отнимаешь!

Но спасибо доле, если казак в поле,
Если казак в поле, тогда он на воле.

Ой, когда б ты, доля, вышла б со мной в поле,
Тогда б ты узнала, кого обижала.

ЯВЛЕНИЕ 9

Петро и Микола.

Петро. Ну, что, Микола, какие вести?

Микола. Не успел ни о чем спросить. Черт принес возного с выборным! Спрятался бы ты куда-нибудь. Наталка обещала на минутку сюда выйти.

Петро. Да как же я удержусь, чтобы не показаться, когда увижу свою милую!

Микола. Я кликну тебя, когда нужно будет.

Петро прячется.

ЯВЛЕНИЕ 10

Микола и Наталка

Наталка (*выходя поспешно*). Что ты мне хотел сказать, Микола? Говори скорей, потому что меня скоро хватятся!

Микола. Ничего. Я хотел спросить тебя, правда ли, что ты просватана за возного?

Наталка (*печально*). Просватана... Что ж делать, нельзя больше матери перечить. Я уж и так долго выкручивалась, и всякий раз убивала ее своим отказом.

Микола. Что ж! Возный, черт его побери, жених завидный! Не бойся — полюбится. А может, и полюбился уже?

Наталка (*с упреком*). Микола, Микола! Грех тебе теперь надо мной смеяться! Могу ли я полюбить возного или кого другого, если я люблю Петра? Ах, если бы ты знал его, ты пожалел бы и меня, и его!

Микола. Петра? (*Поет.*)

За того за Петруся
Меня била матуся.

Ой, лихо, — не Петрусь,
Лицо бело, черен ус!..

Наталка (*заплавав*). Что ты мне напомнил? Терзаешь ты мое сердце! Бедная я... (*Помолчав, указывает на реку.*) Видишь Ворсклу? Либо там, либо ни за кем...

Мик о л а (*показывает в ту сторону, куда спрятался Петро*). Посмотри-ка туда! И в Ворскле не придется быть, и грустить перестанешь!

Н а т а л к а. Ты, мне кажется, пожив в городе, ошалел и совсем не тем стал, чем был.

Мик о л а. Хочешь, я сделаю так, что и ты не та будешь, что теперь?

Н а т а л к а. Бес тебя знает, что ты плетешь! Пойду-ка лучше домой! (*Хочет уйти.*)

Мик о л а (*удерживает*). Подожди! Одно только слово выслушай, и отвяжешься от меня.

Н а т а л к а. Ну, говори, что такое?

Мик о л а. Хочешь видеть Петра?

Н а т а л к а. Что ты, перекрестись! Откуда бы ему взяться?

Мик о л а. Он тут, да боится показаться тебе, потому что ты просватана за возного.

Н а т а л к а. Что ж ему бояться? Нам не грех свидеться. Я еще не венчана... Да ты обманываешь меня!

Мик о л а. Не обманываю. Гляди! Петро, явись!

Наталка при появлении Петра вскрикивает: «Петро!» Петро вскрикивает: «Наталка!» Оба стремятся друг к другу, обнимаются.
Немая сцена.

Мик о л а (*поет*).

Походил один Петрусь,
Да сказал: я к ней вернусь!

Ой, лихо, — не Петрусь!
Лицо бело, черен ус!..

Петро. Наталка! Вот как довелось нам встретиться! Для того только мы увиделись, чтобы навеки разлучиться!..

Н а т а л к а. Ах, Петро! Сколько слез пролила я по тебе! Я знаю тебя, а потому и не спрашиваю: любишь ли меня. А за себя я хоть сейчас клятву дам!

Мик о л а (*перебивает*). О любви вы поговорите в другой раз, в другое время. Теперь надо смекнуть, как с возным развязаться.

Н а т а л к а. Долго ль с ним развязаться. Не хочу, не пойду — и концы в воду!

Мик о л а. Разве так хорошо будет? Твоя мать...

Н а т а л к а (*перебивает*). Моя мать хотела, чтобы я

вышла за возного потому, что Петра не было. А коли он пришел, то возный должен отступиться.

Петро. Возный — пан чиновный и богатый. А у меня ничего за душой нет... Вам с матерью нужны опора и защита, а я только врагов вам прибавлю и помощи никакой оказать не смогу.

Наталка. Ты, Петро, не так думал, когда уходил от нас!

Петро. Я все тот же. Какой тогда был, такой и теперь. Но скажу тебе: твоя мать не согласится променять богатого зятя на бедного.

Микол а. Петро, пожалуй, правду говорит.

Наталка. Вижу я свое несчастье! Петро больше не любит меня, ему горя мало, если я и совсем пропаду. Вот какая теперь правда на свете!

М 17

К той теперь, Петро, пойдешь ты, кого крепко любишь, Меня, бедную, пред нею за любовь осудишь!

Петро.

Никого не полюбил я и любить не буду.

Я тебя, мое серденько, вовек не забуду!

Оба вместе.

Наталка.

Петро.

Если б ты любил, как
прежде,

Я люблю тебя, как прежде,

Ты б не стал чуждаться, Не думал чуждаться.

Не позволил бы ты милой И я милой не позволю

Другому достаться!

Другому достаться!

Наталка.

Жизнь теперь мне ненавистна, как мне быть, не знаю,
Коль моим, Петро, не будешь, погублю себя я!

Петро.

Если вправду Петра любишь, то живи с ним дружно,
И тебе тогда бояться ничего не нужно.

Оба.

Сердцам верным бог поможет вынести и муки.
Неразлучны наши души, неразлучны руки!

Микол а. Правда, Наталка! Молись богу и жди от него всякой милости. Он так сделает, что не успеете вы и оглянуться, как счастье на вашей стороне будет!

Н а т а л к а. Я давно уже поклялась и теперь клянусь, что, кроме Петра, ни за кем не буду! У меня не мачеха, а родная мать. Не захочет она родную дочь губить.

Петро. Дай бог, чтобы природная доброта ее взяла верх над соблазном с богатым зятем породниться!

Н а т а л к а. Петро, любишь ты меня?

Петро. А ты все не веришь? Люблю тебя больше, чем самого себя!

Н а т а л к а. Дай же мне руку! (*Взяв руки.*) Будь бодрым, верным мне, а я навеки твоя!

Микол а. Ай, Наталка, ай, Полтавка! Вот девка! На краю пропасти не только не испугалась, а и другого подержала! (*К Наталке.*) За это спою тебе песню про Ворсклу, чтобы ты не пыталась ее своей гибелью прославлять. У нее и без того своя слава есть. (*Поет.*)

Ж 18

Ворскла — речка
Невеличка,
Льется плавно,
Вечно славна
Не водою, а войною —
Швед пропал в ней с головою.
Ворскла помнит —
Было дело,
Царь наш белый,
Царь наш смелый
Бил здесь крепко вражью силу
И насыпал ей могилу.
Казаченьки
С москалями
Потешались
Над врагами,
Крепко бились за Полтаву
И за всей России славу!

Петро. Сюда идут...

Микол а. Крепись, Петро! И ты, Наталка! Надвигается туча, и будет великий гром.

Те же, Возный, Выборный и Терпилиха.

Выборный. Что вы тут так долго растабариваете?

Возный. О чем вы — того, как его — беседуете?

Терпилиха (*увидя Петра*). Ох, горюшко!

Наталка. Чего вы испугались, мама? Это Петро!

Терпилиха. Свят, свят, свят! Откуда он взялся? Это наважденье!

Петро. Нет, это не наваждение. Это я, Петро, душой и телом.

Возный (*к Выборному*). Какой такой Петро?

Выборный. Может, тот самый, о котором я вам говорил. Наталкин жених — бродяга, проходимец!..

Возный (*к Петру*). Так ты и есть этот Петро? А не можешь ли ты — того, как его — убраться своею дорогой? Думается мне, кажется, видится, что ты среди нас лишний.

Наталка. Почему же он лишний?

Терпилиха. Ясное дело, лишний, коль пришел не вовремя хату студить!

Петро. Я вам ни в чем не помешаю. Кончайте с богом то, что начали.

Наталка. Не так-то легко можно кончить то, что они начали.

Возный. А по какой такой резонной причине?

Наталка. А по такой причине: коль Петро мой вернулся, то я, добродию, уже не ваша!

Возный. Однако, прошу покорно, — вы рушники подавали, сиречь — того, как его — должна повенчаться со мною...

Наталка. Далеко еще до того, чтобы с вами венчаться. Рушники еще ничего не значат.

Возный (*к Терпилихе*). Не прогневайся, старая! Дочка твоя — того, как его — нарушает узаконенный порядок. А понеже рушники и шелковый платок суть доказательства добровольного и непринужденного ее согласия быть моею сожительницею, то при таком беззаконии предстанете вы перед судом, заплатите пеню и в тюрьме насидитесь.

Выборный. Верно, верно! Сразу же в волостное правление, да и в колодки!

Терпилиха (*со страхом*). Родимые! Смилуйтесь! Я не отступлюсь от своего слова. Что хотите делайте с Петром, а Наталку хоть свяжите да к венцу ведите!

Н а т а л к а. Не добьются они ничего. Петро ни в чем не виноват. Я сама не хочу за пана возного. И силой никто к этому меня не принудит. А коли на то пошло, так знайте, что я навечно от Петра отрекаюсь, но и за паном возным никогда не буду.

М и к о л а. Что они теперь скажут?

В ы б о р н ы й. Вот вам и Полтавка. Люблю за обычай!

Т е р п и л и х а. Выслушайте меня, родимые! Дочка моя еще никогда не была такой упрямой и смелой. А как пришел *(указывает на Петра)* этот разбойник, бродяга, то и Наталка с ума сошла и — сами видите! — какой стала. Коли вы не выпроводите отсюда этого голодранца, то я не ручаюсь, что она и меня послушает.

В о з н ы й и В ы б о р н ы й *(вместе)*. Вон, разбойник, из нашего села! Чтобы и духу твоего здесь не было! А коли своей волей не пойдешь, отправим тебя туда, куда и Макар телят не гонял!

Т е р п и л и х а. Сгинь, сгинь, наваждение!

П е т р о. Успокойтесь на время и выслушайте меня. Что мы с Наталкой любили друг друга, про то и богу, и людям известно. А чтоб я Наталку отговаривал идти замуж за пана возного, учил дочку не слушать матери, поселял несогласие в семействе — пусть бог меня накажет — это неправда! Наталка, покорись своей судьбе! Послушайся матери, полюби пана возного и забудь меня навеки! *(Отворачивается и утирает слезы. Все показывают вид участия в горести Петра, даже и Возный.)*

Т е р п и л и х а *(в сторону)*. Добрый Петро! Сердце мое против воли за него заступается.

Наталка плачет. Возный рассуждает.

В ы б о р н ы й. Что ни говори, а мне жаль его...

М и к о л а. Чем-то все это окончится?

В о з н ы й *(Петру)*. Ты, брат, — того, как его — куда теперь отправишься?

П е т р о. Я шел в Полтаву. А теперь пойду, чтобы никогда сюда не возвращаться. Еще два слова скажу Наталке: Наталка! Я из-за тебя оставил Полтаву и для тебя в дальних краях трудился четыре года. Мы с тобой выросли и воспитывались вместе у твоей матери. Никто не запретит мне считать тебя своей сестрой! Все, что я нажил, — твое. На, возьми! *(Вынимает из-за пазухи завернутые в лубки деньги.)* Чтобы пан возный никогда не

попрекнул тебя, что взял бедной и на тебя издержался! Прощай! Уважай мать нашу, люби своего суженого. А за меня отслужи панихиду!

Наталка. Петро! Несчастье мое не такое, чтобы можно было от него откупиться! Оно — здесь (*показывает на сердце*)! Не нужны мне твои деньги! Они не помогут мне... Но бедой нашей не потешатся вороги наши! И моей жизни конец недалек... (*Склоняется на плечо Петру.*)

Терпилиха (*подбегает и обнимает Петра*). Петро!

Наталка (*обнимая Петра, говорит матери*). Мама, кого мы теряем!

Микола (*Выборному*). А тебе каким он кажется?

Выборный. Такого человека, как Петро, я сроду не видел!

Возный (*вышел вперед на сцену*). Поразмыслил я предовольно и нашел, что великодушный поступок всякие страсти в нас пересиливает. Я — возный, и признаюсь, что от рождения моего расположен к добрым делам. Но за недосугом по должности и другими заботами доселе ни единого не сделал... Поступок Петра, только усердный, без примеси какого-либо ухищрения, подвигает меня на нижеследующее (*к Терпилихе*): ветхая деньми! благословишь ли на благое дело?

Терпилиха. Воля ваша, добродию! Что ни сделаете, все будет хорошо. Вы у нас пан образованный.

Возный. Добрый Петро и бойкая Наталка! Подойдите ко мне! (*Берет их за руки, подводит к матери и говорит.*) Благослови детей своих счастьем и здоровьем! Я отказываюсь от Наталки и уступаю ее Петру в вечное и потомственное владение с тем, чтобы он дал ей счастье. (*К зрителям.*) Поелику же я — возный, то по привилегии, Статутом мне данной, заповедую всем: где двое дерутся, третий не мешайся! К тому же твердо памятовать надлежит, что насильно мил не будешь!

Петро и Наталка (*когда Возный говорит к зрителям, обнимают мать, а по окончании говорят*). Родимая, благослови нас!

Терпилиха. Бог соединил вас чудом — пусть и благословит своей благодатью!..

Микола. Вот они каковы, наши полтавцы! Коль пошло к тому, чтоб доброе дело сотворить, один другого опередить хочет.

Выборный. Наталка по всему полтавка! Петро —

тоже полтавец! Да и пан возный, сдается, не другой какой губернии.

Петро. Наталка! Теперь мы никогда не расстанемся! Бог нам помог перенести беды и напасти. Он поможет нам верной любовью и порядочной жизнью быть примером для других и заслужить прозвище добрых полтавцев. Запевай же, коли не забыла, свою песню, которую я всего больше люблю!

Наталка. Если кого любишь, того век не забудешь!

№ 19

Ой, я дивчина-полтавка,
А зовут меня Наталка.
Я проста и некрасива,
Но добра и не спесива.
Вкруг меня все хлопцы вьются,
За меня порой дерутся.
Одного Петра люблю я,
С ним одним и жить хочу я!
Пусть подружки веселятся —
Им с другими миловаться.
Без Петра я всё скучаю,
Счастья-радости не знаю.
Лишь с Петром мне быть счастливой
И веселой — всё на диво.
Всей его люблю душою,
Он один всегда со мною! ..

Хор

Начинайте веселиться —
Время слезы осушить!
Что напасти нам страшиться? } (2)
Не до смерти в горе жить!
Пусть одни лишь злые плачут,
Те, что козни замышляют.
А полтавцы в пляске скачут } (2)
И — назло другим — гуляют!
Если хочешь быть счастливым,
То на бога полагайся,
Будь в несчастье терпеливым, } (2)
Тех, кто беден, не чурайся!

Занавес

СОЛДАТ-ЧАРОДЕЙ

Опера малороссийская в одном действии

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Лихой — солдат.

Михайло Чупрун — поселянин.

Тетяна — жена его.

Финтик — писарь из города, приехавший в деревню.

Действие в доме Чупруна.

ЯВЛЕНИЕ I

Тетяна и Финтик в малороссийской хате сидят за столом, перед ними стоит бутылка меду и стаканчик.

Тетяна. Вы, панич, не балуйте, сидите смирно!

Финтик. Что же я делаю, любезная Тетяна? Я, кажется, то есть, из благопристойности не выхожу.

Тетяна. Выходите вы из своей благопристойности иль не выходите — до того мне мало дела. Только знайте: языком трепли, а рукам воли не давай!

Финтик. Ах, батюшки мои! Сколько я объяснял жарчайший пламень любви моей к тебе, но ты все не догадываешься, до чего мои ежедневные к тебе учашения относятся? Ей-ей, до того, чтобы насытиться твоим лицезрением, насладиться гласом уст твоих и возлобызать розы губ твоих!

Тетяна. А я разве запрещаю вам приходить ко мне, хоть и не годилось бы делать это так часто? Запрещаю на меня смотреть, разговоры вести да точить ляды? А це-

ловаться — извините, это уж не шутки... Знаете, что я вам скажу? Лучше бы вы спели что-нибудь.

Финтик. Что-то сегодня голоса у меня нет. Вчера был у Епистимии Евстафиевны, да, выпивши чашку воды и две чашки с настойкою, вышел на двор, и на открытом воздухе сквозной ветер захватил шею и грудь, и теперь дерет в горле. *(Кашляет.)*

Тетяна. Да полно, перестаньте ломаться. Выпейте чарочку меду, вот горло и прочистится.

Финтик *(наливает и пьет)*. Какую ж песню спеть?

Тетяна. Какую хотите. У вас ведь их достаточно! Разве вы в городе панночкам не поете? Ну-ка!

Финтик. Вот разве эту? *(Напевает мотив, потом откашливается и после поет.)*

№ 1

Тобою восхищенный,
Признаюсь пред тобой,
Что, быв тобой плененный,
Не властвую собой.

Ты суд мой и расправа,
Ты милый протокол,
Сердечная управа,
Ты повытье и стол.

Дороже ты гербовой
Бумаги для меня;
Я в самый день почтовый
Вздыхаю от тебя.

Перо ты лебедино,
Хрустальный каламары!
Прорцы словцо едино —
И я твой секретарь!

Тетяна. Странная песня! Да и вы кажетесь странным, когда поете, будто не в себе. Мне даже грустно сделалось.

Финтик. Ах! эта песня весьма бойкая. Она моего сочинения. Тут очень-весьма нужно объясняется любовь со всеми воспалениями к милой персоне.

Тетяна. Бог с ней, с персоной и воспалением! Спойте песню без жара. Да не машите руками и не таращите так страшно глаза!

Финтик. Ей-ей, не знаю, какую еще пропеть в твою угодность. Знаешь ли, прекрасная Тетяна, споем вместе. Я вторить буду, а ты дишканта пой.

Тетяна. Я не прилажусь с вами петь, а может, и песни такой не знаю, какую вы знаете.

Финтик. Славные песни, например: «Склонитесь, веки...», «С первых весны...», «Все забавы...», «То теряю...», «Не прельщай меня, драгая!...», «Почто, ах, не склонна...». Не знаешь ли из сих какой?

Тетяна. Нет, ни одной не знаю... А вы знаете «Не оттуда ль ветер веет...»?

Финтик. Знаю весьма немного.

Тетяна. Вот и споем ее, если хотите. Вы берите ниже, а я выше. Да не спешите. Глядите ж, пойте не спеша.

Финтик. Добро, хорошо.

Оба (поют).

№ 2

Не оттуда ль ветер веет, где дружок тоскует?
Всё гляжу я в ту сторонку — видно, сердце чуёт.

Вы скажите, звезды ясны, где он поживает,
Сердце б восточку послало, да куда — не знает.

Коли верно меня любит, то приснюсь ему я,
Он и сонный угадает, что по нем тоскую.

Вы скажите, звезды ясны, где он поживает,
Сердце б восточку послало, да куда — не знает.

Пусть любовь он нашу вспомнит, милой улыбнется,
Пусть ему в чужой сторонке хорошо живётся!

Вы скажите, звезды ясны, где он поживает,
Сердце б восточку послало, да куда — не знает.

Тетяна. А теперь время и ужинать. Я всем запаслась на те деньги, что вы вчера дали. К тому же вам и домой далеко идти.

Финтик. Рано еще. Мне очень-весьма не хочется с тобой расставаться.

Тетяна. Мало ли что не хочется! Ко мне скоро девчата придут прясть — на вечерницы. Нехорошо будет, коли вас тут застанут.

Финтик. Я не усматриваю тут ничего нехорошего. Позволь, бесподобная Тетяна, и мне остаться на вечерницах!

Тетяна. Что вы, разве это можно! Обо мне бог знает чего наговорят! Вы и так что-то очень уж подъезжаете. Это бы хоть обошлось! Вы ведь знаете, что я мужнина жена.

Финтик. Так что же! Разве замужней нельзя и полюбить?

Тетяна. Известно, нельзя. То-то вы, ученые да грамотные люди, куда как хитры. Будто и не понимаете, что грех, а что срам! Пусть уж мы, простые люди, где в чем согрешим, так нам бог простит. А вы все знаете, и будет вам сто погибелей. Да еще вместо того чтобы других наставлять, вы сами лукавство замышляете. Ни часу не пропустите, чтобы кого под грех не подвести.

Финтик. Быть не может! Мы кого любим, того и уважаем.

Тетяна. Вот и неправду вы говорите! Вы сами, Каленик Кононович, признались, что меня любите. А зачем меня любите? Знаю все помыслы ваши и что вам в голову взбрело. Только, на беду свою, не на такую напали. Я бога боюсь и мужа своего люблю, как самое себя. И вашу пани матку — или, как вы говорите, матушку — уважаю, потому и вам прощаю, хоть вы мне прохода не даете. Если у вас и есть что дурное в мыслях, выбросьте из головы, потому что потом стыдно будет. Удивляюсь вам: домой к матери приехали, а никогда дома не сидите.

Финтик. Мне скучно сидеть дома и заниматься с матушкою. Она такая простая, такая неловкая, во всем по-старосветски поступает: рано обедает, рано спать ложится, рано просыпается. А что всего для меня несноснее, что в нынешнее просвещенное время одевается по-старинному и носит очипок, намитку, плахту и прочие мужичьи наряды.

Тетяна. Бога вы не боитесь, если так говорите о своей матери! Разве родителей следует почитать за их одежду? Разве не нужно уважать мать уже за то, что она стара и держится старосветских обычаев? Вот какие теперь пошли сынки!

Финтик. Да для чего ж ей упрямиться? По крайней мере хоть бы одевалась по-городскому ради сына такого, как я. Ты видишь, как я одет. Можно ли мне смотреть без стыда и, не покрасневшись, называть матушкою про-

сто одетую старуху? Ежели бы мои товарищи и друзья повидели меня с нею вместе, я сгорел бы со стыда по причине их насмешек.

Тетяна. Грех вам смертный таким сыном быть! Какова бы ваша мать ни была, она все же мать. Она у вас женщина добрая, разумная и почтенная. А что ведет себя попросту, этого вам стыдиться нечего. Вы думаете, что ваша мать хуже вас потому, что вы грамотный, дослужились до какого-то чина, что одежду себе пошили узкую и дворянскую медаль зачем-то прицепили? Так ведь она вас родила, выкормила, уму-разуму научила: сперва к дьячку отдала в ученье, потом в волостное правление писарем определила. Без нее вы, может, пастухом бы были, овец либо свиней пасли бы...

Финтик. Пустое! Вздор! Я — ветвь масличная от грубого корня. Иосиф во Египте сделался любимцем царя, и старый Иаков, отец его, должен был смириться перед ним.

Тетяна. Вот как вас учили! Вы равняете себя с Иосифом? Далеко куцему до зайца! Наш поп говорит, что Иосиф оттого и счастлив был, что отца своего уважал и почитал после бога первым. А на такого сына, как вы, падет от бога немилость, а от людей проклятье. Увидите, что вам будет за вашу гордость и неуважение к матери!

Финтик. Ничего, ибо я прав. Надобно сообразоваться со временем и по оному поступки и чувства свои располагать.

Тетяна. Только не к родителям. Я не знаю, как вас на службе терпят? Думается мне, кто презирает родных своих, на того ни в чем нельзя положиться, ни в чем ему нельзя верить. Такой человек меж людей — что паршивая овца в стаде...

ЯВЛЕНИЕ 2

Те же и Солдат (немного пьян).

Солдат (*входя в избу, тотчас говорит*). Здравствуй, хозяин! Я — твой постоялец. Давай угол да на ужин курицу. Да нет ли и лавреников?

Тетяна. Хозяина дома нет.

Солдат. Все равно. А это кто с тобой?

Тетяна (*робко*). Это?.. Это?.. Городской человек!.. (*В сторону.*) Что ему сказать?.. Это мой родственник.

Солдат. Все равно... (*В сторону.*) Врет баба... Ну, когда он твой родня, что ж он так оробел?

Финтик. Кто, я? Нет, то есть... (*Трусливо.*) Я... я губернский родич, то есть сей хозяйки. Да тебе... вам то есть, какая до того нужда?

Солдат. Мне какая нужда? Да знаешь ли, кто я? (*Притворяется сердитым, поет.*)

№ 3

Меня зовут — Лихой,
Солдат я неплохой.
И храбрости палата.
Хоть с места — докажу,
В капусту искрошу
Тебя, чернильна хвата.
Ну, стой, не шевелись!
На вытяжку! Бодрись!
Гляди повеселее!
А то те карачун.
Бумажный ты шалун, —
Вмиг будешь почестнее!

(*К Тетяне. Берет ее за плечо и приближает к Финтику*)

И ты марш под ранжир!
У вас один мундир,
Вы храброго десятка.
Вас буду я пытать:
Должны вы мне сказать
Всю сущу правду-матку.

(*К Финтику*)

Ну, кто ты? Отвечай!

Финтик (*трусливо поет*).

Почтеннейший служивый,
Даю ответ правдивый:
Я есть полиции писец.

Солдат.

Зачем же здесь ты, сорванец?

Финтик (*трусливо*).

Ей-богу, невзначай
Зашел я до суседы
Для дружеской беседы.

Солдат (*к Тетяне*).

А ты что запоешь?

Тетяна. Вот слушай. (*Поет.*)

№ 4

Ой, служивый, ой, служивый, что тебе за дело?
Ведь я женка не простая, отвечаю смело.
Почему тебе спускаю, я не знаю, право.
Отцепись, отвяжись, ой, солдат лукавый!

Я — хозяйка, ты — бродяга; что ж ты расхрабрился?
Берегись, чтоб сам у черта ты не очутился.
Почему тебе спускаю, я не знаю, право.
Отцепись, отвяжись, ой, солдат лукавый!

Как злодей, подкрался к хате ты, солдат, на горе.
Ты один тут, и негоже тебе с нами спорить.
Почему тебе спускаю, я не знаю, право.
Отцепись, отвяжись, ой, солдат лукавый!

Солдат (*спокойнее*). Ладно, ладно, хозяйшшка, ты права. В чужой монастырь со своим уставом не суйся.

Тетяна. То-то, не суйся! Мы не знаем, что ты за человек. Видим — солдатский мундир на тебе, потому тебя и почитаем. Ведь вас не для того делают военными, чтобы вы в своем царстве людей калечили, а для того, чтобы...

Солдат. ...чтобы вас, мужиков, защищать от неприятелей. А вы должны нас уважать и ничего для нас не жалеть.

Тетяна. Нас, мужиков? Сам-то ты большой пан? Ведь и ты мужиком был, пока тебе лоб не забрили да мундир на плечи не натянули. Кабы я не женщиной была, я, может, солдатом бы еще получше тебя стала. (*Смеется.*)

Солдат (*весело*). Славно! Эдакая воструха! Ты, панич, зачем не идешь в военную службу? Не стыдно ли

в твои лета, при твоём здоровье, а может быть, и уме, пачкаться день и ночь в чернилах, грызть перья и жевать бумагу? Ну, скажи, что ты выслужишь в писарях? Да, говорят, что хоть век служи, а вашему брату до штаба не дослужиться.

Финтик. А почему же? Правда, без экзамена в науках не произведут в ассесоры, то есть в ранг премьер-майора; но сей чин можно получить за отличие.

Солдат. За отличие? Да чем же и где писарь может отличиться? Да будь ты и секлетарь — так всё те запятая! У нас, брат, тоже есть в полку канцелярия и писаря — не вашим чета, а отличия нигде не показали.

Финтик. Ты рассуждаешь как солдат, и отличие поставляешь в том, когда руку, ногу или голову потеряешь; а беспорочное прохождение службы, ревностное и усердное прилежание к исполнению своей должности — разве не есть отличие?

Солдат. Нет, это обязанность и долг служащих, а не отличие... Но военная служба, как ни говори, есть служба славная. Ну, когда ваша штатская служба знаменита, зачем вас называют подьячими?

Финтик. Сие взято из древних преданий. Но у нас, по гражданской службе, есть много почтенных людей, имеющих статские чины и звания.

Солдат. И ведомо, как не быть? Но больше, я думаю, из таких, что служили первее в военной службе, а после отставки служат уже в статской. Таковы почтенны, да и поделом, ибо они посвятили всю жизнь свою на прямую царскую службу, а не для того, чтобы выслужить чинок, так, как ты.

Тетяна. А что, договорился? То-то: не надо о себе много в голову забирать да думать, вот мы, мол, какие!

Финтик. Что же! В 1812 году, во время нашествия на Россию Бонапарте, я хотел было пойти в ополчение, но батюшка и матушка — куда! Такой подняли шум и едва не ослепли от слез.

Солдат. Эдакие чадолюбивые! Полно об этом! Скажи-ка, панич, зачем ты здесь и свой пост оставил?

Финтик. Я приехал в сие село домой для свидания с матушкой и имею отпуск на два месяца. А здешнюю хозяйку посещаю для ради скуки.

Солдат. Смотри-ка, чтоб от скуки не завелись крючкотворные шашни. Ведь ваше братье — крапивное семя. У вас совесть купоросом подправлена. Недолго до беды!

Тетяна. Не беспокойся, сударь служивый! Знаю я, куда вы гнете. Подержали бы язык за зубами. Нужды мало, что мужа дома нету уж третий месяц!

Солдат. Я, право, дурного ничего не думаю... Однако, хозяйка, нет ли у тебя чего поужинать или хоть так перехватить? *(Зевает, будто спать хочет.)*

Тетяна. Ей-богу, ничего нет. Я живу одна и о еде не думаю. Одной мне много не надо.

Солдат. Ну хоть горилки чарку! *(Опять зевает.)*

Тетяна. Горилки? Прах с нею! Я уж не помню, когда она в хате была.

Солдат. Ну *(зевает)*, так где же мне спать ложиться? Я устал, а притом и с похмелья — смерть спать хочется.

Тетяна. Вон там, за печью, коли хочешь, больше негде.

Солдат. Ладно! *(Зевая, снимает с себя подсумок, тесак и вешает на стене, к которой прежде приставил ружье.)* Прощайте, добрые люди! Бог с вами! *(В сторону.)* Я вас подстерегу. *(Уходит за кулису возле печи.)*

ЯВЛЕНИЕ 3

Те же, кроме Солдата.

Финтик. Пусть голодный околеет, негодный азартник!

Тетяна. А мне жаль его. Но за то, что бушевал, пусть спит не евши. У нас ласкою все получишь, а бранью да криком ничего не возьмешь.

Финтик. Так это же первейшая привычка у солдата, чтобы на квартире хозяйку напугать, хозяина выругать и такую поднять кутерьму, что не знаешь, куда деться... Когда же мы и как ужинать будем?

Тетяна. Подождите, пока солдат заснет покрепче. Есть у меня жареная колбаса, курица да запеканки бутылочка. Еда стоит в чулане под кадкой, а запеканка вон там *(указывает)*, в печурке. Прислушайтесь; он уже храпит...

Финтик. Однако же ты с ним потом одна останешься...

Тетяна. Вам-то что до того? Ко мне придут девчата, а вы до той поры посидите у меня. Я скажу, что вас нарочно упросила остаться, чтобы не быть одной с солдатом,

Финтик. А вдруг мы сядем за ужин, а солдат проснется?

Тетяна. Ну, мы и его пригласим. Сердитым надо угождать, а злого лаской скорее улестишь, чем ссорой.

Финтик. Это правда... Тсс... Кто-то стучится.

Тетяна. Может, ветер? (*Прислушивается.*)

За кулисами шум и голос слышен, вызывающий к волам. Тетяна прислушивается у окна. Финтик трусит.

Тетяна (*в испуге*). Пропала я!.. Муж мой вернулся!

Финтик (*в отчаянии*). Что же мне, то есть, делать? Куда деваться?

Тетяна. Лезьте скорее в подпечь. Я закрою вас заслоной, а как все уснут, выпущу во двор.

Финтик прячется в подпечь. Тетяна заставляет печь заслоной и отправляется встретить мужа.

ЯВЛЕНИЕ 4

Михайло и Тетяна.

Михайло (*входит в горницу*). Здорово, жинка, моя голубушка! (*Обнимаются.*) Как поживаешь? Жива ли, здорова ли?

Тетяна. Слава богу, муженек. А ты как? (*Обнимает мужа.*) Что так замешкался? Я ждала-ждала, да уж и ждать перестала.

Михайло. В дороге, знаешь, всяко бывает; да, слава богу, все благополучно. (*Увидя амуницию.*) А это, жинка, что такое?

Тетяна. Что такое? Солдат-постоялец. Только не очень шуми, чтобы не разбудить. Недавно спать лег.

Михайло. Может, сердитый очень, крикливый? Давно ли стал у нас на квартиру?

Тетяна. Сегодня вечером пришел. И такой тут шум поднял, уж я не знала, что и делать. Давай ему горилки, курей и вареников!

Михайло. Накормила ты его?

Тетяна. Чем же я его накормлю? У меня ничего нету. Я одна, и для себя редко стряпаю.

Михайло. Оттого-то он и сердитый. Хорошо еще, что не поколотил тебя. Вот диво, солдат заснул голод-

ный, не побивши хозяйки. Да и мне есть хочется. Нет ли чего?

Тетяна. Что же мне делать? Может, паляницы принести, что ли?

ЯВЛЕНИЕ 5

Те же и Солдат.

Солдат. Что у вас тут за шум? Мне и спать помешали.

Михайло. Извините, сударь, пожалуйста. Я вернулся с дороги и с женою разговорился.

Солдат. Так ты хозяин? Ну, брат, здорово! Небось давно дома не бывал?

Михайло. Девятая неделя, как из дому выехал в Крым за солью.

Солдат. Это нехорошо такую молодую и пригожую женочку оставлять одну и на долгое время.

Михайло. Ничего не поделаешь. Если все время с жинкою дома сидеть, то и есть нечего будет.

Тетяна. Нам не впервые. Я уже привыкла оставаться дома одна без мужа.

Солдат. И тебе не скучно одной?

Тетяна. Как не скучно! Да помочь нечем.

Солдат. Эй, смотри! Мне что-то не верится, чтоб женщина не нашла для себя забавы в скуке!

Тетяна. Про всех этого нельзя сказать. Бывает так, что ничем не виноватая по простоте своей терпит от людей напраслину. А другая и впрямь виновата, да умеет концы в воду припрятать, а для людей остается невинною.

Солдат (*в сторону*). Бой-молодица! Где здравый рассудок, там ожидать можно и прямой добродетели.

Михайло. Жинка! Нет ли чего поесть? Ей-богу, прямо живот подвело, так есть хочется!

Солдат. Чего, хозяин? И я, не поевши, спать лег. Да для меня это ничего, а для тебя, брат, накладно с дороги, после трудов.

Тетяна. Что же я вам поесть дам? Если бы еще не так поздно было...

Михайло. Дай же хоть хлеба!

Тетяна уходит за хлебом.

ЯВЛЕНИЕ 6

Солдат и Михайло.

Солдат. Жаль мне жены твоей! Ты, уезжая из дому, оставляешь ее без домашнего запаса. Ты, видно, скуп?

Михайло. Я скуп?! Упаси меня бог! Да еще для такой жены, как моя Тетяна?.. У нее всего в достатке, разве птичьего молока нет. Просто так случилось.

ЯВЛЕНИЕ 7

Те же и Тетяна, входит с белым домашним хлебом и ножом и кладет на столе.

Солдат. Славный хлеб! Кабы да по чарке водки!

Михайло. Жинка! А нет ли хоть по маленькой?

Тетяна (*с досадою*). Вот чудной! Откуда у меня возьмется горилка?

Солдат (*весело*). Хозяин! ты полюбился мне. Хочешь ли, я тебя и себя водкой попотчиваю?

Михайло. Как же это так?

Солдат (*берет обоих за руки и с видом таинственным*). Я признаюсь вам. Я — колдун!

Тетяна. А что это такое — колдун?

Солдат. Ворожей, чародей, то есть такой человек — что захочу, то сделаю, и чего захочу, тут и вырастет.

Михайло и Тетяна вырывают от него руки и отступают в страхе.

Солдат (*смеясь*). Чего ж вы испугались? Я вам зла не сделаю: оно мне запрещено; я только могу добро сделать.

Михайло. Как же это? Не своим духом?

Тетяна. Может, у тебя уговор с тем, что живет в болоте?

Солдат (*смеясь*). Что вам до того? Вы ничего не увидите и не услышите, что б могло вас перепугать или повредить.

Михайло. А что, жинка? Я ничего не боюсь. (*Подмигивая, что не верит Солдату.*)

Тетяна. Мне все равно. Уж коли его (*указывает на Солдата*) не боюсь, то чего другого и подавно.

Солдат. Хорошо. (*Принимает важный вид.*) Сказывай, хозяин, как тебя зовут.

Михайло (*с беспокойством*). Меня?.. Меня зовут Михайло Чупрун.

Солдат (к жене). А тебя?

Тетяна. Ты ведь слышал? Тетяна Чупрунка.

Солдат (вынимает шомпол, машет поверх головы и делает разные знаки в воздухе). Теперь слушайте! (Поет.)

№ 5

Ну, знай, Чупрун,
Что я — колдун.
Ворочаю чертями
И даже сатаной
Командую, дружок!
Он служит предо мною,
Как маленький щенок.

Что прикажу, всё здесь родится:
И пить, и есть, и веселиться

Мы примемся сейчас,
Зажмурьте правый глаз,
Скажите громко: шнапс!

Михайло и Тетяна (вместе). Шнапс!

Солдат. Только и надо. Поди же ты, хозяйка, в тот угол, там найдешь бутылку с славной запеканкой. Бери ее смело, принеси и поставь на стол, а после подай чарочку. Тут-то мы себя и покажем!

Тетяна. Боюсь и с места сойти!

Михайло. Чего ж ты боишься, глупая? Ведь мы же тут, в хате.

Солдат. Поди, хозяйюшка, небось, поди!

Тетяна (идет боязливо к указанному месту, находит свою водку и вскрикивает, будто от испуга). Ой!

Михайло. Что ты? Что там такое?

Тетяна. Ой, муженек! Ей-богу, бутылка с горилкой!.. Может, и вправду это тот, что — не в хате будь помянут...

Солдат. Полно блажить, хозяйка! Подавай-ка скорей сюда! Вот мы ее без страха отведаем.

Тетяна приносит водку, ставит на стол и подает рюмку.

Солдат (наливает водку, после говорит). Здравствуй, хозяин с хозяйкой! (Выпивши, наливает и подает хозяину.)

Михайло. Жинка! мне что-то не по себе. Пить или не пить?

Тетяна. По мне, как хочешь. Видишь, служивый выпил и не поморщился.

Михайло (*берет рюмку и спрашивает*). А очень вкусна?

Солдат. Знатная запеканочка! Дай бог здоровья тому, кто ее смастерил.

Михайло хочет пить. Жена удерживает его.

Тетяна. Перекрести сперва.

Михайло (*к Солдату*). А можно перекрестить?

Солдат. Не только можно, да и должно.

Михайло (*крестит и выпивает разом, после делает вид удивления и удовольствия*). А!!!

Солдат. Какова?

Михайло. Я сроду такой крепкой не пивал. Налей-ка еще.

Солдат. Погоди, хозяйку прежде попотчую. (*Наливает.*)

Тетяна. Я горилки не пью, а заколдованной и недавно.

Михайло. Ты хотя попробуй, чтоб знать, каков в ней вкус!

Тетяна. Ей-богу, боюсь. Может, она такая, что выпьешь, и...

Солдат. Пей, не бойся! Право, добрая водка!

Тетяна отведывает — морщится, вздрагивает и ставит на стол.

Солдат. Ин, поднеси нам, хозяйюшка!

Тетяна (*с досадой*). Не хватает только их угощать! И сами, коли захотите, выпейте!

Солдат. Экая спесивая! (*В сторону.*) Будешь поговорчивее. (*Выпивает и после подносит хозяйину.*)

Михайло (*уже навеселе*). Служивый! А твое ружье стреляет?

Солдат. Простачина! Зачем же солдату и ружье, ежели оно будет неисправно? Да тебе на что это?

Михайло. Ведь и я умею метко стрелять.

Солдат. Где тебе стрелять! (*Наливает и подает хозяйину.*) Ну-ка, выстрели из этого ружья.

Михайло. Да из этого само собой, а вот из твоего хочется стрельнуть. (*Выпивает.*)

Солдат. Изволь. *(Наливает и пьет.)* Давай я заряжу. *(Вынимает из сумки патрон и заряжает ружье.)*

Михайло. Жинка! найди угля или мелу.

Тетяна. Послал черт забаву! Окна повыбиваете, стены либо дверь продырявите.

Солдат. Не бойся, все цело будет. Подай-ка уголь.

Тетяна вынимает уголь и подает мужу.

Михайло. Где бы намалевать цель?

Солдат. Я знаю. *(Кладет ружье на столе, берет от Михайла уголь, идет к печи и на заслоне назначает точку и круг.)*

Тетяна *(приступя к столу)*. Ох, горе мне! Пропадет Финтик ни за что ни про что, и я без умысла стану причиной его смерти... Что делать! *(Немного задумывается.)*

В это время Михайло возле Солдата смотрит цель. Тетяна намазывает скорее огниво салом из свечки и кладет ружье по-прежнему.

Михайло. Так будет хорошо. *(Приходит к столу и берет ружье.)*

Солдат. Ладно! Становись здесь. Смотри же, целься хорошо.

Михайло. Да ну, не учи, пожалуйста. *(Целится, после отставляет и говорит)*. Покойный отец учил меня стрелять, когда я еще был маленьким, и я, бывало, на лету кур стрелял.

Солдат. Искусный же ты стрелок! Посмотрим-ка теперь твою удаль.

Тетяна *(Солдату)*. Вы бог знает что задумали: ночью в хате стрелять! Коль три раза не выстрелит, то больше и не надо.

Михайло. За три раза? Да я за один раз так трахну, что горшки с полки полетят.

Солдат. Слушай, хозяин! Я скажу: раз, два, три!.. По слову «три» тотчас пали!

Михайло. Слышу. *(Прицеливается.)*

Солдат. Раз... два... три!..

Михайло *(спускает курок — огня нет)*. Что такое?

Тетяна смеется. Солдат хохочет.

Солдат. Прикладывайся. Пусть жена твоя говорит: раз, два...

Михайло. Ладно! Говори, жинка, — раз, два, три! *(Прикладывается.)*

Т е т я н а. Раз... два... три!..

Михайло спускает курок — опять нет огня. Смех.

М и х а й л о (*с негодованием*). Да ну тебя, солдат, к черту! Это твои шутки. Зачем ты заговорил ружье?

С о л д а т. Вот те на! Да мне какая нужда заговаривать ружье? Подай-ка, подсыплю пороху на полку: авось выстрелит!

Т е т я н а (*к мужу*). Не стреляй! Пропади оно пропадом! Видишь, солдат и сам в нем не уверен. Разорвет ружье и поранит кого-нибудь из нас, а то и убьет.

М и х а й л о. Не хочу, не хочу! Не стану стрелять. Его благородие смеется над нами. (*Садится.*) А есть все же хочется.

С о л д а т. Эх, кабы теперь подала хозяйка лавреничков, этих, знаешь, треугольничков...

М и х а й л о. Лавреничков! Какой-то у вас, у москалей, язык лубяной. Сколько меж нас трешься, а до сих пор не выговоришь: ва-ре-ни-ков.

С о л д а т. Ну, вареников!.. Да что ты, Чупрун, о московских так плохо думаешь? Да я как захочу, то похлопайки говорить буду не хуже тебя.

М и х а й л о (*хладнокровно*). Чудеса! Может, и запоешь по-нашему?

С о л д а т. А почему же и нет? Слушай в оба!

М и х а й л о. Слушаю, слушаю. Послушай и ты, Тетяна!

С о л д а т (*поет*).

№ 6

Ой, был, да нема, да поехал на мельницу,
Бедна моя головушка, одна дома осталась! (2)

Дивчина моя, Переяславка!
Дай же мне поужинать, моя ласточка! (2)

Ох, я бедняжка, я ж не топила,
За водою как пошла, ведро побила. (2)

А домой пришомши — печку развалила,
За то меня родимая чуть-чуть не ушибла. (2)

Михайло и Тетяна сильно хохочут долгое время.

С о л д а т (*на них глядя, тоже смеется и после говорит*). Что ж вы смеетесь? Разве худо спел?

Михайло и Тетяна (*вместе*). Хорошо, хорошо, ничего не скажешь.

Михайло. Попал пальцем в небо! (*Смеется.*)

Тетяна. Сработал на скорую руку! (*Смеется.*)

Михайло. Где ты этому научился? Ну и диковина! И понять ничего нельзя — вот уж истинно по-нашему. (*Смеется.*)

Солдат. Да спой-ка ты, хохлач, хотя одну русскую песню. Ну, спой! .. Э, брат, стал!

Михайло. Вашу? А какую? Может, соколика или кукушечку? Может, лапушку или кумушку? Может, рукавичку или подпоясочку? Ну тебя с твоими песнями! По правде сказать, и перенимать в них нечего. Жинка, ну-ка спой по-нашему ту песню, что солдат пел. (*К Солдату.*) Сядь да послушай, как она поется.

Тетяна. Ладно, муженек, спою. (*Поет.*)

№ 7

Ой, був, та нема, та поїхав до млина,
Бідна моя головонька, що я дома не була! (2)

Дівчино моя, ти ж моя мати!
Довго ж мені, мое серце, без тебе скучати. (2)

Дівчино моя, Переяслівко,
Дай мені вечеряти, моя ластівко! (2)

Я ж не топила, я ж не варила,
По воду пішла — відра побила. (2)

А до дому пришла — піч развалила.
За те мене моя мати трохи не побила. (2)

Михайло. Ну что? Как?

Солдат. Ну что и говорить. Ведь вы — природные певцы. У нас пословица есть: хохлы никуда не годятся, да голос у них хорош.

Михайло. Никуда не годятся! Нет, служивый, это ваша пословица никуда не годится. Я тебе коротко скажу. Теперь уже не то, что раньше было: искра смекалки разгорелась. Загляни в столицу, в одну и в другую, да загляни в сенат, да пойди по министрам, вот тогда и говори — годятся наши куда-нибудь или нет!

Солдат. Спору нет, что нонче и ваших много есть заслуженных, способных и отличных людей даже и в армии, да и пословица-то идет, вишь ты.

Михайло. Пословица?.. Коли на то пошло, так и у нас немало есть их про москалей. Такая, например: с москалем знайся, а камень за пазухой держи. Почему она появилась, сам, умный человек, догадаешься.

Тетяна. Полно вам спорить. Теперь что ваш, что наш — все равны: все одного отца, царя белого, дети. Только в том разница, что одни очень бойки, а другие по-смирнее... Муженек, уж поздно, может, время спать ложиться?

Михайло. Да что-то и сон не берет, коли есть хочется.

Солдат. Да, с тощим брюхом плохой сон будет...

Михайло. Хоть бы ты, Тетяна, что спела! Может, в животе полегчало бы.

Солдат. В самом деле, спой, Танюша, что ни есть.

Тетяна. Может, русскую, что меня одна женщина с Дона учила?

Солдат. Ну-тка, ну, спой русскую. Верно, так же споешь, как я вашу.

Михайло. Послушай, а тогда и говори. Может, и понравится.

Солдат. А как эта песня начинается?

Тетяна. «Больно сердцу...»

Солдат. О, эту и я знаю, — начинай, хозяйка, и я стану подпевать.

№ 8

Больно сердцу мила друга не иметь,
Скучно, грустно одиночкою сидеть.

Кто со мною час приятный разделит?
Кто слезою меня в горе подарит?

И цветочек лишь от дождика цветет,
Так и сердце лишь занятием живет.

Где для сердца мила друга мне найти?
Чувства перед кем души своей открыть?

Ах! Люблю я — но сказать того боюсь,
Без уверенности я любви страшусь.

И без слов любовь мне можно доказать,
Сердце знает, как и друга испытать.

Буду молча нежно друга я любить,
Буду молча радость, скуку с ним делить.

Михайло. А что? Хороша песня?
Солдат. Правда твоя. Да и жена твоя славно поет.
Тетяна. Не очень и славно, а так, как ты пел «Мельницу».

Михайло. А есть все-таки хочется.

Солдат. Хочешь, хозяйка, я тебя выручу и накормлю твоего мужа, тебя и себя?

Михайло. А ну, ну! Каким же способом?

Солдат. Каким способом? Ведь я чародей. Захочу, прикажу — вот и кушанье будет на столе.

Тетяна. Чур меня! Может, страшно будет, либо еда бог знает откуда возьмется. (*К мужу.*) Вот уже и ты есть захотел, что малое дитя. (*Обоим.*) Ложились бы спать, а я раненько встану и наварю вам завтрак.

Михайло. Когда еще будет этот завтрак, а тут есть хочется, прямо в животе корчит.

Солдат. Дай волю, хозяйка, — вмиг будет кушанье! (*Вынимает шомпол, делает разные взмахи, после ставит Михаила и Тетяну вместе и говорит им.*) Стойте смирно, не шевелитесь, зажмурьте оба глаза и выговорите громко слова, какие скажу: «Бердень, бердень, Ладога моя!»

Хозяева повторяют и открывают глаза.

Теперь объявляю вам, что жареная курица и колбаса в каморке у вас спрятаны. Поди, хозяин, сыщи и принеси сюда.

Михайло. Где же там спрятано? Теперь, в темноте, как его найдешь?

Солдат. Все вместе лежит под... как, бишь, оно? Сказывай, хозяйка, что у вас там есть?

Тетяна. Мало ли чего там у нас. Ну — бочка.

Солдат. Нет.

Тетяна. Дежа, корыто, лотки, горшки, макитра, поставец, лукошко, ковшик, подсито, решето?..

Солдат. Нет, нет!

Тетяна. Больше нет ничего.

Михайло. А кадка?

Солдат. Да, да! В кадке или под кадкой. Ступай скорее, хозяин, забирай кушанье и приноси сюда.

Михайло (*чесет голову и показывает неохоту*).
А не будет страшно?
Солдат. Отчего страшно? Ступай смело, небось!
Михайло. Жинка, засвети огарок.

Тетяна зажигает огарок и отдает мужу, который, отходя, говорит.
Гляди ж, служба, если перепугаюсь, то не прогневайся.
Солдат. Ступай, ступай! Да не съешь один колбасу!
Михайло с смешными ужимками уходит.

ЯВЛЕНИЕ 8

Солдат и Тетяна.

Солдат (*треплет по плечу Тетяну*). Ну, хозяйка, каков я чародей?

Тетяна. Большой!.. Но более хитрец — настоящий солдат.

Солдат. Да и ты лукава. Зачем ты мне ужинать не дала?

Тетяна. А к чему ты такой шум поднял? Если бы ты ласково обошелся со мною, я бы и накормила тебя.

Солдат. Полно притворяться. Тебе досадно стало, что я помешал тебе.

Тетяна. Ты обижаешь меня, служивый. Правда, ты сторонний человек; застал меня одну с паничем вечером, — тебе может всякое в голову прийти. Но если бы ты знал меня лучше, то лучше бы и обо мне думал. Никогда не спеши осуждать.

Солдат. Нет, моя милая, я ничего дурного о тебе не заключаю. Я узнал тебя: ты женщина хоть и молодая, но умная и честных правил. Самая робость твоя и торопливость доказали твою невинность. Положись на меня: я избавлю тебя от хлопот. В свете часто случается, что и добродетель кажется подозрительною.

Тетяна. Со мною так теперь и случилось; бог тебе порукой, что у меня и на уме не было...

Солдат. Верю, верю, милая. Я и бедного арестанта скоро выпущу.

Тетяна. Мне до него нужды мало. Его надо бы хорошенько проучить, чтоб не лез, как оса на сахар, и не дурачил чужих жен. Очень он мне надоел!

Солдат. Изволь, проучу его путем и отважу подлизать к чужим женам.

Тетяна. Ты, может, его искалечишь? Бока ему не отбей.

Солдат. Небось, я пользу сделаю ему, а не вред... Вот и муж твой идет.

ЯВЛЕНИЕ 9

Те же и Михайло.

Михайло (*громко, за кулисами*). Отвори, жинка! Жинка, отвори!

Тетяна (*отворяя*). Что ты шумишь так, будто кто за тобою гонится?

Михайло (*с досадою*). Гонится? Что с того, что не гонится! Волосы дыбом встают, и кажется, будто меня кто за шиворот ловит. Да и огарок погас.

Солдат (*весело*). Ну, хозяин, все ли так было, как сказано?

Михайло (*ставит принесенное на стол*). Гляди ж ты, все так и было. Курица да колбаса жареная под кадкой нашлись, да еще кое-что — и даже в наших мисках. (*Подозрительно.*) Жинка!!

Тетяна. Вот тебе и раз. Все люди на одном базаре миски покупают, у одних гончаров — вот и миски одинаковые.

Солдат. Ты вздор замолол, хозяин. Я лучше знаю все это. Выпьем-ка по одной перед ужином. (*Наливает и пьет.*) Здравствуй, хозяин!

Михайло (*наливает и пьет*). Будьте здоровы, господин служба! (*Едят с Солдатом колбасу.*) Жинка, голубка, милая Тетяся. Нет ли чем запить эту вкусную колбасу?

Тетяна. Чем же ты запьешь! Водой разве?

Михайло (*повелительно*). Нет, не водой, а оставалась бутылка спотыкача. Поди принеси, если ни с кем ее не высушила.

Тетяна. Есть, есть. Кого бы я без тебя угощать стала. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ 10

Те же, кроме Тетяны.

Солдат. У тебя жена добрая, хозяин.

Михайло. Ты что, в шутку так говоришь или по правде?

Солдат. Без шуток. Молода, пригожа и, кажется, тебя любит.

Михайло. Разве то, что молода и хороша, мешает ей меня любить? Она у меня добрая и верная жена, только уж очень бойка, шаловлива и насмешлива. Уж если попадется ей какой-нибудь увалень, так она его поднимет на смех и рада, если доведет до того, чтоб этому дураку и бока намяли. Достается от нее иногда всем этим приезжим пустобрехам-канцеляристам. Ну и смешные же они! Такие беспечные, такие глупые: всему верят, всему удивляются, всего боятся.

Солдат. Однако к чужим женам подлипать не боятся, словно как будто военные. Мне случалось видеть их храбрость при таких замашках.

Михайло. О своей жене скажу, что не боюсь ничего.

Солдат. Бывает и на старуху проруха. Не потачь, хозяин, у каждого есть свои блохи.

Михайло. Сохрани бог! Если б я свою подстерег в чем, тут бы надавал ей тумачков.

ЯВЛЕНИЕ 11

Те же и Тетяна (наливку ставит на стол).

Михайло. А ну, судары! Вот и я вас попотчую добрым спотыкачом. *(Наливает и подносит солдату.)*

Солдат *(выпивает)*. Вот славная наливочка! Кто ее делал?

Михайло. Жинка моя, Тетяна.

Тетяна. Я, я. И даже из вишен своего садика. А солдат думает, что я ничего не умею.

Михайло *(выпивая)*. Она! Она! Ведь она у меня клад, а не жена!

Солдат. Ты счастлив, хозяин: жена у тебя хороша и наливка недурна. *(Наливает.)* За здоровье чернобровой Тетяны! *(Пьет.)*

Михайло *(наливает)*. Будь здорова, моя рыбка, перепелочка! *(Пьет.)*

Тетяна *(наливает)*. Спасибо! За здоровье солдата-чародея!.. *(Отведывает и отдает мужу.)*

Михайло. На здоровье, ваша милость чародей!

Солдат *(наливши)*. Благодарствуйте, завидная парочка! *(Пьет.)*

Михайло. Вот уже моя Тетяна — черноброва и румяна! *(Поет.)*

С того часу, как женился,
Я с заботами протился.
Ой, чук, Тетяна,
Черноброва, румяна!

За Тетяну всё отдам,
С ней живем мы по душам.
Ой, чук, Тетяна,
Черноброва, румяна!

За Марусю дам пятак,
У Маруси всё не так.
Ой, чук, Тетяна,
Черноброва, румяна.

Жить мне стало веселей
От Тетяниных бровей.
Ой, чук, Тетяна,
Черноброва, румяна.

Как Тетяна засмеется,
В душе радость отдается.
Ой, чук, Тетяна,
Черноброва, румяна.

Солдат. Ай, хозяин! Да ты, брат, хват!
Тетяна. А ты думал, что у меня муж из последних?
Не бойся, постоит за себя. (Поет.)

Будь мой муж хоть мужичок с кулачок,
А я буду ему верной женой.
За него я схоронюсь, схоронюсь, } (2)
Никого я не боюсь, не боюсь.

Ко мне долго городской приставал,
Всё любовью донимал, донимал.
И словечко я сказать не дала, } (2)
А его любовь трясла да трясла.

«Молодица, чья ты, чья, говори!
Дверь мне в хату отвори, отвори!»

— «Поди к черту! Уходи, уходи!
У ворот меня не жди и не жди!» } (2)

Михайло. Истинно так, прошу прощения у вашей милости. Нас кругом пальца не обведешь, у нас ремешка за лычко не выменяешь.

Тетяна. Ну, теперь время уже спать ложиться.

Солдат. А я поразмялся так, что и сон прошел. Хотите ли, хозяева, я вас потешу?

Михайло. Потешь!.. Но чем же и как?

Тетяна. Да полно вам веселиться-то. Спать пора.

Солдат. Успеешь, хозяйка, выспаться. Хотите ли, я покажу вам старшого, с которым все делаю?

Михайло. Старшого? Это того, что плотины рвет?

Тетяна. Чур! Чур! Может, того, что в хате и поминать нельзя. (Плюет.)

Солдат. Ну да что ж! Ведь беды никакой не будет, ни страха. Он явится в человеческом виде, коли хотите.

Михайло. В человеческом? Какого же человека?

Солдат. Какого хотите.

Все молчат.

Тетяна. Знаешь что, муженек? Пусть явится, каким я задумала, и о том солдату скажу. Посмотрим, делает ли.

Михайло. Ладно, показывай! Говори.

Солдат. Изволь, сказывай, в каком хочешь образе видеть.

Тетяна. Пускай твой старшой покажется паничем Финтиком, что в нашем селе проживает, и чтобы в такой одежде, какую он носит.

Солдат. Да платья-то, думаю, много есть у него. Так в каком прикажешь его представить?

Михайло. В таком, какое носил сегодня.

Солдат. Изволь.

Михайло (жене). Я не верю солдату. Он хвастает.

В сие время солдат берет уголь и вынимает шомпол, расставляет мужа и жену по сторонам сцены, очерчивает их кругами, завязывает платками глаза. Становится сам посреди сцены и спрашивает важным тоном и переменным голосом.

Солдат. Откуда хотите, чтоб сатана в виде панича вышел?

Михайло (боязливо). Пускай жена скажет.

Т е т я н а. Из подпечья.

М и х а й л о (*в сторону*). Ой, хитра, что твой бес!

С о л д а т. Не робейте, не бойтесь ничего; не говорите ни слова, не отзывайтесь и с круга ни ногой не выступайте; а не то — быть бедам!

М и х а й л о. А с завязанными-то глазами его увидишь?

С о л д а т. К повязке не дотрагивайтесь. Я сам сниму ее, как придет время.

М и х а й л о. Господин служивый! А может, лучше этой потехи не показывать? Меня цыганский пот прошибает.

С о л д а т. Теперь уже поздно: все черти встревожились в аде. Стойте, не шевелитесь и слушайте. (*Важно и с расстановкой.*)

Тара, бара,
Гала; бала.
Во всех углах
Трах-тарарах!
Из печного дна
Вылезай, сатана!

При сих словах Михайло показывает смешные кривлянья. Финтик вылезает из-под печки. Солдат ему помогает, заслоняет печку. Становит на свое место и делает ему знак молчать, после подходит к жене, развязывает глаза, после к мужу за тем же. Михайло, увидя Финтика, показывает знаки ужаса и изумления. Тетяна то же хочет сделать, но неудачно притворяется.

М и х а й л о (*оправляясь*). А можно, вашество, с ним побеседовать?

С о л д а т. Нельзя: голос его сильнее грома; когда заговорит, из глаз его засверкают молнии, а из ушей дым пойдет коромыслом. Ты не перенесешь такого ужаса.

М и х а й л о. А жинка перенесет?

С о л д а т. Нет.

Т е т я н а. Неправда, перенесу. (*Выходит из круга и говорит к мужу.*) Муженек! Солдат подшутил над тобой. Я тебе все теперь расскажу. Этот панич не черт, а настоящий Финтик, но своими умыслами походит на черта.

М и х а й л о. Как же это так? Вы меня вправду морочите или на смех поднимаете? Я ничего разобрать не могу. А горилка? А закуска под кадкой?

Солдат смеется.

Т е т я н а. Все это не колдовство. Послушай. Три недели уже, как этот панич приехал в наше село к своим родичам и, дознавшись, что тебя нет дома, зачастил ко мне. Я сперва думала, что он ходит, потому что ему дома делать нечего. Ан нет! Стал он мне говорить, что меня любит, что без меня скучает, чтоб была я с ним ласкова, что, коль мужа нет дома, то и другого не грех полюбить, потому что так на свете водится. И так он мне этими и еще худшими разговорами надосл и опротивел, что мне вздумалось над ним посмеяться. Вчера он дал деньги, чтоб я сегодня ужин для него справила. Купила я горилки, курицу, колбасу, но еще до ужина пришел солдат. Я было обрадовалась, что на Финтиков счет угостится служивый. Но этот служивый поднял такую кутерьму, словно черт на мельнице. Я отправила его спать голодного, но он, видно, не спал и подслушал, как я Финтику рассказывала, где спрятала горилку и закуску. А тут как раз ты вернулся с дороги. Солдат и пустился на хитрость, сказав, что он, мол, чародей. Вот тебе и вся правда. А ты знаешь, что я тебе никогда не вру и не обманываю тебя.

М и х а й л о. Так вот оно что!.. Э! (*К Солдату.*) Господин служба! Так ты не чародей, а этот панич не... Дух святой с нами! Горилка и закуска не от того, кого в хате и назвать не годится! Так?

С о л д а т. Точно все так, как тебе жена пересказала. А притом я хоть и солдат, а ручаюсь тебе, что жена твоя, по всем моим замечаниям, никакого шаловства с этим фертиком не имела.

М и х а й л о. Мне и самому сдается, что от моей жинки не след бы ожидать городского, прошу вашу милость простить, безобразия. Да теперь чудно как-то на свете...

Т е т я н а. Не грехи, муженек! Кто виноват, тот виляет, как собака в челне. Погляди на меня и на панича — сразу угадаешь, кто грешен, а кто праведный.

С о л д а т. Вот оправдание, которое и строгий кригс-рехт уважил бы. Поступим с виновным по воинским артикулам.

Ф и н т и к. Прошу милосердия, пощады и прощения. (*Становится на колени и поет.*)

Помилуйте, вас прошу:
Ей-же-ей, покаюсь!
И прельщатся чужим
По смерть зарекаюсь.

Я — бездельник, признаюсь,
Дурень неизменный!
Я — проныра и крючок,
И хапун отменный...

Искуплю свои грехи,
Стану лучше вдвое
И клянусь я жен чужих
Оставлять в покое.

Солдат. Как же тебе поверить, когда ты крючок!
Тебе непременно надо сделать наказ на спине и на ребрах. *(Делает знаки руками.)*

Финтик *(с испугом)*. Ой, ой, умиосердитесь!

Тетяна *(к Солдату)*. Не будем столь строго судить других, но только себе ничего зазорного не простим. *(Финтику.)* Слушай. *(Поет.)*

Дать тебе бы
Хорошенько,
Чтоб ты научился!

Михайло.

Жен обхаживать обманом }
В другой раз страшился. } (2)

Тетяна.

Ты за чванство,
За лукавство
В сети сам попался.

Михайло.

Проучить тебя бы
Надо,
Чтоб к чертям убрался! (2)

Т е т я н а.

Признавайся,
Оправдайся, —
Иль получишь славно.

М и х а й л о.

Не кусай
Людей ты добрых
Тайно или явно.

Ф и н т и к.

О горе мне, грешнику сушу,
Ко оправданию ответа не имущу!
Како и чем могу вас ублажить?
Ей, от сего часа буду честно жити!

М и х а й л о. Смотри же! Встань и послушай, что я тебе скажу. Мне полагалось бы больше всех проучить тебя, но я прощаю тебе низость твоей души, только обещаю нам никогда не забывать, какого ты роду, почитать мать свою, уважать старших, не обижать никого, не подлаживаться к чужим женам, а мою Тетяну за тридцать земель обходить. А не то дадут тебе когда-нибудь такой березовой припарки, что и правнукам закажешь.

С о л д а т. И небо с овчинку покажется.

Т е т я н а. И в могиле больно будет.

Ф и н т и к. Милостивые благодетели! Ваше великодушие проникло в мою совесть. Она пробудилась и представляет мне докладный регистр моих бесчинств. Стыжусь моих злых окаяньств и сам себе кажусь презрительным, как за дурные поступки противу моих родных, равно и противу всех людей. Теперь все силы употреблю доказать на деле мое исправление. Буду всем рассказывать сегодняшнее мое приключение и солдата-чародея, дабы пример мой послужил ко исправлению всех и каждого.

С о л д а т. Поэтому правда, что шутка, кстати сделанная, больше делает иногда пользы, чем строгие наставления.

Х о р

Надо дружно с людьми жить,
Надо так жену любить,

Чтоб от бога не грех,
Чтоб и людям не в смех. } (2)

Ф и н т и к.

Всем теперь скажу я смело:
Не пойдет впрок злое дело, —
Хоть удастся один раз,
Попадешься в должный час. } (2)

В с е.

Надо дружно с людьми жить,
Надо так жену любить,
Чтоб от бога не грех,
Чтоб и людям не в смех. } (2)

Т е т я н а.

Паничи, остерегайтесь,
Безрассудно не влюбляйтесь,
Шкодит кто в дому чужом,
Будет бит тот батожьем. } (2)

В с е.

Надо дружно с людьми жить,
Надо так жену любить,
Чтоб от бога не грех,
Чтоб и людям не в смех. } (2)

З а н а в е с

СТИХОТВОРЕНИЯ

**ПЕСНЯ НА НОВЫЙ 1805 ГОД
ПАНУ НАШЕМУ И ОТЦУ
КНЯЗЮ АЛЕКСЕЮ БОРИСОВИЧУ КУРАКИНУ**

Гей, Орфей, тебя, беднягу,
Не докличешься никак!
Не задай ты с горя тягу,
Пригодился мне б, казак!
Не твоя ли повсеместно
Кобза чудная известна?
До чего ж она звонка!
Забренчишь на ней в отваге —
Тут и горы, и овраги
10 Затанцуют гопака.

Удосужься с неба глянуть,
Кобзою ссуди своей,
Чтобы мог я песню грянуть,
Песню дивную на ней.
С Новым годом я поздравлю,
Пана доброго прославлю
Полным голосом тотчас.
Он, хоть паном быть умеет,
Живота не пожалеет,
20 Как отец родной, для нас.

Алексей, мою рацею
Слушай — о тебе в ней речь!
Коль собьюсь и оробею —
Можешь ты меня распечь.

Муз призвать я не решаюсь,
Я ведь с ними не якшаюсь,
Понаслышке знаю их.
Музы, вишь, и не вспотеют,
Прежде чем воспеть успеют
30 Половину дел твоих.

Утаю, что всем на диво
Лентами украшен ты.
Что жупан твой горделиво
Покрывают сплошь кресты,
Да и звезды облепили —
Очи блеском ослепили,
Точно солнце в ясный день.
Что награда льнет к награде
И что ключ прицеплен сзади,
40 Тоже ведь не дребедень!

Не Черниговом с Полтавой
Это всё тебе дано.
В Петербурге доброй славой
Заручился ты давно.
Не валялся, зная, за печкой,
Если так шагнул далечко.
Царь и сам, должно быть, рад:
Ты ему хлопот убавил,
Шею под ярмо подставил,
50 И пошли дела на лад.

Ты потеешь дни и ночи,
Впору доброму волю,
Тянешь лямку что есть мочи,
И за то прими хвалу!
Рад сказать я правду-матку,
Что крутенькую загадку
Нашим задал ты панам:
Не чинить вреда друг дружке,
Да чтоб ушки на макушке
60 Все держали — учишь сам.

Я вовеки не забуду:
Как-то раз к тебе пришел
И — мой боже! — сколько люду
Всякого я здесь нашел!

В сени, в хату многогато
Нашего набилось брата.
А попов, евреев — страх!
Для купечества и панства
Не хватает и пространства,
70 Как на ярмарке в Ромнах!

Не бездельников ватага —
Все по делу были тут,
И у каждого бумага —
Целый лист или лоскут.
Кто челом бил на соседа,
Кто — на пана-людоеда,
Кто и вовсе на судью.
Что за сахар, за деньжата
Сотворил свой суд предвзято,
80 По миру пустил семью.

И на тех панов, подавно,
Что по воле злой своей
Не дают самоуправно
Казакам пахать полей, —
Тех, что, падки до поживы,
Их луга, покосы, нивы
Норовят прибрать к рукам.
Суд в законы не вникает,
Только панству потакает,
90 Поживиться рад и сам.

Не прогневайся сурово,
Алексей, за эту речь.
Про твою писárню слово
Я не побоюсь изречь.
Там бывать и мне случалось...
Боже, сколько там болталось
За столами писарей!
Там бумажек тучи, тучи!
Писарей же кучи, кучи!
100 Как в Петровки косарей.

Настрочат — и глянуть нужно:
Так оно или не так?
Поработаешь натужно,
Чтобы не попасть впросак!

Тоже надобно сноровку —
Взять бумажки на шнуровку,
Подвести их под закон.
Тут борщу покушать с толком
Да вздремнуть бы тихомолком. . .
110 Нет! Прощай еда и сон.

Чтоб жена, и сын, и дочери —
Каждый был обут, одет, —
У тебя ни дня, ни ночи
Для такой заботы нет.
О другой супруге ныне,
И о дочках, и о сыне
Ты печешься в свой черед:
У тебя жена — Полтава,
Сын — Чернигов, честь и слава —
120 Дочки, — вот и весь твой род.

Как чернец, теперь отрекся
Ты от своего двора
И бумажками увлекся,
А домой и не пора.
Что тебе до той Полтавы?
Ты и так добился славы, —
Славы, да еще какой!
Притоптались ноги малость!
Чтобы сбросить с плеч усталость,
130 Отправляйся на покой.

Топотню оставь другому.
Панство тоже сдай ему.
Порадей под старость дому.
У тебя ведь рай в дому.
Вот бы с нежностью сыновней
Иль еще того любовней
На тебя глядели тут!
Вся семья — таить не надо —
Здесь тебе, как богу, рада.
140 Все тебя, как бога, ждут.

Только вижу сам, что сдуру
Я давал такой совет.
Беспокойную натуру
Ты потащишь на тот свет,

И, доколе хватит силы,
Так и будешь до могилы
Ты работать на других.
Как тут быть? Одна зазноба
Суждена тебе до гроба —
150 Слава! Ты ее жених.

Ну а если впрямь единой
Славой только и живешь,
То не жди своей кончины:
Ты вовеки не умрешь!
Не поповское бляенье
Посулит за все деянья
Память вечную тебе.
Для чего гнусавить требу,
Если ты и сам до неба
160 Создал память о себе?

Не забыть и в малой доле
Бескорыстного добра,
Что творишь по доброй воле,
А не ради серебра.
Помнят вдовы и сироты
Многие твои щедроты.
Сколько слез ты им утер!
Сколько ты людей из грязи
Вытащил да прямо в князи
170 Вывел, всем наперекор.

Не умрет — хоть побожиться! —
Слава добрая твоя.
Ведь от века не ложится
Слава с телом в гроб ничья.
Хоть и смерть к тебе прискачет,
Славы в землю не упрячет.
Загудит она, что гром.
Тут возьмет и правда силу,
На твою придет могилу
180 И черкнет на ней пером:

«Здесь попы нам сотворили
Диво, чудо из чудес.
В землю мертвеца зарыли,
А мертвец-то и воскрес.

Хоть надежно зарывали,
Во весь голос распевали
Память вечную, теснясь,
Огляделись горемыки —
Жив работник наш великий,
190 Алексей Куракин, князь».

А поколе чудом этим
Ты людей не удивил,
Утешай нас долголетьем,
Как святой Мафусаил.
Будь здоров — и с Новым годом!
Поначальствуй над народом,
Паном и отцом побудь
Хоть немного! Если б дольше —
Мы б возрадовались больше.
200 И на том не обессудь!

1804

ОДА САФО

Счастлив, кто близ тебя и о тебе вздыхает!
Кто сладостью твоих пленяется речей.
Кого приветствуешь улыбкою своей!
Бессмертных тот богов в блаженстве превышает.

Увижу лишь тебя, жар в теле ощущаю,
Палящий льется огонь по жилам всем моим;
Душа смущается, предавшись чувствам сим,
Язык немеет мой, и слова дар теряю.

Темнеет свет в глазах, слух ничему не внимлет,
Пот холодный на челе, бледнею — чуть дышу;
В смятении страшусь, в беспамятстве дрожу,
И представляется, что смерть меня объемлет.

8 апреля 1817
Полтава

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание содержит все, что известно на сегодняшний день из литературного наследия И. П. Котляревского.

При жизни писателя были опубликованы обе пьесы и три части «Энеиды». Произведения Котляревского в дореволюционное время издавались неоднократно, а в советское время — переиздаются постоянно, его пьесы не сходят со сцен профессиональных и самодеятельных театров (см.: Айзеншток И. Я. И. П. Котляревский // Котляревский И. Соч. Л., 1969).

До революции на русский язык переводились только незначительные отрывки произведений И. П. Котляревского. Это некоторые песни из «Наталки Полтавки», один отрывок из «Энеиды» (Перлы и алмазны всемирного юмора. Спб.; Изд. журнала «Стрекоза», 1889. С. 84—85. Фамилия переводчика не указана); «Ода. На Новый 1805 год князю А. Б. К(ураки)ну (Шевченко Т. Г. Чигиринский кобзарь на малороссийском наречии: 3-е изд., Спб, 1867. С. 128—140. Перевод А. Лепко). В результате «Энеида» Котляревского практически была известна русскому читателю в том виде, в каком она издавалась в начале XIX в., т. е. в подлиннике с приложением «Собрания малороссийских слов...», фактически русско-украинского словарика. Безусловно, «объяснение отдельных слов (конечно, неполное) само по себе еще не давало возможности читателям, не знавшим украинского языка, проникнуть в существо стиля поэмы, почувствовать разнообразие оттенков ее юмора» (Белецкий Александр. «Энеида» И. П. Котляревского // Котляревский И. П. Энеида. М., 1961. С. 14).

В советское время сделано несколько попыток перевода «Энеиды» на русский язык. Это перевод И. Бражнина (публикация в 1953 и 1955 гг.) и К. Худенского (публикация в 1957-м и 1961-м гг.). Но оба перевода, по мнению литературоведов, не были удачными. В одном случае утрачивалась национальная специфика, своеобразие интонаций и фразеологизмов, в другом — осуществлялось нечто вроде неточного подстрочника.

Публикуемый в настоящем издании перевод «Энеиды» и «Песни на Новый 1805 год пану нашему и отцу князю Алексею Борисовичу Куракину» осуществлен В. А. Потаповой на основе академического издания произведений Котляревского (Котляревский И. П. Повне зібрання творів у двох томах. 1952—1953. Київ, 1952. Т. 1; 1953. Т. 2), которая «удачнее предшественников разрешила труднейшую задачу сохранения и комического, и героического характера „Энеиды“» (Белецкий Александр. «Энеида» И. П. Котляревского С. 14). То же можно сказать и относительно «Песни...». В обоих случаях переводчице удалось создать наиболее адекватный перевод украинского текста. Практически без изменений перевод В. Потаповой перепечатывался дважды.

Что касается драматургического наследия, то до революции переводились на русский язык только некоторые песни из «Наталки Полтавки». В советское время был переведен «Солдат-чародей» (Сборник украинских водевилей: М., 1937, без указания переводчика) и в 1951 г. опубликован перевод Вс. Рождественского пьесы «Наталка Полтавка», а в 1954 г. в его же переводе — «Наталка Полтавка» и «Солдат-чародей». Перевод этих пьес осуществлен по указанному академическому изданию.

В данном издании использованы переводы В. Потаповой («Энеида», «Песня...») и Вс. Рождественского (пьесы).

Это издание опирается на последнюю осуществленную публикацию произведений Котляревского на украинском языке: Котляревський Іван. Поетичні твори. Драматичні твори. Листи. Київ, 1982. При составлении примечаний использованы материалы предыдущих публикаций (в основном: Котляревський І. П. Повне зібрання творів. Київ, 1969 и указанной публикации 1982 г.), дополненные и расширенные на основе данных энциклопедии «Мифы народов мира». М., 1980—1982. Т. 1, 2; Словника української мови. Київ, 1970—1980, Т. 1—11. Помимо примечаний, в конце книги помещен Словарь, в котором даны краткие пояснения редко употребляемых, устаревших слов, этнографических реалий.

ЭНЕИДА

Автограф всей поэмы неизвестен, сохранился лишь отрывок автографа шестой части (отдел рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР, ф. 52, № 2). Это четыре небольшие тетради; на первой странице первой тетради заглавие: «Малороссійская Энеида, часть шестая». В ней 40 строф шестой части, написаны они четко, с незначительными исправлениями. Три остальные тетради содержат строфы 30—118 этой же части. Бумага с клеймом 1811 г. Есть основания считать начало работы И. П. Котляревского над «Энеидой» отнести к 1794 г. В пользу этой даты свидетельствует письмо самого Котляревского к русскому поэту, переводчику «Илиады» Н. И. Гнедичу от 27 декабря 1821 г., в котором он сообщает о том, что поэма является плодом его двадцатилетнего «терпения и посильных трудов». В конце письма снова подчеркнуто: «Я над малор(оссийскою) «Энеидой» 26 лет баюшки баю» (Котляревський Іван. Поетичні твори. Драматичні твори. Листи. Київ, 1982. С. 286). Менее уверенно можно говорить о дате окончания работы над поэмой и о времени написания отдельных ее частей. Хронологический рубеж завершения работы над первыми частями поэмы определяется некоторыми внешними факторами. Как известно, первые части «Энеиды» активно распространялись на Украине и за ее пределами в рукописных списках. Наиболее давний из известных списков принадлежал историку, библиографу, киевскому митрополиту Е. А. Болховитинову (в научном обиходе список известен под названием «болховитиновского»). Список помещен в тетрадь, бумага которой имеет клеймо 1796 г. На титуле заглавие: «Перецыганенная «Энеида» с русского языка на малороссійский 1794 года октября 11 дня». В списке две части — первая и третья, но обозначены они как «Малороссійская Энеида, часть 1-я» и «Малороссійская Энеида, часть 2-я», хотя в первой части первая песнь «Энеиды» Вергилия, а во второй — третья. В тексте имеются пропуски отдельных строк (переписчик в таких случаях замечает на полях: «нет стиха», хотя после шестой строки строфы 106-й в третьей части пропущено 30 строк без оговорок). В конце прилагаются краткие объяснения отдельных слов. Исследователь творчества И. П. Котляревского советский литературовед А. Ф. Шамрай высказал мнение о том, что оригинал этого списка является первым вариантом «Энеиды». Во-первых, указанная в нем дата соответствует свидетельству самого Котляревского о времени начала работы над поэмой. Во-вторых, вторая часть логически продолжает первую. Пропуск стихов объясняется тем, что Котляревский к тому времени

еще не полностью окончил работу над текстом, хотя и считал эти две части законченным произведением (в конце текста написано «конец»). О том, что Котляревский вскоре возвращается к работе над поэмой, свидетельствует еще один из обнаруженных списков — 1798 г., в котором уже имеется ее вторая часть. Распространение «Энеиды» в списках обусловило и появление первого издания. В 1798 г. по одному из списков выходят из печати без ведома автора три первые части поэмы. Издателем выступил конотопский помещик М. И. Парпура, человек образованный и состоятельный. Проживая в Петербурге, Парпура ведал типографией Медицинской коллегии. В работе над изданием ему оказывал деятельную помощь инспектор этой коллегии И. К. Каменецкий. Он редактировал текст и выступил составителем «Словаря малороссийских слов» (его со временем использовал сам Котляревский, соответственно расширив и дополнив). На титульной странице издания значится: «Энеида. На малороссийский язык переложившая И. Котляревским. С дозволения Санкт-Петербургской цензуры. Изданием М. Парпуры. В Санкт-Петербурге 1798 года». На отдельной странице посвящение: «Любителям малороссийского слова посвящается». В 1808 г. снова появляются в печати три первые части поэмы, и снова без ведома автора («Энеида. На малороссийский язык переложившая И. Котляревским. Издание второе, в Санкт-Петербурге 1808 года»). Это было практически повторение первого издания (сняты только слова: «Изданием М. Парпуры»). Неизвестно, имел ли Парпура отношение к выходу поэмы. Осуществил издание И. П. Глазунов. В какие годы создавалась четвертая часть поэмы — достоверно неизвестно. Но, согласуясь с фактами биографии Котляревского, можно полагать, что к 1806 г. она уже могла быть написана (в 1806 г. Котляревский получает новое назначение по службе, он принимает непосредственное участие в русско-турецкой войне). В 1809 г. сам Котляревский подготовил к печати первое авторское издание «Энеиды», добавив еще одну — четвертую часть. Поэма вышла под таким названием: «Виргилиева Энеида. На малороссийский язык переложившая И. Котляревским. Санкт-Петербург. В медицинской типографии, 1809 года». На титульной странице после заголовка следует: «Вновь исправленная и дополненная противу прежних изданий. Часть первая». (Заголовки титульной страницы повторяется перед порядковым номером каждой части.) На обороте титульной страницы — цензурное разрешение, на третьей странице — посвящение: «С. М. К. . .ю усерднейше посвящает сочинитель» («С. М. К.» — С. М. Кочубей, губернский предводитель дворянства, богатый полтавский помещик, на чьи средства было осуществлено издание). В конце книги — «Словарь малороссийских слов, содержащихся в Энеиде, и многих иных, в Малороссии употребительных, исправленный, умноженный и дополненный словами для четвертой части. Дополнение к малороссийскому словарю. Погрешности». Вслед за посвящением на отдельной странице следует «Уведомление», которым Котляревский засвидетельствовал свое несогласие с предыдущими изданиями и оговаривал, что они сделаны без его участия. Тем самым он не только снимал с себя ответственность за обнаруженные в них ошибки и погрешности, но и отрицательно оценивал самый факт появления этих изданий. «Энеида, на малороссийский язык мною переложившая, в 1798 и 1808 годах была напечатана без моего ведома и согласия. Она досталась господам издателям со многими ошибками и опущениями, случившимися от переписки, а сверх того и издававшие в ней по-своему многое пере-

делали и почти испорченную выпустили под моим именем. Я решился исправить и дополнить прежде напечатанные три части и, присоединивши четвертую, издать все вместе.

Благосклонное принятие Энеиды сей от публики будет наградою трудов моих; и ежели она принесет удовольствие читателям, то я поспешу приложить и пятую часть». О готовности пятой части «Энеиды» Котляревский пишет в упомянутом письме Н. И. Гнедичу 27 декабря 1821 г.: «Я как кончил ее, то перекрестился. Что же касается до 6-й, то будет чем полюбоваться». Хотя сохранившаяся часть автографа шестой части написана на бумаге с клеймом 1811 г., но это явно лишь черновой вариант. Чистый, без помарок, завершённый текст содержится только в первой тетради, три остальные — это начальная стадия работы. Надо полагать, что окончена шестая часть была только к началу 1820-х годов. В это же время Котляревский активно ставит вопрос о полном издании поэмы. Он обращается к Гнедичу с просьбой способствовать решению этого вопроса (письмо от 27 декабря 1821 г.), обсуждает и какие-то предложения: «Я даже согласен уступить «Энеиду» в вечное и в потомственное наследие того, кто захочет ее иметь, но срок на [семь] лет длиннее кажется моего века, а мне не иначе можно по моим обстоятельствам согласиться как на три или четыре года, и то когда кто приобретет «Энеиду» в вечность. Для меня в особенности было бы приятно и чувствительно, если бы Вы были посредником сбыть с рук моих „Энеиду“». Просит Котляревский содействия и у молодого московского литератора Н. А. Мельгунова, который, будучи в 1827 г. в Полтаве, посетил Котляревского и затем по его просьбе вел переговоры с московскими издателями. Но в скором времени сообщает о том, что все его усилия оказались напрасными: «Я несколько раз осведомлялся и справлялся у здешних книгопродавцев, не пожелают ли купить «Энеиду» Вашу, и с прибавлениями 2-х последних песней, и какую назначат за нее цену... Уверю Вас, что я с своей стороны прилагал всевозможное старание к выгодной для Вас сделке, но все осталось тщетным. Теперь остался один способ: отнестись к с.-петербургским книгопролавам с сим предложением» («Киевская старина», 1883, № 5. С. 151). Котляревский предпринимал попытки установить контакты с петербургскими издателями. В письме от 16 сентября 1837 г. он обсуждает с петербургским книготорговцем и издателем, управляющим книжным магазином И. П. Глазунова — И. П. Лысенковым условия издания, сообщает ему, что «„Энеиду“ кончил вполне до тех мест, как и Вергилий написал; она у меня в 6-ти частях переписана и исправлена, только печатать (...) Печатать же Вам позволю только один завод, и то на хорошей бумаге и хорошими/большими буквами, чисто, опрятно и исправно, не на оберточной бумаге, за цензуру не отвечаю, за корректуру не берусь» (Котляревский Иван. Поэтичні твори. С. 286). Неизвестно, что ответил Лысенков, но издание так и не было осуществлено. Во время этих попыток напечатать поэму только один отрывок «Энеиды» дошел до читателя — в 1833 г. альманах «Утренняя звезда» (1833, кн. II) напечатал 20 строк шестой части. Лишь в конце 30-х годов харьковский книгоиздатель О. А. Волохнов согласается издать «Энеиду», и она выходит в свет в 1842 г., уже после смерти автора. Харьковское издание «Энеиды» — это первое полное издание поэмы. На обложке — художественно оформленное заглавие: «Виргилиева Энеида, на малороссийский язык переложенная И. Котляревским. Харьков. 1842». На титульной странице заглавие повторяется: «Виргилиева Энеида». Полное заглавие повторяется на каждом из шести

шмуцтитолов. На их оборотах — цензурное разрешение. Каждая часть имеет отдельную нумерацию страниц, в конце — «Словарь малороссийских слов, содержащихся в «Энеиде», с русским переводом». Все упомянутые издания «Энеиды» имеют различные заглавия. Первое носит шуточный характер: «Перецыганенная Энеида...», второе — уже более сдержанное, но все еще не совсем официально: «Энеида. На малороссийский язык перелицованная...», третье — звучит уже совершенно корректно, академично — «Виргилиева Энеида...». Эти издания отличаются не только заглавиями, они имеют и некоторые разночтения. Поскольку издание вышло в свет после смерти автора, закономерен вопрос — кому принадлежат исправления в издании 1842 г., кто внес изменения, не зафиксированные в предыдущих редакциях. Сопоставление разночтений, а также осуществленные текстологические исследования дают основания утверждать, что наряду с исправлениями, уточнениями, стилистическими правками наиболее выразительные эпизоды поэмы, характеристики, завершённые афоризмы совсем не подвергались дальнейшей обработке (Шамрай А. П. До тексту «Енеїди» // Котляревський І. П. Повне зібрання творів. Київ, 1952. С. 321—366). Как в первом, «болоховитиновском» списке, так и в издании 1842 г. текст остается без кардинальных изменений, имеются лишь стилистические правки. Это — основной довод в пользу того, что поэму правил сам Котляревский и не было ничего постороннего вмешательства в текст. Да и временные рубежи не давали для этого возможности. Разрешение цензуры печатать произведение было дано 25 марта 1840 г., надо думать, что в цензурный комитет оно попало не раньше 1839 г. Потому издание 1842 г. можно считать проявлением последней авторской воли. По нему печатались все последующие издания поэмы, оно легло в основу академического издания сочинений Котляревского: Котляревський І. П. Повне зібрання творів: У двох томах. Київ, 1952. Т. 1; 1953. Т. 2, по которому осуществлен и перевод «Энеиды» В. А. Потаповой на русский язык: (Котляревський І. Соч. Л., 1969, «Б-ка поэта», Б. с.), публикуемый в настоящем издании.

Часть первая. Ст. 1. *Эней был парубок бедовый*. Эней (греко-римск. миф.) — сын троянца Анхиза и богини Афродиты (у римлян — Венера). Согласно «Энеиде» Вергилия, во время Троянской войны Эней выступает одним из основных защитников Трои, но затем получает от богов указание покинуть город. Вместе со своим отцом, женой Креусой, сыном Асканием в сопровождении оставшихся в живых троянцев на двадцати кораблях Эней уходит из разрушенного города. Жена Энея, по воле богов, исчезает в самом начале пути, отец умирает, а сам Эней после долгих скитаний прибывает в Италию, где его потомкам якобы суждено было основать Рим. Ст. 5. *Когда же Троя в битве грозной Сровняли с кучею навозной*. Троя (Иллон) — древний город на северо-западе Малой Азии, известный по греческому эпосу, обнаруженный в 1870-х годах при раскопках Г. Шлиманом холма Гиссарлык. Речь идет о Троянской войне (1194 — 1184 гг. до н. э.), центральным событием греческой мифологии. Десятилетняя борьба ахейских государств во главе с царем Микен Агамемноном против Трои и ее союзников завершилась поражением троянцев и разорением Трои. Мужское население Трои гибнет, за исключением Энея с несколькими соратниками, который получает от богов указание бежать из Трои, дабы возродить ее славу в другом месте. Ст. 15. *Юнона, злая сучья дочка*. Юнона (римск. миф.), или Гера (греч. миф.) — одна из верховных богинь, сестра и супруга

Юпитера, богиня-покровительница женщин, брака, семьи и рождений. В Троянской войне поддерживала греков. Ст. 28. *Вдобавок звал Венеру мамой*. С распространением литературных версий об Энее Венера (римск. миф.) стала отождествляться с Афродитой (греч. миф.), богиней красоты и любви, матерью Энея, прародительницей его потомков. В Троянской войне помогает своему сыну Энею и его воннам-троянкам. Ст. 29. *А ей Парис — дитя Приама — Некстати яблочко поднес*. Троянский царевич Парис (греч. миф.) — сын Гекубы и Приама, последнего царя Трои, главы многочисленного семейства. Наиболее известные из его детей — Гектор, Парис, Кассандра. Во время Троянской войны Приам был уже очень стар и потому не принимал непосредственного участия в военных действиях. Согласно древнегреческим мифам, именно поступки Париса привели к Троянской войне, поскольку он поссорил между собой трех богинь: Геру, Афину и Афродиту, отдав яблоко как символ признания красоты Афродите (Венере), прельщенный ее обещанием дать ему любовь Елены (откуда — «яблоко Париса», «яблоко раздора»). Похищение Парисом Елены, при пособничестве Афродиты, и стало непосредственным поводом к Троянской войне. Именно поэтому Гера и Афина в этой войне всячески способствуют ахейцам, а Афродита — троянкам. Ст. 31. *Пронюхала злодейка Геба* и т. д. Геба (греч. миф.) — дочь Зевса и Геры, богиня вечной юности. На Олимпе во дворце Зевса на пирах богов Геба выполняла обязанности виночерпия. Была отдана в жены Гераклу, причисленному к богам. Ст. 36. *Павлина заложила в санки*. В римск. миф. павлин — птица, посвященная Юноне. Ст. 41. *Эол* (греч. миф.) — бог ветров, обитавший на острове Эолия. У Вергилия Эол выступает повелителем воздушных стихий. Ст. 65. *Борей* (греч. миф.) — сын титанидов Астрея и Эос, бог северного ветра. Ст. 66. *Нот* (греч. миф.) — сын Астрея и Эос, бог южного ветра. Ст. 67. *Зефир* (греч. миф.) — сын Астрея и Эос, бог теплого западного ветра, несущего дождь. Греки считали его быстрым и сильным ветром, а римляне — мягким и ласковым. Ст. 69. *Эвр* (греч. миф.) — бог юго-восточного ветра. Вместе с Нотом или Зефиром якобы вызывал бурю. Ст. 98. *Нептин* (римск. миф.) — один из древнейших богов (отождествлялся с Посейдоном, братом Зевса (греч. миф.)), покровитель туч, дождя и воды, а также лошадей, состязаний на колесницах. Ст. 141. *Зевес* (Зевс, греч. миф.) — сын Кроноса и Реи, глава олимпийской семьи богов (отождествлялся с римским Юпитером). Ст. 153. *Точь-в-точь как пану хану — Крыма*. Речь идет о невозможности возвратиться крымскому хану в Крым, поскольку в 1783 г. Крымское ханство было ликвидировано, а его территория присоединена к России. Ст. 166. *Он сильное построи царство*. Речь идет о providенциальной миссии Энея — будущего основателя Римского государства, должного, по воле богов, стать преемником славы троянцев. Ст. 171. *Проездом завернув к Дидоне* и т. д. Дидона (римск. миф.) — финикийская царица, основательница Карфагена, дочь царя Тира, вдова жреца Сихея. По «Энеиде» Вергилия, основание Карфагена совпадает по времени с падением Трои, и, когда корабли Энея прибывают в Карфаген, Дидона, по воле Венеры, становится его возлюбленной. После разлуки с Энеем Дидона сжигает себя на костре, предсказав перед смертью вражду Карфагена с Римом. Ст. 201. *Тот город звался Карфагеном*. Карфаген — город-государство на севере Африки, основан в конце IX в. до н. э. финикийцами. Его экономическое соперничество с Римом привело к так называемым Пуническим войнам, в результате которых Карфаген был

разрушен и превращен в римскую провинцию. Ст. 214. *Вы — чумаки или бурлаки?* Чумаки — украинские казаки, крестьяне, мещане, которые в XV — XIX вв. занимались извозно-торговым промыслом. Ранней весной снаряжали чумацкие валки и отправлялись в Крым, на Дон, Волгу, Азовское побережье; везли туда на продажу хлеб и другие сельскохозяйственные продукты, изделия местных ремесленников, возвращались осенью, привозили соль (преимущественно из Крыма), с Дона, Волги — сушеную и вяленую рыбу, которую продавали не только на территории Украины, но и за ее пределами; здесь: путешественники. Бурлаки — в дореволюционной Украине наемные работники, преимущественно из крепостных крестьян; здесь: люди без постоянных занятий, пристанища. Ст. 339. *Что у покойника украла.* Речь идет о муже Дидоны, жреце Геракла — Акербасе, или Сихее, которого убил брат Дидоны, после чего она вынуждена была бежать в Африку. Ст. 421. *С Олимпа вздумал ненароком Юпитер поглядеть на нас.* Олимп — горная гряда в Фессалии, считавшаяся у древних греков местом обитания богов. На Олимпе, по их представлениям, находились дворцы Зевса и других богов, горы открывали и закрывали вход в Олимп, откуда боги выезжали на золотых колесницах. Ст. 442. *Вбежал Меркурий впопыхах.* Меркурий (римск. миф.) — бог торговли, позже отождествлялся с Гермесом, что привело к расширению его функций — он становится проводником душ в царстве мертвых, прислужником богов и их вестником. В этой роли и показывает его Котляревский, придав ему, в основных чертах, внешний облик почтового чиновника своего времени. Ст. 615. *О Купидон, богов любимчик.* Купидон (Амур, римск. миф.) — божество любви, соответствует Эроту (греч. миф.).

Часть вторая. Ст. 24. *Палинур* — в римск. миф. спутник и кормчий Энея. По отплытии кораблей из Сицилии он, упав за борт, выбрался на сушу, где его убили туземцы, оставив тело без погребения. Эней, спустившись в подземное царство (Аид), встретил там тень Палинура, которого Харон отказывался переправить через Стикс как непогребенного. Возвратившись из Аида, Эней предал земле тело Палинура на месте его гибели, около одного из мысов в Южной Италии, который и стал называться Палинур. Ст. 43. *Сицилия* — согласно «Энеиде» Вергилия, на острове Сицилия умер отец Энея — Анхиз, а Эней устроил на его могиле погребальные игры. Ст. 47. *Где добрый царствует Ацест.* Ацест (греко-римск. миф.) — царь троянского происхождения, основавший в Сицилии город Сересту; похоронил в Сицилии отца Энея. Ст. 84. *Он чтил родителя весьма.* Согласно греко-римской мифологии, отец Энея — Анхиз. В окрестностях горы Ида, где он пас овец, к нему явилась Афродита, плененная его красотой. От их союза родился Эней. За то, что Анхиз похвалялся любовью Афродиты, Зевс ослепил его (по другой версии — сделал расслабленным). По Вергилию, в ночь падения Трои Эней на плечах выносит отца из пылающего города. Ст. 91. *Всех немущих по обряду* и т. д. По давнему народному обычаю, на Украине на поминки приглашали нищих, убогих и пр. Ст. 103. *Созвал троянскую громаду* и т. д. Громада — на Украине сельское поземельное объединение, а также собрание членов этого объединения, решения его считались обязательными для всех. Ст. 149. *Швырнул он меди нищей братье.* Согласно народному обычаю, на Украине принято было одаривать деньгами нищих, чтобы они молились за упокой душ умершего. Ст. 156. *Он по земле писал мыслете* — выводил на земле ногами нечто вроде буквы «М», которая в ста-

рославянском алфавите называлась «мысле́те». Ст. 196. *Одет, как в компанейском войске*. Компанейское войско — легкая конница на Левобережной Украине, созданная при гетманском правлении в XVII в. для охраны границ, сторожевой служб, усмирения антифеодалных выступлений и пр. В XVIII в. в связи с ограничением власти гетманского правления компанейские полки влились в регулярную русскую армию. Ст. 197. *По имени звался Дарес*. В «Энеиде» Вергилия Дарес — один из троянцев, спутников Энея. Ст. 221. *Абсест, неистовый троянец* — в «Энеиде» Вергилия — один из троянцев, спутников Энея. Ст. 224. *Искать Энтелла-силача*. Энтелл (миф.) — сицилийский герой троянского происхождения. Ст. 300. *Как будто у ворот Орда*. Речь идет о татарских набегах на Украину, продолжающихся вплоть до покорения Крыма в 1783 г. Ст. 310. *Черноморский казак*. Речь идет о черноморском казачьем войске, созданном царским правительством из бывших запорожских казаков и поселенном между Южным Бугом и Днестром, а затем (1792) — на «черноморский линин» (по правому берегу Кубани до Азовского моря). Ст. 322. *Стал Бахус пьяный осыпать*. Бахус (римск. миф.), или Вакх, — одно из имен бога Диониса (греч. миф.), покровителя растительности, урожая, виноградарства и виноделия. Ст. 356. *И вместе с Марсом в уголочке* и т. д. Марс (римск. миф.) — вначале бог урожая, дикой природы, затем — войны, отождествляемый с Аресом (греч. миф.); любовник Венеры. Ст. 360. *Ганимед* (греч. миф.) — сын троянского царя Троса и нимфы Каллирои, отличавшийся необычайной красотой, из-за чего и был похищен Зевсом и вознесен на Олимп, где вместе с Гебой выполнял обязанности виночерпия. Ст. 395. *Дудел в трубу литвин заезжий*. Странствующие литовцы с дрессированными медведями — традиционное народное увеселение на Украине в начале XIX в. Ст. 409. *Отправилась искать Ирисю*. Имеется в виду Ирида (греч. миф.), вестница олимпийских богов, женское соответствие Гермесу, в отличие от которого она слепо исполняет приказы богов. Ст. 441. *Троянцы мыкали по свету Берюю*. У Вергилия Ирида появляется в образе троянки Берои, супруги Дорикла Тмарийского. Ст. 532. *Любовник аспидский, Плутон?* и т. д. Плутон (греч. миф.) — сын Кроноса и Рей, брат Зевса, Посейдона и Деметры, бог царства мертвых, муж Персефоны, или Коры (в римск. миф. — Прозерпина), богини царства мертвых, похищенной им. Ст. 601. *Невтесом все его дразнили*. В «Энеиде» Вергилия Невтес — один из спутников Энея, наделенный даром предвидения, у Котляревского — знающий, бывалый человек. Ст. 676. *Назавтра дождались Авроры*. Аврора (римск. миф.) — богиня утренней зари (соответствует Эос, греч. миф.), дочь титана Гипериона и титаниды Тейи, была также матерью Аргеста, Борея, Нота и Зефира. Ст. 711. *Ты — батька крестный мне и дядя*. Согласно «Илиаде» Гомера, Венера (Афродита) — дочь Зевса и племянница его брата Нептуна (Посейдона). По другим мифам, Венера родилась из морской пены, отчего и называет Нептуна своим крестным отцом.

Часть третья. Ст. 21. *О Сагайдачном распевали*. Сагайдачный П. К. (ум. 1622) — гетман украинского реестрового казачества, талантливый полководец. Под его началом казаки осуществили ряд удачных походов в Крым и Турцию. Ст. 22. *Про Сечь тянули во всю мочь*. Речь идет о Запорожской Сечи, организации украинского казачества, сформировавшейся в понизовье Днепра в первой

половине XVI в. из бежавших от панского гнета крестьян. Ст. 23. *Как в пикинеры вербовали* Пикинерские полки — военно-поселенческие полки на Украине, созданные царским правительством во второй половине XVIII в. из казаков для охраны Новороссийской губернии от нападений крымских татар и турок. Пикинеры были вооружены винтовками и пиками. Ст. 25. *И про Полтавскую победу.* Речь идет о событиях Северной войны (1700—1721) между Россией и Швецией. В 1708 г. шведские войска вторглись на Левобережную Украину, где против оккупантов поднялся весь народ. В Полтавской битве (1709) победа Петра I над шведской армией была одержана русскими войсками и украинскими казачьими полками. Ст. 27. *Как мы Бендеры воевали.* В 1789 г. русские войска под командованием Потемкина держали в осаде турецкую крепость Бендеры. Войско страдало от голода, болезней, осенних холодов, о чем Котляревский и пишет дальше: «Как без галушек помирали...» Ст. 48. *Земельку эту Кумской звали* Кумы — город-государство в южной Италии, первое поселение греческих колонистов. Ст. 141. *Кумская Сивилла* (греч. миф.) — наиболее известная из сивилл (пророчиц), жрица в кумском храме Аполлона (Феба), бога света, чистоты, прорицания. Получила от влюбленного в нее Аполлона долголетие, но забыла испросить вечную молодость. Превратилась со временем в старуху, какой и изображает ее Котляревский. Помогла Энею спуститься в подземное царство и предсказала великое будущее основанному им городу. Ст. 144. *Давно живу на свете я и т. д.* Сивилла приурочивает свой жизненный путь к историческим событиям, происходившим на территории Украины: вторжение шведов в 1700—1709 гг., набеги крымских татар и русско-турецкая война 1735—1739 гг., опустошение украинских степей саранчой в 1748—1749 гг. Ст. 151. *Немало всячины я знаю и т. д.* Здесь Котляревский представляет Сивиллу типичной сельской бабкой-знахаркой, бабкой-шептухой, умеющей исцелять, заговаривать, ворожить и пр. Ст. 181. *Она тряслась, кряхтела, выла и т. д.* — описываются проявления пророческого экстаза Сивиллы. Ст. 233. *Орфей вернулся без урону.* Орфей (греч. миф.) — сын фракийского речного бога Загра и музы Каллиопы. Его пение и игра на арфе пленяли не только людей, но и богов, и природу. После смерти своей жены Эвридики отправляется за ней в царство мертвых. Очарованные музыкой Орфея, Персефона и Аид возвращают ему Эвридику, которую Орфей теряет снова, нарушив запрет не смотреть на нее до выхода из подземного царства. Ст. 235. *Не сладили и с Геркулесом и т. д.* Последний подвиг Геркулеса (Геракла, греч. миф.), после которого Зевс должен был дать ему бессмертие, — это путешествие в царство Аида за стражем преисподней Кербером, которого Геркулес должен был вынести связанным из подземного царства и снова отвести назад. Ст. 273. *Нельзя без ветки Пред сатаной тебе предстать.* Согласно греч. миф., только золотая ветвь, сорванная в роще Персефоны, открывает живому человеку путь в царство смерти. У Вергилия Сивилла, показав Харону золотую ветвь, вынуждает его перевезти Энея. Ст. 358. *Вещал Энею божью волю.* Речь идет о бытующем у римлян обычае гадать на внутренностях убитых животных. Ст. 412. *Вергилий рассуждал умно и т. д.* Описанию путешествия Энея в царство Плутона у Вергилия посвящена шестая часть. Ст. 464. *Чернил с песком глотали смесь.* До изобретения промокательной бумаги чернила подсушивали песком. Ст. 485.

С остриженными головами, с подрезанными подолами. На территории Украины, начиная с периода средневековья и вплоть до середины XIX в., женщин, уличенных в нарушении супружеской верности, аморальном поведении, согласно нормам обычного права, подвергали различным видам порицания, наказания. Одна из таких форм: женщин остригали наголо, высоко подрезали подол и в таком виде водили по селу. Ст. 517. *Стикс* (греч. миф.) — одна из рек, окружавших подземное царство, воплощение ужаса и мрака. Воды Стикса были губительны для всего живого. Ст. 545. *Хароном перевозчик звался.* Харон (греч. миф.) — перевозчик умерших через реки подземного царства, получал за перевоз плату — монету, которую в старину клал покойнику под язык. Ст. 660. *О трех главах свирепый пес* — Кербер (Цербер, греч. миф.), пес, страж аида, чудовище с тремя змеиными головами и змеиным хвостом. Ст. 811. *Там страхолюдную фигуру* и т. д. По свидетельству некоторых биографов И. П. Котляревского, здесь имеется в виду Максим Парпура — первый издатель «Энеиды». Со временем исследователи пришли к выводу, что Парпура руководствовался не интересами наживы, поскольку был человек состоятельный. Как утверждал П. Житецкий, М. Парпура отнесся к изданию «Энеиды» именно как любитель малороссийского слова. Он сопроводил издание небольшим словарем к «Энеиде». Со временем этим словарем воспользовался сам Котляревский, приложив его к своему изданию 1809 г. (см.: Житецкий П. «Энеида» Котляревского и древнейший список ее в связи с обзором малороссийской литературы XVIII века. Київ, 1900. С. 166). Ст. 905. *На помеле чтоб не летали* и т. д. — здесь и дальше описываются бытовавшие в украинском селе виды колдовства, ворожбы, предсказаний и пр. Ст. 964. *И рассуждал про наш Статут.* Имеется в виду Литовский статут — Свод законов феодального права Великого княжества Литовского, действовавших с XV в. на захваченных им украинских землях. Правовые положения этого статута, направленные на охрану сословных привилегий, защиту частной собственности, были использованы со временем в законодательстве Русского государства. Ст. 1103. *От бабы скаерной, криворотой.* Имеется в виду одна из эриний (греч. миф.), богинь мщения — Тисифона, обитающая в царстве Аида. Вид ее, как и двух других эриний, был ужасен — старуха с зажженным факелом в руках, со змеями вместо волос, она бьет грешников бичом, устрашает их змеями. Ст. 1127. *Мол, есть в аду судья Эак.* Эак (греч. миф.) — сын Зевса и речной нимфы Эгины, прославившийся среди греков справедливостью и благочестием. После смерти был сделан одним из трех судей в подземном царстве. Ст. 1219. *Не те, что рвякают «и паки», Не в златотканых колпаках.* Имеются в виду служители православной церкви различных рангов. Златотканые колпаки — головные уборы служителей культа. Ст. 1237. *Попали в податной оклад.* Речь идет о воспитанниках сиротских домов, затем ставших полноправными гражданами и причисленных к определенному «податному сословию». Ст. 1353. *И сорванных на Константина.* Травы, сорванные в Константинов день (21 мая ст. ст.), по народным преданиям, обладали чудодейственными свойствами. Ст. 1386. *Пока, склонясь, не поцелует С ноги святейшей постоло.* Предсказание, что римляне попадут под власть католической церкви и будут целовать туфлю папы.

Часть четвертая. Ст. 1. *Обедка три не поденькуешь*

и т. д. В этой и последующих строфах даны образцы так называемой «тарабарщины» — искусственного шуточного языка бурсаков, основанного преимущественно на перестановке слогов и изменении корней слов. Этот текст читается примерно так:

Денька три не пообедаешь,
На сердце станет муторно,
Тогда кишкою затоскуешь
И в животе забурчит.
Попробуй пожевать зубам,
Желудок напихать харчами!
Нутро сразу повеселеет,
Об землю грянешь лихом,
Про свой голод забудешь,
Досада к черту убежит.

Да что болтать зря языком!
Не басней кормят соловья.
А ну забрядай кошельком!
Небось деньжата забренчат.
Коли дашь пятак —
Узнаешь свое грядущее:
Куда плыть теперь челнам,
И что с тобою впереди случится,
И как ловчей умудрится,
Чтобы Юноне угодить.

Ст. 81. *Заклятый остров перед нами* — остров Эя, на котором, согласно греч. миф., обитала волшебница Кирка (Цирцея), дочь Гелиоса и Персенды, способная превращать людей в животных. Так, спутников Одиссея она, опояв волшебным зельем, превратила в свиней. Ст. 93. *Пропал, как Серка на базаре* — украинская поговорка, обозначающая безвозвратную потерю. Серка, Серко — кличка серой собаки. Ст. 94. *Готовь загрибок для ярма!* — готовься быть превращенным в вола. Здесь прозрачный намек на введение на Украине крепостного права в 1783 г. Ст. 101. *По-польски цвякать лях не будет.* Имеется в виду третий раздел Польши в 1785 г. и утрата ею государственной самостоятельности. Ст. 103. *И «Не позволяй!» позабудет.* — Речь идет о праве каждого депутата на сеймах шляхетской Польши возгласом «*Nie pozwolam!*» опротестовать любой проект, что зачастую сводило на нет установления королевской власти. Ст. 107. *Хвостом пруссак вилять горазд.* Намек на позицию Пруссии в период наполеоновских войн, когда прусский король поддерживал то одну, то другую воюющие стороны. Так, в 1812 г. Пруссия принимала участие в войне наполеоновской армии против России, в 1813 г. присоединилась к антифранцузской коалиции. Ст. 121. *Французы — шелкуны, вояки.* Очевидно, имеются в виду войны Директории — правительства Французской республики, защищавшего интересы крупной буржуазии. Ст. 163. *Роменским табачком балуясь.* Старинный украинский город Ромны славился плантациями табака, который оттуда вывозили на продажу в Мбскву, Петербург, Ригу, Сибирь. Ст. 167. *Вон Тибр уже маячит наш!* Тибр — река в Италин (в области Лациум), на которой стоит Рим. Ст. 181. *Латин* (римск. миф.) — сын Фавна и Мёрики, муж Аматы, отец Лавинии, эпоним латинян, образовавшихся из слияния местного коренного населения и троянцев. Ст. 182. *Латинский край.*

Речь идет о землях области Лациум (Средняя Италия). Ст. 198. *Имел он доченьку-воstrуху*. Дочь царя Латиния и Аматы, Лавиния, по желанию матери была помолвлена со своим двоюродным братом Турном. Ст. 231. *Турн* — сын Дафна и нимфы Венилии, племянник царицы Аматы, жених Лавинии, вождь рутулов. Ст. 318. *Слова свои на «ус» кончает*. Ус (us) — окончание им. пад. существительных в латинском языке. Ст. 323. *Велел за азбукой Пиарской*. Пиарская азбука — наиболее распространенная школьная грамматика латинского языка в Польше, изданная в 1741 г. католическим монашеским орденом братьев-пиаристов с целью воспитания детей в духе католицизма. Ст. 327. *Тму, мну, здо, тло* — названия слов-гов церковнославянского языка. Ст. 334. *Тому субботки задавал*. В школах, особенно дяковских, учеников за непослушание по субботам поролли розгами, сопровождая наказание молитвой: «Помни день субботний». Ст. 374. *Шпалер печатных принести*. На Украине печатные шпалеры (бумажные обои) активно вошли в обиход в начале XIX в., сменив обивку стен шелком, кожей и пр. Ст. 382. *Картин затейных приобрести*. Речь идет о лубочных народных картинках, народных гравюрах. Первые отечественные лубочные картинки появились в начале XVII в. на Украине (в 1619 — 1624 гг. созданы в типографии Киево-Печерской лавры). Лубками иллюстрировали издания народных песен, сказок, легенд и т. д. Ст. 394. *Царя Гороха времена* — незапамятные времена, очень давно. Ст. 395. *От Александра взбучка Пору*. Ряд лубочных картин посвящен победе Александра Македонского над царем древнеиндийского государства Пором, которого Александр Македонский взял в плен. Сюжет этот в лубках представлен различно. В одном — это честный поединок, в другом — Александр хитростью и обманом побеждает Пору. Известен и лубок, где в изображении Александра Македонского легко узнаваемы черты Петра I. Ст. 397. *Как старый Муромец гулял*. Среди лубков, выходивших в XVIII в., лубки с изображением богатырей и сказочных героев были особенно популярны. Много печаталось лубков с изображением одного из главных героев-богатырей древнерусского былинного эпоса — Илья Муромца. Ст. 401. *Бовы с Полканом мировая*. Большим успехом пользовался сюжет о Бове Королевиче — герое русской волшебной богатырской повести. Лубочные сказки о Бове Королевиче выходили сотнями изданий вплоть до начала XX в. Здесь упоминается об одном из сюжетов — победе Бовы Королевича над богатырем-песоголовцем Полканом. Ст. 402. *Как Соловей-разбойник жил*. Известно много вариантов лубка о Соловье-разбойнике. На одном из них под названием «Илья Муромец и Соловей-разбойник» изображены на лошадях русский богатырь и его противник. Оба они во французских кафтанах, париках, ботфортах. Илья Муромец очень похож лицом на Петра I, а Соловей-разбойник на Карла XII. Ст. 403. *Как Пересвет побил Мамая*. Лубок, изображающий момент Куликовской битвы — поединок между русским богатырем Пересветом и татаринцом Челубеем. Ст. 404. *Как в Польшу Железняк ходил*. Максим Железняк — запорожский казак, один из руководителей народного восстания против польской шляхты на Правобережной Украине в начале XVIII в. Ст. 405. *Портрет француза был — Картуша*. Картуш Луи (Луи Доминик, 1693—1721) — известный разбойник, который во главе шайки грабителей долго держал в страхе окранны Парижа. Имя его стало нарицательным обозначением грабителя, разбойника. Ст. 406. *Ванька Каин* — извест-

ный московский разбойник Иван Осипов (р. 1718). Современники воспринимали его в романтическом ореоле, чем и объясняется наличие о нем множества народных пересказов, лубочных картинок. *Гаркуша Семен* (1733 — 1784) — руководитель повстанческих отрядов на Украине, пользовался большой популярностью в народе. Ст. 451. *Энеус, ностер магнус панус* и т. д. Эта речь является пародией на язык «академистов» XVIII в., которые к украинским или польским словам добавляли латинские слова и окончания. Котляревский вставляет в украинский текст латинские слова либо к украинским словам добавляет латинские окончания:

Эней, наш великий пан
И славный троянский князь,
Шнырял по морю, как цыган,
К тебе, — о царь! — прислал нас теперь.
Просим, пан Латин!
Спаси наши головы и отныне
Позволь жить в твоём краю,
Хоть за деньги, хоть даром.
Уж мы, поверь, достаточно оценим
Благодеяние твое.

О царь! Будь нашим меценатом
И ласку твою окажи.
Энею названным братом
Стань, наилучший! Не откажи!
Эней, предводитель наш удалый,
Красивый и проворный малый,
Увидишь самолечию!
А прежде чем распить по чарке,
Вели принять подарки,
От сердца присланные вам.

Ст. 461. *Будь нашим меценатом*. Меценат Гай Цильний — римский государственный деятель при императоре Августе (конец I в. до н. э.), высоко ценивший влияние искусства на общественную мысль, поддерживал поэтов, писателей; переносно — покровитель людей искусства. Ст. 472. *Царь Хмель* — сказочный персонаж, упоминается здесь для отнесения событий к давним временам. Ст. 481. *Вот эту скатерть-самобранку Давно из Липска привезли*. Липск — старое название Лейпцига. В Полтаве в конце XVIII в. активизируется развитие торговли, усиливается торговый обмен. Торговые связи Полтавы с Лейпцигом были довольно давними. Уже в первой половине XVIII в. в Полтаве существовала компания, выписывающая товары из Лейпцига, которые затем развозили по южным городам и местечкам. Ст. 543. *Лубенский караван пахучий* и т. д. Котляревский называет местности Украины, славившиеся то ли качеством сельскохозяйственной продукции, то ли местными кулинарными или промысловыми изделиями. Так, большой популярностью пользовались решетиловские смушки. Через скупщиков, оптовых торговцев они попадали не только на большие русские ярмарки, но и за границу. Ст. 583. *Чтоб фурию, мол, Тезифону* и т. д. Тезифона (Тисифона, греч. миф.) — одна из трех эриний (Алекто, Тисифона, Мегера), рожденных Геей, впитавшей кровь оскотленного Урана. Постоянное место их пребывания — в царстве Аида и Персефоны,

появляются на земле, чтобы спровоцировать месть, безумие, злобу. Ст. 641 *К Амаде под подол сорочки Гадюкой ведьма заползла*. У Вергилия не Тисифона, а эриния Алектю, напоенная ядом Горгоны, вливает злобу в сердце Аматы, проникает ей в грудь в виде змеи, делая ее безумной. Ст. 752. *Лавинии к Петру — коржей*. К Петрову дню, 29 июня (12 июля), на Украине пекли коржи из муки, яиц, творога и пр., т. е. «разговлялись» после поста. Ст. 930. *Того пошло кунци ловить!* Латин угрожает ссылкой в Спирь. Ст. 961. *О муза, — панночке парнасской* и т. д. Музы (греч. миф.) — богини поэзии, искусств и наук, девять сестер, живущих на Парнасе — горию массиве в Греции. Котляревский имеет в виду музу эпической поэзии — Каллиопу. Ст. 975. *Чтоб головы при этом брили* и т. д. Котляревский рисует облик запорожского казака: бритую голову с чуприной (оселедцем) — клоком волос на макушке и длинными свисающими усами. Ст. 985. *По городам полки называли*. На Украине в XVI—XVIII вв. полки были военной и административно-территориальной единицей и назывались по городам (как и называет их дальше Котляревский — Лубенский, Гадячский, Полтавский). Полковник таким образом объединяет в одном лице военную и административную власть. Ст. 1001. *У нас в гетманшине, бывало*. Гетманщина — полуофициальное название территории Левобережной Украины с Киевом в составе России, находящейся с 1667-го по 1764 г. под управлением гетмана. Ст. 1031. *Из члвеа, буков и кадушек* и т. д. В этой и последующей строфах Котляревский в шуточной форме рисует подготовку к войне в духе народных небылиц. Ст. 1052. *Ведь ч латинцев Тулы нет*. Город Тула издавна славился заводами военного снаряжения. Ст. 1143. *Для Януса, лихого бога* и т. д. Янус (римск. миф.) — бог входов и выходов, всякого начала. Перед каждым важным начинанием Янусу воздавали почести, особенно в начале войны и после ее окончания. В Риме был построен храм, открытый во время войны и закрытый в мирное время. Янус изображался двуликим. Ст. 1171. *Златые были дни Астреи*. Астрея (греч. миф.) — дочь Зевса и Фемиды, богиня справедливости, обитавшая среди счастливых людей золотого века, т. е. во времена, когда люди вели жизнь без подневольного труда, войн и раздоров. Когда пришли в упадок нравы (в бронзовом веке), Астрея покинула землю и вознеслась на небо. Ст. 1217. *Ардея* — город в области Лациум, родина царя рутулов Турна. Ст. 1221. *Мезентий* (Мезенций, римск. миф.) — царь этрусского города Цере, изгнанный подданными за жестокость; воевал на стороне Турна, был убит Энеем (по другой версии — его сыном Асканием). Ст. 1223. *Точь-в-точь полковник так Лубенский* и т. д. Лубенский полк принимал участие в битве под Полтавой в 1809 г. Лубенским полковником в 1708—1728 гг. был Андрей Маркович. Ст. 1229. *И вал исчез*. Валы, окружавшие Полтаву, в начале XIX в. были превращены в бульвары. Ст. 1232. *Авентий-попадьич, байстрюк* — Авент, союзник Турна; незаконный сын Геркулеса и жрицы Рен. Потому и попадьич, сын жрицы, попадьи. Ст. 1243. *Там атаман был Покотилос*. А есаул — Караспуло. Котляревский переделывает типичные украинские фамилии Покотило, Карась — на «греческий» лад. Ст. 1250. *Морея, Дельта, Кефалос*. Морея (Пелопоннес) — южная часть Балканского полуострова. Дельта — полуостров в Мраморном море близ Босфора. Кефалос (Кефалония) — остров в Ионическом море, у западных берегов Греции. Ст. 1252. *Цекул* (римск.

миф.) — сын смертной девушки и бога Вулкана, основатель города Пренесте, союзник Турна. Ст. 1254. *Дорошенко* Михаил (ум. 1628) — гетман реестрового казачества, сподвижник атамана П. Сагайдачного. Ст. 1262. *Мезап* — у Вергилия предводитель этрусских племен. Ст. 1272. *Агамемнон* *Галес* — сын Агамемнона, предводителя греческого войска во время Троянской войны. Ст. 1277. *Тут люди всяких языков* и т. д. Дальше называются древнеиталийские племена. Ст. 1282. *Тезеевич* *пан Ипполит* Ипполит (греч. миф.) — сын афинского царя Тезея — сын Агамемнона Антиопы. Гибнет, оклеветанный влюбленной в него мачехой Федрой. Ст. 1305. *Девушка та звалась Камиллой*. Камилла (римск. миф.) — дочь Метаба, царя города Приверна. В младенческом возрасте Камиллу унес в леса ее отец, изгнанный своими подданными. Метаб посвятил ее Диане, с помощью которой воспитал дочь воинственной охотницей. Котляревский не следует за Вергилием, создавая внешний облик Камиллы.

Часть пятая. Ст. 52. *Камышовый дед* В образе камышового деда показан Тиберин — в римской мифологии бог реки Тибр, сын Януса. Согласно Вергилию, Тиберин, явившись Энею во сне, посоветовал ему заключить союз с Эвандром. Ст. 59. *Ищи свиньи под дубом белой* и т. д. В основе этого факта, упоминаемого Вергилием, лежит итальянский миф о свинье с тридцатью поросятами, появившейся во время высадки Энея на латинскую землю. Ст. 64. *Юл построит Альбу-град*. Юл (Юл, Асканий) — сын Энея и его первой жены Креусы. По одной из версий, после смерти Энея он оставил основанный отцом город Лавиний, а также освободившийся после смерти Латина престол в Лавренте Лавинии и ее сыну от Энея Сильвию, а сам стал править в Альба-Лонге; его потомки, цари Альбы, также именовались Сильвиями. По другой версии, Сильвий — сын Юла и унаследовал от него царство. Ст. 66. *С аркадянами побратайся!* Речь идет о жителях Аркадии (область в центральной части Греции), которые вместе со своим царем Эвандром переселились в Италию. Ст. 96. *Пустились вниз по Тибру смело К Эвандру*. Эвандр (римск. миф.) — внук (или сын) аркадского царя Палланта. По наущению матери Эвандр убил отца и бежал в Италию. Став союзником Энея в войне с Турном, Эвандр дал ему отряд под командой своего сына Палланта, павшего затем в бою с рутулами. Ст. 176. *Без жеребьевки* — т. е. на войну призвуют всех, без обычной при рекрутских наборах жеребьевки. Ст. 206. *Геркулесовы проказы* — подвиги Геракла, в частности, десятый по счету подвиг — убийство легендарного разбойника Кака, похищавшего коров из стада. Ст. 227. *К Вулкану кралась босиком*. Вулкан — бог разрушительного и очистительного пламени. В греч. миф. ему соответствует Гефест, также и бог кузнечного ремесла. Самый красивый из богов, хромоногий, он, будучи олимпийцем, женился на прекрасной Афродите. У Вергилия дается описание подземной кузницы Вулкана, где создаются Зевсовы грома и молнии, а также куется оружие для Энея. Ст. 243. *Но задрожал, узрев Киприду*. Киприда — одно из имен Афродиты (Венеры). Существовало несколько версий ее рождения. Согласно более ранней — кровь оскотленного Урана попала в море, образовав пену, из этой пены и появилась богиня вблизи острова Кипр. Ст. 291. *Летит на тучке тихомолку Венера в Пафос*. Пафос — город на южном берегу Кипра, был центром культа Афродиты. Ст. 329. *Собраньем Речи Посполитой*. Речь Посполита — со времени Люблинской унии с

1569 до 1795 г. официальное название объединенного польско-литовского государства. Речь Посполита управлялась общим сеймом и главой государства. Ст. 375. *Лидийцы* — жители Лидии, страны на западе Малой Азии. В VII — VI вв. до н. э. — независимое государство, в 133 г. до н. э. — часть римской провинции. У Вергилия Эвандр советует Энею обратиться за помощью к этрускам. Ст. 379. *Теснит, на чини не отпускает*. Здесь: не дает возможности заработать на стороне деньги для уплаты чинша, регулярного оброка, который платили помещику лично свободные крестьяне. Ст. 431. *На том щите посередине* и т. д. Котляревский дальше приводит сюжеты народных сказов, лубочных картинок, изображенных на щите: сказки об Ивасике-Телешике и бабе-яге, семиглавом змие, Иване-царевиче и сером волке, Катигорошке. Ст. 447. *Кузьма-Дельян* — Косьма и Дамиан, христианские святые, умершие мученической смертью. Ст. 450. *Марципан* — герой западноевропейских рыцарских романов, широко известный на Украине в XVII в. Ст. 461. *Пан Турн, зевая, ждал вертепа*. Вертеп — народный кукольный театр, известный с XVII в. Представления разыгрывались в ящике, имеющем вид двухэтажного домика, в верхней части — драмы религиозного содержания, в нижней — сатирические интермедии из народной жизни. Ст. 464. *С тоски хлестал ахтырский мед*. Ахтырка — в прошлом полковой город на Украине, известен был рецептами изготовления высококачественного меда. Ст. 589. *К Цибеле постепили старой*. Цибела (Кибела, греч. миф.) — богиня, воплощение матери-земли. Великая мать богов, иногда отождествлявшаяся с Реей — супругой Кроноса, матерью Зевса и других богов. Она — владычица гор, лесов и зверей, регулирующая их неиссякаемое плодородие. Ст. 625. *Сатурнович* — Зевс — сын Кроноса, в греч. миф. вначале отождествлявшегося с Сатурном. Ст. 631. *Мою ты знаешь гору Иду*. Ида — гора на острове Крит, где был распространен культ Цибелы. Ст. 659. *В сирек проворно обернулись*. Сирены — демонические существа, рожденные рекой Ахелоем и одной из муз, воплощение волшебной, но изменчивой гладн воды. Изображались в виде полуженщин-полуптиц, прекрасным пением заманивающих мореплавателей и ведущих их к гибели. Ст. 712. *Низ и Эвриал* — воины Энея, Вергилий воспел их дружбу и трагическую гибель в стане врага. Ст. 861. *Рамент* — в «Энеиде» Вергилия царь, жрец, любимец Турна. Ст. 871. *На Рема и его героев*. Здесь и дальше Котляревский перечисляет воинов Турна, названных Вергилием, — Серран, Ретус, Волсент, Сульмон. Ст. 876. *Как Фому Ерема*. Фома и Ерема — персонажи шуточной повести XVII в., неудачливые братья, постоянно попадающие впросак. Ст. 929. *Из хлева у гевалов мирных* и т. д. Гевалы — народ арабского происхождения, враждовавший с Изранлем. Со временем название этого племени стало синонимом чужих людей, простаков. Котляревский создает сцену семинарского быта XVII — XVIII вв., когда голодные бурсаки добывали себе пропитание, воруя кур, уток и пр. Обкрадываемых крестьян они называли гевалами. Ст. 1006. *Творишь пеккатум, фратер милый*, и т. д. — образец макаронического языка, дословно читается так:

Творишь грех, брат милый,
Ты смерть невинному несешь:
Я — дурак, разбойник, нечестивец,
Злодей, мерзавец и убийца!

Ст. 1052. *Светильник Феба* — солнце. Ст. 1180. *Пегас* — волшебный крылатый конь. В III в. до н. э. александрийские поэты создали легенду о Пегасе как о коне поэтов. Ст. 1221. *Был Геленор боец на славу* и т. д. Здесь и дальше Котляревский называет ряд имен бойцов, одни из которых — соратники Энея (Геленор, Лик, Эмфион, Ареф, Циней, Илионей, Битнаг, Пандар, Афида, Мерон, Филарис, Галис, Крифей, Серест), другие — выступают на стороне Турна (Легар, Лутеций, Циней). Ст. 1271. *Слыл Ремул хвастуном в народе*. По Вергилию, Ремул — супруг младшей сестры Турна. Ст. 1306. *По-сербски величали веру* — богохульствовали, непристойно бранились. Ст. 1312. *Был каждый с виду — Голиаф*. Голиаф (библ.) — великан, силач, убитый в единоборстве юным пастухом Давидом, ставшим впоследствии иудейским царем. Ст. 1316. *И с Кочубеевым Тарасом* и т. д. Речь идет о слуге близкого знакомого Котляревского, полтавского помещика Кочубея.

Часть шестая. Ст. 7. *Стремглав бегут в базарный суд*. Одно из проявлений народного обычного права, суд-карвасар — самостоятельный суд «на миру», где наиболее авторитетные члены общины решали спорные вопросы. Ст. 27. *Что грек до нежнских колбас*. Поселения греков известны на Украине давно. В XVII в. греки, жившие в Нежине, получают значительные привилегии, а Нежинское братство греков сыграло важную роль в развитии экономических связей. Ст. 32. *Смирительный дом* — карательное заведение, где отбывали принудительные работы лица, совершившие незначительные проступки против закона. Ст. 51. *Венера молодежи смелой* и т. д. — намек на миф о любовной связи Венеры с Марсом. Ст. 83. *Фригийцам некуда деваться*. Здесь фригидцы — в значении троянцы. Ст. 93. *Терпели пуще Прометея*. Прометей (греч. миф.) — сын титана Иапета и океаниды Климены. Когда Зевс отобрал у людей огонь, Прометей выкрал огонь с Олимпа и вернул людям, передав его в полум тростнике, за что был прикован к скале на Кавказе, где орел выклевывал ему печень, ежедневно вырастающую вновь. Ст. 129. *Никчемной сводницей цитерской*. Культ Венеры (Афродиты) был издавна распространен на острове Цитера (Кипра). Ст. 131. *Ей вышла от Вулкана взбучка*. В «Одиссее» рассказывается любовная история Афродиты и Ареса — во время свидания их приковал к ложу не видимыми глазом сетями супруг Афродиты — Гефест, и в таком виде они предстали перед богами. Котляревский переносит героев в римскую мифологию. У него это — Венера, Марс, Вулкан. Кроме того, наказание супружеской неверности представлено в народном духе — неверной жене отрезали подол юбки. Ст. 154. *Мол, только-только из воды!* Намек на то, что Венера родилась из морской пены. Ст. 155. *Невинничает, как Су-санна*. Библейский образ неслуженно преследуемой, чистой, невинной девушки. Ст. 195. *Шведская могила* — братская могила, в которой похоронены русские вонны — участники битвы под Полтавой (27 июня 1709 г.). Ст. 232. *С Энеем, дескать, плыл*. Здесь и дальше снова называются имена союзников Энея (Массик, Тигренко, Авант, Астур, Азиллас, Цинарис, Купавон, Авлет, Демоток, Фарет, Ладон, Арунт, Фил, Тамарис, Хлорей, Себарис, Дерет, Главк, Ферсиклог, Гилл, Амик) и союзников Турна (Фарон, Лихас, Кисей, Фар, Даг, Гибсон, Лар, Ретий, Клавз, Маг, Нума, Серест, Тарквит, Камерт, Ансул, Лук, Лукул, Лигар, Лутаг, Лавз, Орс, Парфен, Палм, Мессап, Цетаг, Танаис, Тобон, Онит, Сукрон). Ст. 648. *Призвал на помощь Асмодея*. Асмодей (библ.) — злой дух, глава демонов.

Ст. 696. *Юнона в небо шасть кукушкой.* Кукушка наряду с павлином считалась священной птицей Юноны. Ст. 780. *Заткнули за щеку пятак.* Имеется в виду плата Харону за перевоз через Стикс. Ст. 832. *Сказал послам латинским так.* Далее макароническая речь читается так:

Латин — царь неугомонный,
А Турн самый большой дурак,
И зачем вам сражаться со мной?
Латина я считаю слепым,
Господа, олухами — вас.
Латин рад мир дать,
Разрешаю погребсти мертвых,
И против вас мой гнев угас.

Один лишь Турн недруг мне.
Сам, следовательно, должен воевать
Так хочет судьба! — и Эней
Вам будет царь, Амате зять.
Назначив с Турном поединок,
Мы приведем войну к концу.
Не всем же кровь проливать!
Укажет меч или бог,
Достоин Турн или Эней
Латинским скиптром обладать.

Ст. 852. *Дрансес* (Дранкей) — латинянин. Ст. 895. *Трахон* — союзник Энея. Ст. 910. *Искони бе хаптурный род.* Речь идет о поборках (хаптурах), которые брало духовенство. Ст. 915. *В костры швыряли седла, сбрую и т. д.* Погребальный обряд древних римлян предполагал сожжение тел умерших вместе с их вещами, якобы необходимыми им в загробном мире. Ст. 921. *Лаврент* — древний город в Лациуме, столица латинян. Ст. 951. *Толкнулись к хану Диомиду.* Диомид (Дномед, греч. миф.) — аргосский царь, участник Троянской войны, выступал против Трои и после разорения города попал в Италию. Ст. 961. *Венул* — латинянин. Ст. 979. *Отца втащил на Иду-гору.* Согласно Вергилию, Эней вынес отца на плечах из пылающей Трои. Ст. 1215. *В Ивашках, Мыльцах, Пушкарке, И в Будищах, и в Горбанивке* — названия сел под Полтавой. Ст. 1266. *Русалку, что звалась Ютурна.* Ютурна (римск. миф.) — нимфа вод, сестра Турна. Ст. 1285. *Затем прикинулась Камертом.* Камерт — сын Волсента, латинянин. Ст. 1300. *К войне Толумний подстрекал.* Толумний — прорицатель у рутулов. Ст. 1547. *Нечёса-князь.* Речь идет о Г. А. Потемкине, записавшемся в реестр запорожского войска под именем Григория Нечёсы.

ПЬЕСЫ

Наталка Полтавка. Автограф пьесы хранится в отделе рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР. На титульной странице заголовок: «Полтавка. Опера малороссийская в 2-х действиях». Ниже заголовок: «Действующие лица» и их перечень. Текст написан четко, с незначительными помарками, на 31 листе зеленоватой бумаги с клеймом 1829 г. Пьеса написана

И. П. Котляревским в 1819 г., о чем свидетельствует его письмо к И. И. Манжосу (1828—1829). Это скорее даже не письмо, а просьба о защите своих авторских прав. Котляревский доводит до сведения Манжоса — полтавского полицмейстера, что антрепренер русско-украинской труппы И. Ф. Штейн, «разъезжая по ярмаркам, бывавшим в разных городах разных губерний, с подвижною своею труппою играет на театрах сочиненную мною в 1819 году малороссийскую оперу в двух действиях под названием «Полтавка» без моего согласия и позволения. Мне неизвестно, как и откуда он ее достал, но я удостоверен в том, что он пользуется непозволительно чужим добром, а моя опера Штейном не благоприобретена... Таковой поступок Штейна, кроме того что бессовестный, есть противозаконный и достоин преследования правительства». Неизвестно, какие меры предпринял Манжос, удовлетворил ли Штейн авторские права Котляревского, но пьеса и дальше продолжала ставиться, о чем свидетельствуют афиши, которые хранятся в Харьковском областном архиве. Вспоминает Котляревский о пьесе и раньше — в 1821 г. в письме к Н. Гнедичу: «Есть у меня и песенки малороссийские из сочиненной мною оперы «Полтавка», принятой довольно хорошо в Полтав[ской], Черниговс[кой] и Харьковской губерниях». Хотя в автографе пьеса названа «Полтавка», да и в письмах Котляревский так ее называет, но, передавая пьесу И. И. Срезневскому в печать, он озаглавливает ее — «Наталка Полтавка». Предпринимал ли Котляревский какие-либо меры для опубликования пьесы сразу после ее написания — неизвестно. Только в 1837 г., когда И. И. Срезневский посетил Котляревского в Полтаве, последний передал ему пьесу для издания, подтвердив это официальным письмом: «Сочиненные мною малороссийские оперы «Наталка Полтавка» и «Москаль-чаривник» поручаю для издания в свет, в каком будет нужно количестве экземпляров, титулярному советнику Измаилу Ивановичу Срезневскому». Пьеса была впервые напечатана в альманахе «Украинский сборник» (Харьков, 1838, кн. 1) под заголовком: «Наталка Полтавка. Малороссийская опера И. П. Котляревского» с посвящением: «Любителям славянщины». Разрешение санкт-петербургской цензуры дано 26 апреля 1838 г.

В предисловии Срезневский писал о том, что «Наталка Полтавка» — это не только одно из первых книжно-народных произведений Украинны, но и образец для всех последующих, что, «она более всех любима по всей Украине». Срезневский поместил также в конце пьесы послесловие и словарь украинских слов. Первое издание пьесы вышло со значительным количеством изменений против автографа, имеются различные редакции не только отдельных выражений, но и эпизодов. Закономерен вопрос — кто вносил эти поправки? Возможность ответить на этот вопрос дают списки, в которых распространялась пьеса. Известно их несколько, но самый большой интерес представляет список, датированный 1821-м годом. В нем 27 листов, на первой странице заголовок: «„Наталка Полтавка“, опера», на второй — список действующих лиц. В тексте незначительное количество исправлений. Текстологический анализ убеждает, что список сделан с первоначального текста «Наталки Полтавки» и является копией первого, неизвестного оригинала; разница между списком 1821 г. и автографом проявляется в незначительных стилистических правках (Котляревский И. П. Повне зібрання творів: У 2-х т. Київ, 1953. Т. 2. С. 125). Эти наблюдения являются основанием для выводов о том, что между первым неизвестным авто-

графом «Наталки Полтавки» и сохранившимся автографом 1829 г. существенных различий нет. Автограф, который сохранился, «не является какой-то новой редакцией пьесы; это тот же текст 1819 г., исправленный стилистически и подготовленный к печати. Отсутствие нескольких редакций «Наталки Полтавки» вместе с тем есть еще одно доказательство того, что к изменениям в издании Срезневского сам автор никакого отношения не имел» (Котляревский И. П. Повне зібрання творів. Т. 2. С. 123). Исходя из приведенных соображений, автограф 1829 г. можно считать окончательным текстом. Начиная с указанного академического издания (Котляревский И. П. Повне зібрання творів. Т. 2), пьеса печатается по автографу. По этому же изданию сделан перевод пьесы Вс. Рождественским. В год написания «Наталки Полтавки» начинается ее сценическая история. Как утверждают биографы Котляревского, создание им «Наталки Полтавки» и «Солдата-чародея» непосредственно связано с деятельностью в Полтаве театральной труппы. В 1818 г. по приглашению генерал-губернатора Полтавской и Черниговской губерний князя Н. Г. Репнина (Волконского) в Полтаву прибыла из Харькова труппа И. Штейна, в составе которой был М. С. Щепкин. В 1819 г. «Наталка Полтавка» поставлена в Полтаве без обращения в цензуру, на основании личного разрешения Репнина. Роль Выборного исполнял Щепкин. Первый биограф Котляревского С. Стеблин-Каминский вспоминал, что эта роль была специально написана для Щепкина (Стеблин-Каминский С. Воспоминания об И. П. Котляревском. Полтава, 1869. С. 27). В 1821 г. в бенефис М. С. Щепкина пьеса впервые была поставлена в Харькове, в том же году — в Киеве, в 1837 г. — в Москве, в 1838 г. — в Петербурге. Большой театральный успех пьесы отмечала пресса. На сцене дореволюционного театра «Наталка Полтавка» была самой репертуарной пьесой. «Я сам тридцать три года слушал «Наталку» и даже принадлежу к исполнителям одного из действующих лиц этой славной пьесы — Возного, — писал И. Карпенко-Карый. — Много воды утекло в море забвения... тысячи драматических пьес почитают вечным сном, забыты навеки, а «Наталку» выучили на память почти все слушатели... В чем вся сила пьесы, в чем ее чарующая душу красота? В необычайной простоте, в правде и, главное, в любви автора к своему народу, в любви, которая из сердца Котляревского перешла на его произведение» (Литературный збірник на спомин О. Кониського. Київ, 1903. С. 103, 110). Пьеса вошла в репертуар большинства театров, принималась с «большим одобрением, а имя творца повторялось с любовью не только во всей Малороссии, но и во многих местах Великороссии и в обеих столицах» (Терещенко А. В. Иван Петрович Котляревский // «Основа». 1861. Кн. 2. С. 168). К песням из пьесы сразу же была написана музыка, хотя автор ее (или авторы) неизвестен. Об этом и пишет Котляревский к Гнедичу: «Ежели в журнал входят и песни, то я мог бы Вам доставить их даже с нотами для фортепиано». Позже три песни из «Наталки Полтавки» положил на музыку композитор А. М. Баратинский-Барцицкий и опубликовал в приложении к альманаху «Утренняя звезда» (Харьков, 1833. Кн. 2), правда, без указания автора песен. Оперу «Наталка Полтавка» по своей партитуре ставил в 1857 г. А. В. Маркович в Немирове, позже — в Чернигове. Известна музыка к «Наталке Полтавке» А. Едлички, И. Ляндвера. Музыкальное оформление пьесы в 1890 г. завершил известный украинский композитор Н. В. Лысенко. Его опера в дореволюционном театре ставилась не часто (преиму-

шественно в труппе Н. Садовского), поскольку была сложной для исполнения небольшими труппами. После Великой Октябрьской социалистической революции опера стала классическим произведением оперного репертуара. Действие первое. *Сколько артикулов в Статуте*. Артикул — статья какого-либо закона, в данном случае — Литовского статута. *Магдебургское право* — средневековое городское право. Город, получивший его, частично освобождался от юрисдикции центральной администрации. *Тахтауловский дячок... изучил Ермолый* — ирмолог (ирмологий) — собрание песнопений (ирмосов), составляющих в восточно-христианской культовой музыке содержание большой хоровой композиции. *Печеного кабака поднесла*. Согласно народным традициям, на Украине при отказе жениху сватам иногда вручали тыкву (кабак), часто печеную. *Царь Соломон* (библ.) — третий царь Израильско-Иудейского государства (ок. 965—928 гг. до н. э.), считавшийся в ветхозаветных книгах величайшим мудрецом всех времен. *Прекрасный Иосиф* (библ.) — сын Иакова и Рахили, юноша необычайной красоты и ума, был предметом особой отцовской любви, за что и подвергся гонениям со стороны старших братьев. Попав в рабство в Египет, благодаря своей мудрости, занимает высокое положение при дворе фараона. В голодное время он предоставил своему престарелому отцу и родичам убежище в Египте. Действие второе. *Пойду на Тамань...* и т. д. Таманский полуостров в 70-х годах XVIII в. присоединен к России. На Таманском полуострове и Прикубанье из запорожского казачества образовано Черноморское казачье войско. *Там старые дома ломают*. Многие путешественники, бывавшие в Полтаве в конце XVIII в., воспринимали ее как небольшой, неблагоустроенный городок, но уже в то время в Полтаве имелись каменные строения, а перепись этого времени называла 51 улицу. Котляревский говорит о благоустройстве города, активно начатом с 1802 г., когда Полтава стала губернским центром. Она была перестроена, расчленена на кварталы с прямолинейными улицами, многие строения были снесены; образован новый административный центр, построены большие административные здания, сооружен монумент «Славы» в честь 100-летия Полтавской битвы. *Были и на линии*. Очевидно, имеется в виду Днепровская линия — система пограничных укреплений, построенных во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Линия тянулась от Днепра до Азовского моря. *Малороссийская комедия* — водевиль русского писателя и театрального деятеля Александра Александровича Шаховского (1777—1846) «Казак-стихотворец», который был показан в Москве и Петербурге (1812). Водевиль имел определенный успех благодаря патриотической теме, живости действия, музыкальным номерам. Однако украинская общественность отрицательно оценила произведение — из-за надуманности сюжетных коллизий, незнания украинского быта. Водевиль был показан в Харькове (1816) и в Полтаве (1817). В журнале «Украинский вестник» (1817, № 2) появилась рецензия, резко порицающая искаженное Шаховским украинской жизни, языка, обычаев. *Маруся, Климовский, Прядиус, Грицько* — персонажи упомянутого водевиля Шаховского. *Кочубей* Василий Леонтьевич (1640—1708) — представитель украинской старшинской верхушки, которая ориентировалась на русское государство. В 1707 г. Кочубей вместе с Искрой пытался разоблачить предательскую политику Мазепы, но были выданы царским правительством Мазепе и вскоре казнены как клеветники. *Мазепа* Иван Степанович (1644—

1709) — гетман Левобережной Украины, в годы Северной войны заключил тайное соглашение со ставленником шведского короля — польским королем С. Лещинским, согласно которому Левобережная Украина и Киев должны были отойти к Польше. В 1708 г. открыто перешел на сторону врага, после разгрома шведских войск бежал в турецкие владения. *Искра* Иван Иванович (ум. 1708) — полтавский полковник, как сторонник России был лишен Мазепой этого звания. Пытался вместе с Кочубеем раскрыть предательство Мазепы, но был казнен. После разоблачения измены Мазепы прах Искры и Кочубея погребен в Киево-Печерской лавре. *Иов* (библ.) — страдающий праведник, испытываемый сатаной.

Солдат-чародей. Автограф пьесы хранится в отделе рукописей Института литературы им. Т. Г. Шевченко АН УССР. На титульной странице заголовок: «Москаль-чаривник. Опера малороссийская в одном действии». На обороте — «Действующие лица». Текст написан четко, без помарок, на 23-х страницах зеленоватой бумаги. Как утверждает в своих воспоминаниях С. П. Стеблин-Каминский, «Солдат-чародей» был написан в том же 1819 году, что и «Наталка Полтавка» («Северная пчела», 1839, № 146). В 1837 г. Котляревский передал обе пьесы И. И. Срезневскому для издания. Срезневский, уезжая за границу, писал 15 октября 1839 г. о том, что передал М. С. Щепкину «„Москаля-чаривника“... Он издаст его как вторую книжку «Украинского сборника», а издав, поставит в Московском театре» («Живая старина», 1892, вып. 1. С. 71). Пьеса вышла из печати в 1841 г. как вторая книга «Украинского сборника» под заголовком: «Москаль-чаривник. Малороссийская опера И. П. Котляревского. Украинский водевиль». Издатель изменил авторский подзаголовок, обозначив жанр пьесы как «украинский водевиль». Между автографом и первым изданием существуют некоторые разночтения, так же как и в издании «Наталки Полтавки». Перевод на русский язык сделан Вс. Рождественским по тексту издания: Котляревский И. П. Повне зібрання творів. Т. 2, в основу которого положен автограф. Явление 1. *Я — ветвь масличная* и т. д. Здесь и далее Финтик обильно насыщает свою речь искаженными библейскими текстами. Явление 2. *До штаба не дослужился* — т. е. до штаб-офицерских чинов (от майора до полковника). Явление 7. *Хохлы никуда не годятся, да голос у них хорош*. С XVIII в. в России возрос интерес к украинской музыке. При дворе певчие-украинцы участвовали не только в церковном хоре, но и в театральном, наряду с итальянцами. В 1731 г. в Петербург с Украины был привезен певчим украинский казак А. Г. Разумовский (1748—1822), затем возведенный в графское достоинство и вступивший в тайный брак с императрицей Елизаветой Петровной. *Загляни в столицу... да пойді по министрам* — нарек на конкретных лиц, выходцев из Украины, ставших известными государственными деятелями своего времени (А. А. Безбородко, А. Г. Разумовский, А. Б. Куракин и др.).

СТИХОТВОРЕНИЯ

Песня на Новый 1805 год пану нашему и отцу князю Алексею Борисовичу Куракину. Автограф неизвестен. Датируется по содержанию. Со времени написания стихо-

творение распространялось в списках, по одному из которых и было опубликовано в журнале «Пчела» (1846, № 16). По другому списку «Песня...» была опубликована в 1861 г. П. А. Кулишом в журнале «Основа». При сравнении двух этих публикаций обнаружены значительные разночтения, которые исследователи объясняют вмешательством П. А. Кулиша. Установить авторский текст помогают списки, в которых распространялась «Песня...». Один из них (хранится в Полтавском литературно-мемориальном музее И. П. Котляревского), содержащий полный текст «Песни...», написан на бумаге с клеймом 1803 г. Это, а также характер письма, орфографические особенности свидетельствуют о том, что список сделан сразу же после появления оригинала, возможно, в том же году, он наиболее полно воспроизводит оригинал. Хотя между появлением этого списка и первой публикацией произведения прошло 45 лет, они, по сути, ничем не отличаются, кроме описок и типографских ошибок. Исходя из этих соображений, при составлении Полного собрания сочинений Котляревского в основу «Песни...» был положен текст «Пчелы». По этому тексту был сделан перевод В. Потаповой на русский язык, опубликованный в издании: Котляревский И. Соч. Л. 1969. Печатается по этому изданию. *Куракин* Алексей Борисович (1759—1829) — генерал-губернатор Малороссии в 1802—1807 гг. При Екатерине II был тайным советником, занимал ответственные должности, при Павле I был отстранен от дел. Александр I назначил его малороссийским генерал-губернатором, затем министром внутренних дел, канцлером русских орденов и пр. Куракин принадлежал к той части дворянства, которая верила в прогрессивность деяний нового царя, был привлечен к осуществлению реформы государственного аппарата. На должности малороссийского губернатора А. П. Куракин произвел ревизию судебных и других государственных институций. В Полтаве находилась основная резиденция Куракина, который поставил своей задачей придать Полтаве настоящий городской облик (см. примеч. на с. 339). Надежды, возлагавшиеся Котляревским на Куракина, так же как и на либерализм нового царя, оказались напрасными. Ст. 32. *Лентами украшен ты*. Имеются в виду орденские ленты. Ст. 39. *Ключ прицеплен сзади*. Придворный чин камергера, который имел Куракин, предусматривал золоченый ключ, который носили на парадных мундирах как символ близости ко двору. Ст. 70. *Как на ярмарке в Ромнах*. Ярмарка в г. Ромны проводилась в Ильин день — 20 июля (2 августа) на узкой и тесной городской площади. В 1803 г. Куракин распорядился отвести под ярмарку новую просторную и удобную территорию. Ст. 194. *Мафу-саил* (библ.) — один из патриархов, дед Ноя, проживший 969 лет. Его имя употребляется как синоним долголетия.

Ода Сафо. Автограф в Отделе рукописей Государственной библиотеки СССР им. Ленина (Москва). Впервые опубликовано в сборнике «Молодик на 1884 год» (Харьков, 1843. С. 279—280). Печатается в датируется по автографу. *Сафо* (Саффо, конец VII — начало VI в. до н. э.) — древнегреческая поэтесса. Ее любовная лирика пользовалась большой популярностью у греков и римлян.

СЛОВАРЬ

Алтын — старинная русская монета в 3 коп., с 1654 г. — медная, с 1704-го — серебряная, с 1841-го по 1916-й — золотая.

Амбре (амбра) — воскоподобное вещество, образующееся в пищеварительном тракте кашалотов, используется в парфюмерии; переносно — аромат.

Артикул — воинский устав, изданный Петром I, определявший, в частности, ружейные приемы.

Аршин неклеяемый — непроверенный, допускающий возможность обмана покупателей.

Ассессор — заседатель казенной палаты, военного суда. На Украине ассессоры во второй половине XVIII в. входили в состав генерального суда.

Бабки — название народной игры, то же, что свинки.

Бадьян — вечнозеленое ароматическое растение, содержащее эфирные масла; употреблялось как приправа для настоек.

Базилик — кустарник, полукустарник, содержащий эфирные масла; в древности использовали для изготовления похоронных венков, окуривания помещений и пр.

Байдак — лодка больших размеров, приспособленная к плаванию по реке и морю.

Бахмутка — поваренная соль, добытая в коях Бахмутского уезда (Бахмут — ныне Артемовск).

Берлин — старинная четырехместная карета.

Братина — старинный русский сосуд шаровидной формы из дерева, меди, серебра, золота для питья на братчинных пирах.

Бублейница — продавщица бубликов на базаре.

Бук — кадка, выдолбленная из цельного куска дерева, используемая для выпаривания белья в щелоке.

Бунчук — знак гетманской или атаманской власти на Украине и в Польше; длинное древко с насаженным металлическим шаром, с прядями из конских волос.

Бунчуковый — представитель генеральной старшины в украинском казацком войске, одной из их обязанностей была защита на войне бунчука.

Бургомистр — председатель городской управы.

В гречку... скакать — украинская идиома, означающая нарушение супружеской верности.

Варенуха — водка, сваренная на меду, с сухими фруктами, пряно-стями.

Великий пост — самый продолжительный пост в году (семь недель) перед праздником Пасхи.

Венгерка — название танца на венгерские народные мотивы.

Вернигора Мусий — образ богатыря из украинских волшебных сказок. Необычайная сила помогала ему преодолевать все преграды.

Вечерницы — осенние и зимние вечерние увеселительные собрания молодежи на Украине; посиделки.

Вода непочатая — вода, зачерпнутая из источника до восхода солнца, якобы обладающая целебными свойствами.

Возница (Возничий) — народное название созвездия Большой Медведицы.

Возный — судебный чиновник в Польше, Литовском княжестве, на Украине (до XIX в.). На Украине возные служили при судах (генеральном, полковом, сотенном и др.). В их обязанности входило исполнение судебных решений, взыскание платежей с населения и пр.

Войсковой — войсковой товарищ, почетный титул, присваивавшийся гетманом Украины в XVIII в. представителям казацкой верхушки за воинские заслуги.

Воловье войско — военный обоз.

Волонтер — добровольно поступивший на военную службу.

Ворон — старинная народная игра, представляющая нападение вороны на наседку с цыплятами.

Выбойка (набойка) — ткань с узором, нанесенным на нее посредством особых печатных досок.

Выборный — должностное лицо, избиравшееся голосованием из зажиточных слоев населения; помощник старосты.

Выжлец — кобель гончей породы.

Выкрест — человек, принявший христианство и исповедовавший до того другую религию.

Вьюшка — приспособление для размотки пряжи.

Гайдук — здесь: слуга в богатом панском доме.

Гевальдигер — офицер, исполнявший в русской армии (XVIII в.) полицейские функции.

Голландцы — узкие мужские штаны.

Гоны — старинная мера длины на Украине (120—240 м).

Горелки — подвижная игра, участники которой становятся по двое, а тот, кто «горит», стоит впереди и по сигналу ловит одного из задней пары.

Горлиця — украинский народный танец.

Грезет — шелковая или шерстяная ткань с мелким рисунком.

Гривна — денежная и весовая единица в Древней Руси, с XVI в. равнялась 10-ти копейкам.

Гуменищик — приказчик, работающий на гумне у помещика.

«*Да воскреснет...*» — начальные слова православной пасхальной молитвы.

Дежка (дежа) — кадка.

- Десятский* — выборное должностное лицо из крестьян для выполнения полицейских и различных общественных функций.
- До ляс* — польская идиома, имеющая значение: в лес. Обозначает стремительное, паническое бегство (аналогично русскому выражению «в кусты»).
- Донце* — часть самопрялки, доска для укрепления гребня и для сидения во время работы.
- Дормез* — старинная легкая карета, приспособленная для дальних поездок.
- Драгоман* — в восточных странах переводчик при посольствах и дипломатических миссиях.
- Дроги* — длинная телега без кузова, передок и задок которой соединены продольными брусами.
- Дрочиться* — злобиться, раздражаться.
- Дубовка* — сорт дыни.
- Дудочка* — украинский сюжетный танец, исполняемый в быстром темпе.
- Дулёвка* — настойка из груш, называемых в народе дулями.
- Епанча* — старинная русская одежда, длинная, широкая, плащеобразная; в XVIII — XIX вв. — женская короткая шубка.
- Есаул* — воинское звание и чин, введенные в казачьих войсках, в 1798 г. приравненные к чину ротмистра в кавалерии.
- Жбанок* — глиняная, деревянная либо металлическая посуда для воды, имеющая форму кувшина.
- Жгуты* — народная игра, при которой одному играющему завязывают глаза, и он туго свернутым жгутом иоровит ударить кого-либо из играющих.
- Живица* — густая смолистая масса, выделяющаяся из кедровых и хвойных деревьев.
- Журавль* — украинский народный сюжетный танец, танцующие изображают журавля.
- Загнетка* — углубление для углей в шестке русской печи.
- Заговенье* — последний перед постом день, в который христианам разрешается есть скоромное.
- Загуменники* — место за гумном, задворки.
- Запaska* — старинная украинская женская одежда в виде куса ткани, надевалась вместо юбки поверх сорочки, повязывалась поясом.
- Запеканка* — водка, заправленная пряностями и выдержанная определенное время в горячей печи.
- Заповедь восьмая* — одна из библейских заповедей: «Не укради!»
- Заседатель* — в Российской империи в 1775 — 1864 гг. должностное лицо, избранное для участия в работе некоторых местных государственных и судебных учреждений.
- Застрешка* (застреха) — нижний край соломенной кровли.
- Зипун* — русская крестьянская верхняя одежда из грубого домотканого сукна, тила кафтана.
- Значковый* — значковый товарищ, почетное старшинское звание, присваивалось представителям казачьей верхушки, не занимавшим военно-административных должностей. Наряду с другими обязанностями, должны были быть хранителями полковых знамен.

Зуб — украинская народная песня, танец.

Инбир (имбирь) — тропическое травянистое растение, корневище которого употребляется как пряность.

Исподница — нижняя юбка.

Казенные (крестьяне) — в XVIII — XIX вв. государственные крестьяне, т. е. принадлежащие государству.

Каламарь — чернильница.

Калебердянская верста — украинская идиома, соответствует «коломенской версте». Калеберда — в XVIII в. местечко Полтавского полка.

Калганная — водка, настоянная на калгане (народное название некоторых травянистых растений, имеющих лекарственное значение).

Камедь (камеди) — сок некоторых растений, используемый в медицине как обволакивающее средство.

Каплица — часовня.

Карачун — злой дух, нечистая сила, внезапная гибель.

Кармазин — старинное тонкое сукно красного цвета.

Кафтан — верхняя мужская и женская одежда, распашная, длинная, с глубоким запахом, из сукна или домотканный.

Каюк — небольшая лодка с плоским дном и двумя веслами.

Кварта — кружка, имеющая емкость немного более литра.

Кебаб-калос — вид сладкого блюда.

Кизиловая — настойка на ягодах кизила.

Киксовать — делать промах в бильярдной игре.

Кирея — старинная украинская мужская и женская верхняя распашная одежда, длинная, суконная, с капюшоном.

Китайка — плотная, преимущественно синяя ткань, первоначально шелковая, ввезенная из Китая, потом хлопчатобумажная, произведенная в Российской империи.

Кичка — старинный русский головной убор замужних женщин в виде шапочки с твердой передней частью в форме рогов или лопатки.

Клейноды — атрибуты власти.

Клепало — доска, в которую били, призывая к церковной службе или указывая время суток.

Кнур — боров.

Кныш — белый хлеб с завернутыми краями, смазанный салом либо постным маслом.

Кобыла — старинное орудие пыток.

Кобылья голова — чудище из украинских народных сказок.

Копыл — брус, вставляющийся в полозья как опора для кузова саней.

Кораблик — старинный женский головной убор с приподнятым спереди и сзади околышем.

Корец — ковш.

Коты — теплая обувь на меху.

Кош — место стоянки запорожских казаков; военное братство в Запорожье.

Кресало — кремь для высекания огня.

Криссехт — воинский начальник.

Крин — лилия.

Куликать — пить вино, пьянствовать.

Курень — шалаш; жилище казаков.
Крутопоп — переосмысленное в духе народной этимологии слово «протопоп» — священник высшего чина.
Кулеш — жидкая каша, заправленная салом.
Кунтуш — верхняя распахная мужская и женская одежда зажиточного украинского и польского населения XVI — XVIII вв.; одежда зажиточных кругов казачества.
Курохват — аналогия с вечно голодными бурсаками, воровавшими на базаре продукты, в том числе и кур.
Кутейники — ироническое название лиц духовного звания.
Кутья — обрядовое поминальное блюдо из вареной пшеницы с изюмом или медом.
Кушак — пояс, обычно из широкого длинного куска ткани или шнура.

Лава — боевой порядок в конном рассыпанном строю.
Лемешка — еда из густо запаренной муки, преимущественно гречневой.
Лунь — хищная птица семейства ястребовых. Лунь тебя сожрет — украинская идиома, означающая: погибнешь, пропадешь.
Любисток — травянистое растение, обладающее лекарственными свойствами. Использовалось в старину для приготовления «приворотного зелья».
Люстриновый — пошитый из люстрина, шерстяной или полушерстяной ткани с глянцем.
Лядунка — сумка для патронов к пистолету или карабину, надеваемая через плечо.

Магистрат — орган городского самоуправления в Российской империи в 1720 — 1864 гг. Первоначально имел административно-судебные функции, затем преимущественно судебные.

Макитра — большой глиняный горшок полусферической формы.
Макуха — жмыхи семян масличных растений, в том числе конопля.

Метелица — украинский народный танец.
Миряне — живущие в миру, не принадлежащие к монашеству или лицам духовного звания.

Можжевельник — вечнозеленое хвойное растение, имеющее при сжигании «бальзамический запах». С древних времен известен обычай сжигания ветвей можжевельника для окуливания дома, хозяйственных помещений, якобы с целью предотвращения удара молнии, изгнания нечистых духов.

Монада — философский термин, означающий неделимые духовные единицы, субстанции, из которых состоит мироздание.

Мортира — артиллерийское орудие, известное с XVI в., для разрушения сооружений.

Мотня — большой четырехугольный клин, соединяющий штанины традиционных мужских шаровар.

Мотовило — приспособление для размотки пряжи.

Муругий — буро-черной или рыже-бурой масти.

Муравленый — покрытый глазурью.

Мясопуст — время (неделя или день) перед Великим постом, когда православная церковь запрещает употребление скоромных блюд.

Намитка — старинный украинский головной убор замужних женщин в виде длинного куска тонкой ткани, повязываемой поверх очипка.

Не до соли — некстати, невпопад.

Носки — карточная игра, в которой проигравшего бьют по носу колодой карт.

Обозный генеральный — в казацком войске высший военный чин, ведавший обозом и артиллерией.

Октоих — в православном церковном обиходе книга, содержащая церковные песнопения на восемь голосов.

Оселедец — клочок волос на макушке бритой головы запорожского казака.

Осьмуха — древняя мера хмельных напитков, равнялась восьмой части большей меры (ведра, бочки, ковши).

Охлопки — остатки после обработки волокнистых веществ.

Очипок — старинный головной убор замужних женщин в форме шапочки, известный почти у всех славянских народов.

Очкур — шнур, поддерживающий штаны.

Паки — опять, еще, снова.

Паляница — круглый белый хлеб.

Памфил — название карточной игры.

Пани матка — матушка, вежливая форма обращения к матери и к пожилой женщине.

Пары — название карточной игры.

Пендосы — шутовское прозвище греков на Украине.

Пенник, пенная — крепкая, неочищенная хлебная водка.

Перекадные — казенные экипажи с лошадьми, которых меняли на почтовых станциях.

Переполах — болезненный испуг, от которого народная медицина лечила «святой» водой, заговорами и пр.

Пернач — древнерусское ударное оружие, массивная булава, в верхнем конце которой расположено несколько металлических пластин («перьев»); знак власти военачальников.

Петровки — Петров день, церковный праздник Петра и Павла, праздновался 29 июня ст. ст., после него начинался второй, поздний покос.

Петровская ночь — одна из самых коротких ночей в году, 29 июня ст. ст., перед церковным праздником Петра и Павла.

Пеший — здесь: безлошадный крестьянин.

Переполахы выливать — по суеверному обычаю, выливать в воду расплавленное олово или воск, чтобы по принятой им форме узнать причину болезненного испуга.

Пимфа — бурсацкая шутка: спящему вставляют в нос бумажную трубочку с подожженной ватой.

Писанки — ярко раскрашенные (писанные) пасхальные яйца. Катать писанки — игра, в которой выигравший получает писанку.

Плахта — старинная украинская женская поясная одежда в виде куска шерстяной узорчатой ткани, обернутой вокруг талии и закрепленной на поясе.

Повет — в Польше и на Украине в XVII — XVIII вв. административно-территориальная единица, составляющая часть губернии.

Повытчик — в России в XVI — XVIII вв. служитель канцелярии, ведавший делопроизводством в суде.

- Повытье* — доля, пай, надел.
- Подкоморий* — судья, занимавшийся вопросами размежевания владений.
- Подпанок* — служащий пана либо обедневший пан.
- Подсоседки* (подсуденики) — категория феодально зависимых крестьян в XVI — XVII вв., не имевших собственности, живших во дворах тягловых людей и помогавших им в хозяйстве.
- Подстава* — лошади, выставленные впереди по пути следования для смены.
- Подсудок* — в феодальной Польше и на Украине член земского суда.
- Подымщина* — в XVI — XVIII вв. налог в пользу местной администрации, взимался «с дыма», т. е. с крестьянского дома, хозяйства.
- Позов* — судебный иск, исковое заявление.
- Понедельничать* — давний народный украинский обычай: по понедельникам замужние женщины не работали, молились, соблюдали пост.
- Порскнуть* — стремительно броситься.
- Поставец* — ковш для пива, меда, кваса и пр.
- Постолы* — старинная крестьянская обувь из одного или нескольких кусков кожи, стянутых вокруг ступни шнуром; употреблялись в большинстве славянских земель.
- Потанцы* — маленькие сухарики (сладкие или соленые).
- Провиантмейстер* — в русской армии XVIII — первой половины XIX в. — лицо, ведавшее продовольственным снабжением армии.
- Прогонны* — в дореволюционной России плата за проезд на почтовых лошадях.
- Путря* — блюдо из вареного ячменя и сладкого кваса.
- Пшеник* — крутая пшенная каша на молоке и яйцах.
- Ратман* — в Российской империи XVIII — XIX вв. выборный член городских магистратов и ратуш, управ благочиния.
- Гатуша* — в Российской империи XVIII — начале XIX в. сословный судебный орган в небольших городах.
- Рацея* — ироническое определение длинного поучительного рассуждения.
- Ремез* — птица, вид синицы.
- Родимчик* — болезненный припадок у маленьких детей, сопровождающийся судорогами и потерей сознания.
- Роспуски* — повозка (сани) без кузова для перевозки бревен и досок.
- Рубель* — приспособление для разглаживания белья в виде узкой деревянной доски с ручкой и поперечными зарубками.
- Рыдван* — в XVIII — начале XIX в. большая карета для дальних путешествий, запряженная 6 — 12 лошадьми.
- Ряднина* — домотканая плотная ткань из конопляной или льняной пряжи.
- Сажень* — старинная русская линейная мера, равная 2,134 м.
- Саламата* — еда в виде каши, киселя из муки или толокна.
- Самопал* — пищаль, старинное примитивное ружье, стрелявшее при помощи подожженного фитиля.

- Санжарка* — украинский народный танец и песня.
- Сбитень* — горячий напиток, приготавливающийся из воды, меда и пряностей.
- Свинка* — игра, во время которой пытаются загнать в ямку деревянный шар — «свинку»; то же, что бабки.
- Свита* (свитка) — старинная украинская мужская верхняя одежда из домашнего толстого сукна.
- Святая неделя* — неделя православного праздника Пасхи.
- Святы* — церковные книги, содержащие перечень православных церковных праздников и святых.
- Семь листов* — название народной карточной игры на Украине.
- Сердюки* — казаки наемных пехотных полков на Левобережной Украине в конце XVII — начале XVIII в. Находились на полном обеспечении и получали денежную плату от гетманского правительства.
- Скороход* — слуга богатых помещиков, предупреждающий о приезде гостей, бегущий впереди экипажа.
- Слобожане* — жители слобод.
- Сопелка* (сопель) — народный духовой музыкальный инструмент типа флейты.
- «Со святыми...»* («Со святыми упокой») — молитвенное песнопение из православной заупокойной службы.
- Сотник* — в украинском казачьем войске начальник отдельного отряда — сотни, в мирное время — старшина, выполняющий административные функции по управлению какой-либо территории.
- Сотский* — в дореволюционной России нижний полицейский чин на селе, его избирали на сельской сходке.
- Старшина* — привилегированная военно-административная верхушка украинского казачества; происходила из зажиточных казаков; впоследствии получила официально статус дворянства.
- Стожары* — народное название созвездия Плеяд.
- Стряпчий* — в XVIII — первой половине XIX в. чиновник при губернском прокуроре, осуществлявший судебный надзор в уездах.
- Суля* — бутылка; плоская склянка, фляга.
- Сусаль* — тончайшие пластинки золота, серебра или сплавов других металлов, употребляемые для декоративной отделки каких-либо изделий.
- Сыровец* — неуваренный хлебный квас.
- Сыта* — вода, подслащенная медом, или медовый отвар на воде.
- Табеньки* — боковые кожаные лопасти седла.
- Таратайка* — легкая, обычно двухколесная повозка.
- Тесная баба* — популярная народная игра.
- Тетеря* — еда из муки или сухарей, разведенных в воде.
- Травчатые ткани* — узорчатые, с разводами.
- Треба* — религиозный обряд, совершаемый священником по заказу верующего.
- Третьеверное вино* — водка, подвергнутая трехкратной перегонке.
- Третьяк* — одно из колен гопака, тройное притоптывание в танце.
- Тройчатка* — плетень, сплетенный из трех ремней.
- Трубить в кулак* — терпеть нужду, голод.
- Трут* — фитиль или трутник, употребляющийся при высекании огня.

Трясавица — лихорадка.

Тулумбасы — старинный ударный музыкальный инструмент.

Тыква — сосуд для воды, изготовленный из определенного сорта тыквы.

Тягло — здесь: рабочий скот.

Уторы — нарезка для вставки дна в бочке. Ослабеть на уторах — не сдержаться.

Фузея — кремневое ружье, в XVII — XIX вв. заменившее мушкет в вооружении русской армии.

Хлюст — вид карточной игры.

Хорт — гладкошерстная борзая собака.

Хорунжий — вначале знаменосец, позднее — первый офицерский чин в казачьих войсках русской армии.

Цехмейстер — старшина ремесленного цеха.

Чекан — старинное оружие и знак начальнического достоинства.

Четвертак — разговорное название русской серебряной монеты в 25 коп.

Чудное деревцо — один из вариантов мифологического символа мирового древа (древо познания, древо жизни, древо подземного царства и пр.).

Шесток — место, площадка перед устьем русской печи.

Шнуровка — корсет.

Юпка — старинная украинская верхняя распашная одежда длиной ниже колен.

Янычарки — ружья, которыми были вооружены янычары — отряды турецких войск, формировавшиеся из пленных христиан.

Ярыжница — пьяница, гулящая, беспутная женщина.

СОДЕРЖАНИЕ¹

Творчество И. П. Котляревского в идейно-эстетическом контексте нового времени. *Вступительная статья М. Яценко* . . 5

ЭНЕИДА

Перевод Веры Потаповой

Часть первая	57/320
Часть вторая	74
Часть третья	92
Часть четвертая	128
Часть пятая	161
Часть шестая	197

ПЬЕСЫ

Перевод Вс. Рождественского

Наталка Полтавка	243/336
Солдат-чародей	280/340

СТИХОТВОРЕНИЯ

Песня на Новый год пану нашему и отцу князю Алексею Борисовичу Куракину. <i>Перевод Веры Потаповой</i> . . .	311/340
Ода Сафо	316/341
Примечания	319
Словарь	342
К иллюстрациям	351

¹ Курсивом набраны страницы примечаний.

Котляревский И.

К 73 Сочинения: Пер. с укр. / Вступ. статья М. Яценко, сост. и примеч. М. Т. Максименко. — Л.: Сов. писатель, 1986. — 352 с., 1 л. портр. — (Б-ка поэта. Большая сер.).

В литературном наследии выдающегося украинского поэта и драматурга И. П. Котляревского (1760—1838) центральное место занимает поэма «Энеида», в которой использована сюжетная канва одноименного произведения Вергилия. В настоящее издание включены и другие произведения И. П. Котляревского, в том числе хорошо известные русскому читателю драмы «Наталка Полтавка» и «Солдат-чародей».

К $\frac{4702590100-352}{083(02)-86}$ 428—86

ББК 84.Укр1

Иван Петрович Котляревский

СОЧИНЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1986, 352 стр.

План выпуска 1986 г. № 428

Художник *В. В. Еремин*

Худож. редактор *Б. А. Комаров*

Техн. редактор *Е. Ф. Шараева*

Корректор *Е. А. Омельяненко*

ИБ № 5146

Сдано в набор 7.04.86. Подписано к печати 9.09.86. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 18,58. Уч.-изд. л. 20,08. Тираж 50 000 экз. Заказ № 205. Цена 1 р. 70 к. Ордена Дружбы народов издательство «Советский писатель». 191104, Ленинград, Литейный пр., 36. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 190000, Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.

